

В 1(50)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:

АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
Л.К. ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (50)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
С.С. КОЗЛОВ
В.Е. КОПЫЛОВ
А.Н. СКОРБЕНКО
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
А.П. ЯРКОВ

Тюмень
2018

Содержание

ПРОЗА

Валерий СТРАХОВ	Жизнь есть жизнь.....	7
Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ	Рассказы о художниках.....	21
Леонид ИВАНОВ	Трамвай свиданий.....	35
Альбина КУЗЬМИНА	Рассказы.....	65
Мила РОМАНОВА	Разменная монета.....	82
Елена АНИСИМОВА	Рассказы.....	87
Вадим ГРИЦЕНКО	Пархомцев и психология.....	90

ПОЭЗИЯ

Павел ПЛЮХИН (17), Сергей АБРАМОВ (31), Дмитрий СЕРГЕЕВ (47),
Сарра Мария ГРАНИК (50), Василий ПОЛУШКИН (62),
Анжелика КРЪСТЕВА (70), Анжелика БИВОЛ (80), Валерий АКИМОВ (93)

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Ханиса АЛИШЕВА	Щедрая душа Альфеи.....	95
----------------	-------------------------	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Ольга ОЖГИБЕСОВА	Стихи.....	99
------------------	------------	----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Антон КОМАРОВ	Рассказы.....	105
Катя РУБАН (107), Инна ЕРОФЕЕВА (110)		

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Екатерина ПИОНТ	Рассказы.....	117
-----------------	---------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей КОЗЛОВ	Когда устали снега	118
Владимир ХОХЛЕВ	Спасибо за клеверное поле.....	121
Эдуард АНАШКИН	Между отчаянием и надеждой.....	122

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валерий ЕРМОЛАЕВ	Тавдинские легенды.....	127
Александр ЯРКОВ	Дневник политрука.....	131
Валерий САФРОНОВ	Все мы родом из прошлого.....	136
Виктор БУЛАНИЧЕВ	Забытые имена.....	154

У НАС В ГОСТЯХ

Алексей ЯШИН	Восток – дело тонкое.....	158
Яков ШАФРАН	Добровольцы.....	168
Владимир ХОХЛЕВ	Случай с Ивановым.....	186

Литературная хроника	194
Коротко об авторах	195

ПРОЗА

Валерий СТРАХОВ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЖИЗНЬ

– Я у трактора не спрашиваю, чего он соляром чихает. Ремонтирую, и всё... И ты лечи, не расспрашивай. Учился на то...

В окне хирургического отделения жужжит отогревшаяся муха. Она просится в весеннюю жизнь, к клёнам у дорожки. Клёны плачут соком в развешенные по сучьям на шнурках пластмассовые бутылки. Наверняка, пациент понимает разницу между разумом и железом, живым и не живым, но ему не нравится показная, на грани равнодушия, значимость хирурга. Нынешняя медицина запустила технологический конвейер из людских сует и страданий: операция, реанимация, спешная выписка и – конечный погост... Важнее самого лечения стали отчётность и цифры. Слова участия необязательны, даже в больнице.

Трактору сочувствие не нужно – не живой конь. Нет в его механизме того таинственного духа, который даёт возможность думать, переживать, смеяться, поступать. И не опишешь этот дух, раз невидим, но любая равнодушная формальность его гнетёт. Некая вольность дум и действий живому духу обязательно нужна для расцветания.

Как преображаются зрелые, серьёзные мужики, оторвавшись от однообразных домашних забот, как разглаживаются их морщины, как оживляются лица у костра на полевом стане. Все равны, все нужны – и всё вокруг понятно. Даже обедается в родном коллективе раскрепощённо, с хохотками. Рассказчики за самодельным столом чувствуют ненапряжённое внимание.

Калорий лишних в поле не бывает, умотались комбайнёры в застеклённых кабинках. Головы кружит от постоянного мельтешения колосьев перед жаткой. Организм пополнения сил требует. Лес, простор полей, свежесть воздуха тоже аппетита добавляют. Из большого аульного казана, раздобытого у местных казахов-скотоводов, запах сваренной баранины перемешивается с дымком прогоревших берёзовых веток.

Даже чай из дедовского самовара с сапогом для раздувания щепок лучше чая из самовара электрического. Чай в поле кипячён из колодезной водички почти сахарной вкусноты. Вместо «Нури» из заварочных пакетиков луговая душица. Знакомый пасечник сотовым мёдом угостил, не без хозяйской корысти:

– Своим бабам скажите, пусть покупают. По разнотравью взятки...

Близ стола царствует аромат вареной баранины и чая...

От «Нивы», переставшей греметь остановившимися шкивами, к столу спешит молодой рыжий комбайнёр. В волосах натыкались летучие белые соцветья полевого осота. Вместе с ветерком их заносит в открытую дверцу кабины. Пушинки отцветающего сорняка прилипают к голове, к одежде. Комбайнёр дурашливо и высоко вскидывает ноги. Кажется, что его расшнурованные для освобождения пальцев башмаки самостоятельно бегут впереди хозяина. Трудно вспомнить в истории рыжих философов. Темп жизни у рыжих бездумный, верченый. Парень хватывает из комбинезонного кармана гаечный ключ и пистолетом направляет на сидящих:

– Руки и ноги хенде хох, обжоры! Мой кулеш где? Га!

Ещё дед его покойный так выражался: хенде хох, да хенде хох.

Первой и единственной падает задницей на поляну проворная повариха Клава, задирает вязаные носки с галошами. Клава из-за худобы вовсе не имеет типовой поварской солидности. Её равно ценят за вкусноту гуляшей, котлет и за естественность поведения. Она не старается достать черпаком со дна погуще начальственному «уполномоченному». И при ней не надо озабочиваться соблюдением застольных этикетов. По правде говоря, застольные этикеты было бы трудно внедрить на полевом стане. Строганные жерди стола, алюминиевые миски и ложки не очень располагают к церемониям.

– Ты чего, тётъ Клава, как Петя Сюртуков, хлопаешься? В тебя и не целюсь ведь... Мимо направил.

– Сам приказал ноги и руки поднять. Ты «золотистый-золотой, а по-русски рыжий», может, на чём и сможешь постоять, а у меня приroda другая.

За столом прерывается звяканье ложек, слышится мучительное, надсадное мычание. Больно горяч кулеш, с пылу с жару. Но это сдержанное мычание между обжигающими кусками мяса и языком из глоток всё же прорывается:

– М... М...

Мелодия мычания готова перейти в полнозвучный хохот, но так и не переходит. Было понятно, на чём рыжий устоит, если поднимет руки, ноги. Упомянутый им Сюртуков – кадр сатирический. Он всех уверял, что служил в спецназе ГРУ. В разгульные праздничные дни Петя уводит за кусты мужиков, ребятишек демонстрировать свои суперменские способности. Для начала он ворошит палкой муравейник с бесчисленными обитателями, а потом садится в серую от перемолотых травинки, веточки и злых насекомых кочку. Уже без штанов!

– Это в спецназе – первейшее упражнение, – объясняет он.

– В аптеках муравьиная мазь есть, – с насмешкой, скрывающей уважительное признание, интересуются мужики.

– Чудаки, – отвечает Петя, – не тот эффект. Мураш знает, куда кусать... Стрекозу притащит, она три дня, как замороженная, лежит. Фараонов перед бальзамированием к муравьям не зря выставляли...

Кожа на нежном месте у Пети не железная. Он покряхтывает. Случается, один муравей путнику в обувь попадёт и тому сразу невтерпёж: трясёт ботинок, переобувается. Через пятнадцать минут, по часам с кожаным ремешком, Петя встаёт и тщательно отряхивается:

– Сеанс закончен, и «кинъшик» заболел...

Мужики делятся впечатлениями между собой:

– Порозовела...

– Видать, она горит, а не замерзает, как египетская стрекоза.

Сюртуков сам портит впечатление. Он трётся спиной о ствол ближайшей берёзы, для значимости говорит:

– Президент в ГРУ служил.

– И что ж, он на муравьиную кочку тоже садился? – переглядываются мужики и округляют пятаками глаза, словно их стукнули по голове.

– Сидел... – убеждает Петя, не замечая смены зрительского настроения. Где Главнокомандующий, а где ефрейтор! Сюртукова помнят с одной поперечной лычкой на голубых погонах.

– Сидел, – повторяет «супермен».

– Дурак ты, Петя. Для генералов лаборатории есть, а не муравьиные кочки. Ботало!

Зрители с досадой направляются в сторону голубеющей опушки и уже укоряют: нашёл занятие – на муравьях сидеть!

В деревне жизненную состоятельность доказывали умелой работой, добрым отношением к соседям, воспитанностью детей... А на кочке, как есть – пустой фокус! Недавно Петя додумался перевернуть каблуки ботинок с задников на переда. В родном гараже сразу заметили такую метаморфозу в обувной моде, подступили:

– Для чего ж ты, Петя, каблук с пятки на переда присобачил?

– В спецназе так след путают. Враг думает, что идём, к примеру, на Манзовку, ждёт там, а мы как раз в противоположном Куртале объявимся и действуем. Следочки в другую сторону от нас отвели...

Бывалая шоферня тут же сообразила, что перевёрнутыми каблуками при вертолётах, лазерах, беспилотниках преследователей со следа не сбьёшь. Там свои следопыты имеются...

– Это Кузяка пусть от своей Елены следы путает, он у каждой разведёнки перед крыльцом натоптал... Жена с лупой разыскивает почище криминалиста. Ему каблукигодились бы. Он сопливым был, а уже вокруг прикомандированных студенток тёрся... На зерносклад у бригадира разнарядку просил: «Душа моя, дядь Гриш, к ним сострадает». А тебе, неженатому, «сострадать» без перевёрнутых каблуков можно.

– Мордюкова говорила: «Хороший ты мужик, но не орёл». И Кузяка ваш не совсем орёл, не расхваливайте. Отец Кузяки вот настоящий орёл был. Про того на селе даже частушку сочинили:

– Не ходите, девки, замуж за Егора Кузина,

У Егора Кузина большая кукурузина...

Перед смертью Егор приподнялся, в окно глянул:

– Вон мои сударушки у колодца с коромыслами стоят, собрались лапушки... И Маришка стоит, разрядилась...

– Нет там никого, греховодник старый... Блазнятся тебе твои бабы.

– Стоят лапушки... – не согласился умирающий.

– Орёл был Кузякин отец. Перед смертью и то любовью горел! А вы умственные инвалиды – и жизнь ваша, и любовь в размышления уходят.

– Эт не жизнелюбие, эт кобелевание, – поправил кто-то.

– Без жизнелюбия кобелевания не бывает. Егор, бывало, сплетённые мордушки на озере проверит, а пойманных карасей несёт и в семью, и любовнице. Вот как!

Разговор в гараже принял почти философское направление: что полезнее в любовных делах, страсть или материальные подходы. К единому мнению не пришли. А каблуки Сюртукова как-то вымылись из обсуждения.

Однажды знакомый в раскрытое окно к Пете заглянул и увидел меж горшков с геранью раскрытую книгу Суворова «Аквариум». Бывший резидент с откровенностью обезопасившегося от кары перебежчика расписывал в ней и уникальную экипировку спецназа, и секретные методы диверсионной работы, структуру ГРУ. С этих страниц аэродромный ефрейтор познавал весьма специфические знания. В советские времена Суворова заочно приговорили к расстрелу, книга была запрещена. Спрятался автор в Англии.

Потом бардак в России признали демократией. «Аквариум» Суворова издали. Сюртуков предпочитал читать абзацы со словом «вдруг». Яркость чужих поступков его привлекала, заставляла подражать.

У костра меняет направление щекочущий ветерок, то сыпанёт на головы едоков высохшей листвой, то слезит глаза дымом прогорающих

полешек. И разговор за столом тоже, как этот шаловливый, бесконтрольный ветерок, перетекает из темы в тему. Шатается разговор, словно пьяный на деревенской улице.

– Я в каком-то годе на Первомай в Москве был. Стемнело уж. И вдруг по небу: «Е-блыск! Е-блыск!». И опять – темно.

Так пожилой, в чёрных морщинах механизатор рассказывает о праздничном салюте. Всем понятны бессвязные междометия и без слов, все кивают головами, соглашаются. Слышали все этот рассказ не первый раз.

На лице рассказчика – отрешённая невозмутимость. Будто он каждый Первомай получает личное приглашение в Москву на праздничную трибуну, на Мавзолей: «Приезжай в столицу, Никифор Скворцов, гость почётный. Трудом честным заслужил ты приветствовать праздничные колонны на Красной площади». Сам он знает, что такое приглашение не пришлют даже по ошибке, но прожитую жизнь зряшной не считает. На деревенские торжества Никифор медаль «За освоение целинных земель» на грудь навешивает. Мелковата награда для больших почестей, но... К любой награде он относится серьёзно. Никифор «бдит себя», не стелется перед беспечностью изошрённого пустословия, перед официальной казённых бумаг, не преклоняется перед лёгкостью городской благоустроенности. Он знает значение природной полезности, он просто живёт. Эти леса, озёра, травы ему милее тёплого туалета за кухней.

У костра не замечают, что сегодня Митяй Сергеев слушает обеденные разговоры как-то безучастно. Мешают ему какие-то отвлечённые и гнетущие заботы. Задумчиво реагирует он на самые яркие и будоражающие эпизоды. Митяй и всегда не очень разухабистый, заводной – больше сосредоточенный. А нынче вовсе блуждает мыслями в стороне. Малозаметные поры на довольно мясистом кончике носа проявились заметней. Ложкой зачерпнёт, а ко рту её долго не подносит, смотрит с белесой одурманенностью на высокие, пустотелые стебли дягиля по краю пылающего осенним пламенем осинника, на дно чашки – как будто решает, брать или не брать добавки. Что-то томится в его душе, как щи в русской печке.

А ввели Митяя Сергеева в невесёлую озабоченность слова приехавшего агронома:

– Завтра комбайны на «Десятисажённую» перебросим – и жатву закончим. Погода способствовала, без дождей, сырых туманов была. Трактора позже выведем зябь пахать. Дедовская традиция отжимки праздновать! Грешно будет не отметить...

Митяй все полосы знает: на какой – чернозём, на какой – солонцы, на какой – неурожайная глина, а на какой – даже болотные кочки с лабазником. У деревни сил не хватало имеющиеся поля хозяйски обработать, а ей навязали освоение целинных земель – бросовых, затратных, с болотными кочками, поросшими тем самым лабазником да осокой. Митяй сам не раз рвал бороны в весенних, долго просыхающих низинах. Двойной тягой вытягивали тогда завязшие сцепы. Траки гусениц крутились под обманчиво подсохшей корочкой солонцов беспомощными, пустыми жерновами.

Но сейчас Сергеева меньше всего волновали проблемы полеводства. Он знал, что «Десятисажённая» – это ж клочок. Если вся бригада выведет на неё комбайны, каждый намолотит не больше трёх-четырёх бункеров. А недавно жена занесла из бани в сени старую бочкообразную стиральную машинку с ручным отжимом из резиновых валков и большой откидывающейся рукояткой:

– Сколько мне с ней, проклятой, мучиться? Опять потекла. Ты трещину эпоксидной смолой замазал, а она к нержавеющейке так себе пристала. Течёт... В корыте, что ли, на всю орду стирать придётся?

Ордой жена называла многочисленную семью: детей пятеро и свёкор престарелый.

Митяй жену любил неброско. Его любовь можно бы сравнить с тронутыми серебром инея астрами в палисаднике участковой больницы. Уверенность какая-то от их стойкости перед наступающими морозами душам передаётся. Почтение к ним у людей, к скромным астрам.

– Выходи за меня замуж. Ты знаешь, я мужик обстоятельный. Всё сделаю, как для королевы, – говорил пятнадцать лет назад Митяй. И луна светила, и рябые от её проблесков тополя нависали над забором со вкопанной скамейкой. Настёна спокойно, размышляюще кивала головой...

Всё как у людей. Позже дом построили не хуже, чем у других, живность по пригонам замычала, захрюкала, закудаhtала. Символом семейного лада и достатка стали... тесовые ворота. В них угадывалась не только умелость мастера, но и некий замах на выражение крестьянской философии. Каждая досточка подобрана, отшлифована, покрашена дорогой финской краской. А на середине выгнутых воротин, на самом верхнем выгибе – два петуха из восьмислойной фанеры друг перед другом красуются. Хвосты распушили, гордятся видом. Понятно, что сытые... Тощие петухи пусть у нерадивых на воротах сидят. Каждое пёрышко у них разным цветом раскрашено. Радуга – не хвосты.

– А что, Митяй, сгори сосновый сельмаг, без него, пожалуй, проживём, – глядела на ворота Настёна и рассуждала: – Я бы и холсты ткать научилась. Бабушка когда-то ткала...

– Что ж я в домотканых штанах ходить буду? Бостон на кроснах не соткёшь. «Ижак» с коляской и спицами во дворе не выкуешь, – остужал её домостроевские суждения Митяй.

– Дык, я понарошку...

– Ясно, что понарошку, – соглашается Митяй. – Нельзя сейчас магазин у сгореть, разучились люди сами себя обеспечивать. Вымрут.

– А мы всё равно не вымрем, – говорит жена.

– Не вымрем, – покорно кивает Митяй. – Сенца дай, днём скотина не наедается на голых выпасах. Жара к тому же выжаривает. Пьёт жара молоко.

Прохудившаяся стиральная машинка заставила Митяя вспомнить жестяной тазик, деревянный рубчатый валёк на озёрных мостках и покрасневшие от холодной воды сморщенные руки матери с коричневеющим кусочком хозяйственного мыла. Покойную мать он вспомнил, а живую жену реально пожалел. Настоящее ещё как-то можно поправить...

– Ты знаешь, Настёна, победителю соревнования как раз стиральную машину обещают. Только надо не меньше двенадцати тысяч центнеров намолотить, – сказал Митяй.

Настёна не пожелала мужу усерднее работать. Само собой разумелось, лишь сдержанно сказала:

– Хорошо бы...

А теперь выходило, что дружный труд бригады мог лишить его стиральной машины. Не хватит на всех «Десятисажённой». Бункера по четыре на комбайн обойдётся, ему этого не хватит для победы.

Ночь выдалась погожей, без росы. Допоздна вздымались издали видимые издали столбы комбайновых фар. Полная луна гасила звёзды

и золотила стену пшеничных колосьев перед лафетом. Подбарабанья «Нив» крутились с лёгким звоном, без напряжения пропуская трескучее от сухости зерно. Пройдена последняя загонка. У спустившихся на землю комбайнёров от усталости, от постоянного «уборочного» недосыпа ещё долго бежит в глазах золотой поток высыпающейся в кузова пшеницы. В ушах «тоскуют» провода на фарфоровых изоляторах, будто раковины их прижались к телеграфному столбу. Устоявшаяся тишина ночи долго не приходит после продолжительного шума кабин. Все устали.

Сергеев много лет косил пшеничные, ячменные, ржаные хлеба. Каждая кнопка в кабине «Нивы» Митяю знакома, руки действуют по привычке, слух улавливает каждый механический сбой. Мотовила крутятся и мельтешат перед глазами за лобовым стеклом, дёргаются лафетные ножи, датчики фосфоресцируют, досаждающая песня двигателя и приводных цепей напоминает однообразную февральскую метель. Опыт позволял вспомнить отвлечённое, не ослабляя внимания.

В строю солдаты именовали Шашко по-уставному: «товарищ прапорщик», а за глаза называли его ни шашкой, ни Сашкой, а чем-то усреднённым между клинком и именем: Шашко! Рвением прапорщик напоминал бравого солдата Швейка из романа Гашека. Тугой животик подтягивал полы его шинели выше к груди даже при затянутом ремне. Затылок с показной лихостью запрокинут к заднему сгибу суконного воротника, а курносый нос задран. Усы торчат стрелками бутуна на пышной грядке и пугают подчинённых. Часто ещё до окончания приказа Шашко кидает растопыренные клешней пальцы к голове:

– Исполним, товарищ майор!

Очень любил Шашко показать собственную бывалость. В детстве он завидовал врачам, их белым халатам, их чистым ногтям и внимательным, умным глазам за стёклами очков, а потому считал себя как бы вправе следовать мечте и давать медицинские советы окружающим. Однажды Шашко предлагал заменить отсутствующего хирурга и самостоятельно вырезать аппендицит слёгшему солдату. Может играл словами, а может согласился бы вправду.

– Делов-то... Резану, я подростком в деревне хорошо хряков коновалил. Что там, что здесь... На ладонь правее пупка возьму. Лопнет ведь нутрянной нарыв в животе, если медлить. А я вырежу и выкину.

Некоторая оправданность в его желании и правда была. Без операции парню – гибель.

– Наш врач тоже не генерал. Лейтенант всего...

Он почему-то считал, что мастерство хирурга зависит от звёздочек на погонах. Серьёзно полагал, что субординация везде и во всём является решающим фактором. А прапорщички ненамного ниже лейтенантов, некоторые даже взводами командуют. В том, что генералы могут вырезать любой аппендицит, Шашко не сомневался. Скальпель ему, однако, не доверили. На счастье, санитарный вертолёт сумел пробиться через непогоду.

Нехватка образования при безоглядной инициативности позволяла Шашко не стесняться себя в быстрых выводах.

В тот раз Шашко выкатился прямо перед спускающимся по ступеням майором:

– Вы уж там, в штабе округа, товарищ майор, цифрами их оглушите. Как мы тут, на складах, внедряем передовой опыт... Тоже не лыком шиты.

– Спасибо, прапорщик, – подтянул перчатки начищенный и наглаженный перед совещанием майор. Сапоги блестят, хоть смотришь в их

голеница и брейся. – Не до оглушения мне будет, прапорщик, голова раскалывается и мутит.

Шашко не стал спрашивать, от чего мутит майора, сразу назвал лекарство:

– Пурген. Пурген от головы, товарищ майор.

Ему представлялось, что лекарства сами определяют и ищут нужную болезнь. Майор слышал название, но фармакологией при полном отсутствии болезней никогда не интересовался и слабительного назначения пургена не знал.

Ведомственный автобус с напросившимися до Свердловска жёнами офицеров и вольнонаёмными кладовщиками, а также кладовщицами со складов хранения уже стоял у крыльца.

Прапорщик, выказывая глубокое сопереживание, помахал ладонью, как с вокзального перрона, только что белого платочка не зажал в пальцах. Со стороны могло показаться, что ищет подчинённый благосклонность начальства, угодничает. Реально определить грань между низменным угодничеством и непритворным служением не так просто. Внутренние мотивы не вот поймёшь. От сослуживцев Сергеев потом, на «гражданке», узнал, что прапорщик из тыловых складов напросился в воюющий Афганистан, был ранен на перевале Саланг, заслужил орден Красной Звезды, потом без семьи, без жилья (всю жизнь холостяковал по казармам!) был отправлен в запас. Следы его затерялись среди тысяч таких же военных отставников. Получалось, что делу служил Шашко, а не карьере. При его девяти классах, правда, расти было и некуда.

Матовым рыбьим глазом пробил вечернюю изморозь зажёгшийся круглый фонарь у крыльца. Вернувшийся из штаба майор, потеряв всякую служебную сдержанность, кругами гонялся за убегающим Шашко, царапал пальцами пустой поясной ремень, словно искал кобуру, и невоздержанно орал:

– Застрелю, придурок сверхсрочный! Погоны мои позорить! Отчёт сорвал!

Может и застрелил бы майор под горячую руку советчика, если бы офицерам разрешали ездить на совещания в округ с пистолетами! Об эффективности слабительного можно было догадаться не только по крикам разъярённого майора, но и по лицам попутчиков. Они изумлённо наблюдали из салона автобуса гонки офицера с прапорщиком, ладошками прикрывали кривящиеся в иронической усмешке рты, сдерживали смех.

– Я же как лучше... – Шашко со случающейся у полных людей проворностью скрылся за угол.

– Я тебе этот пурген от головы ещё припомню! – остановился майор. Уже набегался за день по придорожным кустам, по штабным туалетам с фаянсовой чистотой. До низких придинок майор, правда, так и не опустился и относился потом к прапорщику ровно, как всегда. Понимал, наверное, искренность его совета.

Ещё не было в голове Сергеева детального плана, но основная суть замысла благодаря Шашко уже наметилась. На следующее утро под солнцем, только-только показавшим над лесом красновеющую горбушку, лежало последнее поле жатвы. Горбушка чем выше выныривала из леса, тем больше набирала яркость. Тенистая полоса опушек теряла сумрачность и синеву.

Любовь – это ведь не только цветы и вздохи, но и постоянное служение друг другу. Митяй представить себе не мог скрюченные от холодной воды, как у покойной матери, ещё и пальцы жены.

– Будет «стиралка». Какая вам разница, кто обмолотит. Я обмолочу, – мысленно сказал он каким-то неопределённым, разноликим организаторам, всю жизнь за него считающим, решающим и представляющим себя разумнее исполнителей. Митяй полагал, что занимается самым нужным, полезным делом, а потому не признавал ничьего превосходства. Обойдись-ка без него, кормильца...

Егор Трущалов, Иван Шестипал, молодой Тимка Борисов тоже стоят перед рубежом в двенадцать тысяч центнеров. Но любовь у каждого своя, она индивидуальна. Не будут ребятишки Митяя ходить в грязных рубахах, за них он первым отвечает перед землёй и небесами. Не будет его Настёна гнуть спину на мостках с корытом, в осенней воде зарабатывать полиартрит. Это его Настёна. Он за них будет биться хоть шпагой, хоть увесистой оглоблей. Лося в лесу напряжённо упираются в мох раздвоенными копытами и с костяным стуком ударяются лопатистыми, тяжёлыми рогами. Мораль их оправдана, ибо природная.

Когда в твоём кармане тысяча, то отдать рублик соседу – не благородство, а скорее – показная щедрость. Митяй недолюбливал мошеннические финансовые фонды, одуревших от безмерных прибылей эстрадных звёзд и всяких распорядителей готовых благ.

Митяй понимал, что подобные озабоченности существуют со времён патрициев и плебеев. Нравственность человеческая меняется трудно. Она позволяет любому лоботрясу считать себя при нужном деле.

Первым, поближе к ракитовым кустам, остановился комбайн Шестипала.

В безветрие пыль от агрегата не уносило по жнивью прозрачным шлейфом, и она тихо оседала на бурые от покраски боковины кабины, на большие колёса, на двигатель с выпирающим радиатором, расположенный на плоской металлической спине «Нивы». Сам Шестипал в застиранной тельняшке под парусиновым рабочим пиджаком лицом вперёд, как по корабельному трапу, спустился на нижнюю ступеньку, спрыгнул на землю и странно просел, будто на внезапно атрофировавшихся ногах. Но тут же вскочил, округлил до орлиных человечьи глаза и с голосистой протяжкой заорал:

– Полундра!

И побежал не сгибая колен и загребая передами сапог рассыпающиеся земельные камушки, держа спину прямо, как боевой конь на плацу.

– Опа, действует, – отметил Сергеев, объезжая комбайн Шестипала, ставший на пути. На мелкополосье жатва редко ведётся рядами, друг за другом, как в кино, но «Десятисажённая» – последнее поле сезона, парад, завершение. Тесновато на нём комбайнам, но ради торжественности момента они шли один за другим, выкидывая за собой обмолоченные копны соломы, как взбесившиеся, клопочущие куры яйца. Но вот агрегаты стали останавливаться один за другим, комбайнёры спешно убегали в кусты и большинство к ним больше не возвращалось.

– Теперь один «Десятисажённой» распоряжусь, – радовался Митяй, объезжая стороной очередной остановившийся комбайн.

А на кромке поля, у костра, шёл серьёзный разговор на тему «наверно съели чё-нибудь».

– Может ты, тётя Клава, какой травки в варево кинула для духа? – допытывался молодой агроном и придирчиво смотрел на повариху из-под очков.

– Я не дура, чтоб ядовитую белену в котёл совать... – отгрызалась тётя Клава и растерянно водила сморщенным подбородком по сторонам. – Ить кипячу... Кипячу до пузырей.

Механизаторы стояли вокруг и поджимали животы чёрными от вьёвшегo мазута ладонями.

– А дизентерия Сергеева не берёт, прёт без останова, – сказал кто-то.

– Сергеева и сибирская язва не возьмёт, его лафетом не задавило... Здоров, бычара.

Года три назад тяжёлый комбайновый лафет опустился на лежащего под ним с разводным ключом Митяя. Другой бы дух испустил, а Митяя с помощью домкратов и вырубленных берёзовых важин вытащили хоть и помятого, но даже с целыми рёбрами, он сразу задышал свободно, в полный затыг. Стесняясь доставленной заботы, он пожимал покатыми борцовскими плечами под старым свитером:

– Кочечка рядом оказалась, на неё сильно лафетом налегнуло. Кочечка грудь спасла...

Никто не поверил в спасительную миссию осочной кочечки, все с чувством личной причастности и восхищения разносили молву про мощную грудь земляка, выдержавшую многоцентнеровый лафет. На сабантуе на наших не налетай!

– Быстро в «уазик», до больницы повезу. Казан с кашей опрокинуть – инфекции не хватало! – распорядился агроном, ещё не успевший откусать из котла.

В больнице процедуры стандартные: уколы, клизмы, капельницы...

– Клизмы-то зачем? И так кишки промыты...

– Не спорить, пациенты, с медициной! Я по полному ведру прикажу закачать, как лягушкам воздух через соломинку. Поговорите...

– Подиум тут такой – с голым задом!

– Пойдём, хлопцы, в процедурную... Медицина, мать её...

Знай в тот момент комбайнёры про лукавую проделку Митяя, тумakov бы ему точно не пожалели, несмотря на «мощную» грудную клетку. Только к вечеру главный врач, сначала обеспокоенный массовым проявлением желудочных расстройств, развеселился, не без иронии заключил:

– Разовое расстройство желудка. Больничные листы симулянтам даже не выписывать. Их место в поле.

Петляя светом фар по грунтовой дороге, от разогревшегося комбайна отъехал на зерносклад последний грузовик. Митяй окинул взглядом выхваченный круг стерни: больше не осталось ни одного островка стоящей пшеницы. Дёргающийся сегментный нож лафета чиркнул углом пырей на краю поля, сбрил его. Урожайные поля стараются обмолотить в первую очередь, опасаясь, что они попадут под раннее сибирское ненастье и потеряют основное зерно. Но и «Десятисажённая» дала Сергееву возможность высыпать в отвoзящие грузовики десять бункеров сухого зерна.

– Теперь мне «стиралку» обеспечьте, – удовлетворённо вылез из кабины Митяй, стараясь не обращать внимания на уставшее от долгого, однообразного напряжения тело. Ноги, руки, мышцы спины казались одним неплотно смотанным шерстяным клубком – рыхлым и расслабившимся. Приближающегося агронома Сергеев узнал не по одежде, не по очертаниям лица, а по характерной торопливости шагов, суетливости движений. Агроном сгibal руки в пиджачных рукавах, выставляя локти за спину, чем напоминал сутуловатого бегущего бройлера, не умеющего летать из-за малого размаха крыльев.

– Как вызвездило, как вызвездило, – сказал он, подходя к Митяю.

– Так часто бывает перед ненастьем, – машинально отозвался Митяй.

Сириус – самая яркая звезда на небосклоне – не скромничал и, пока не поднялась всё гасившая луна, торопливо показывал свою вызывающую ослепительность, как древний воин выставлял напоказ начищенные доспехи.

– Прямо не звёзды, а китайские фонарики... – продолжил мысль агроном. – Сводка погоды неутешительная: с завтрашнего дня обещают продолжительные дожди. Осень...

Он с неожиданной цепкостью схватил лопатистую обвислую длань Сергеева и пожал:

– Выручил. Один домолотил. А тётя Клава казалась такой чистоплотной женщиной, ишь, как подвела.

– Чистоплотная и есть, – угрюмо заявил Митяй. – На складе холодильники работают так-сяк, а ещё тепло даже ночами... Не иначе там баранину протушили. И мыши жеребцами на складе скачут... А у Клавки рушничок на сучке белый, черпачок чистый. Не грехи...

– Не греху. Главврач тоже сказал, что дизентерии не было, и мы, значит, замнём это дело для ясности. С медициной чего спорить? Не было, так и не было, – спокойно согласился агроном, но тут же встрепенулся, всмотрелся в лицо Митяя: – А ты ж с утра, наверное, не ел?

– Так устал, что на еду не тянет... Огурец, хлеб в кабине пожевал... – ответил Митяй. Его кирзовые сапоги размеренно, тяжело, словно размокшие от воды, шуршали по колючей пшеничной стерне. Луна ещё не заливала поле мертвенным, отражённым светом, но уже мазала красным отблеском, будто заревом далёкого кочевого костра, желтеющий простор оголённой «Десятисажённой» и недалёкие березняки. Ощущалась сырая прохлада воздуха с запахом отживающих осенних трав. Сириус бледнел, уступая яркость разгорающейся луне. Две тёмные фигуры, хорошо различимые на белесом фоне выпцветшего брезента кабины, подошли к крытому уазу.

– Поедем, герой, в постельки, – сказал агроном.

Одна за другой звякнули в затихшем ночном поле машинные дверцы...

День работника сельского хозяйства празднуется по календарю в начале октября, но есть неписанный закон хлебороба: торжествовать можно лишь после полного завершения сезонных работ. Зябь ещё не была вспахана. Комбайнёры после двухдневного отдыха для улаживания многочисленных домашних дел перешли на трактора. Ночами лемеха плугов звенели о подмерзающую корку земли. Начавшиеся морозы поджимали. Профессиональный праздник перенесли в районе на две недели позднее, чтобы окончательно закончить к нему полевые работы.

Не было в зале привычной трибуны с гербом. Не было долгих, по бумажке, хвалебных речей начальства. Выступали на открытой сцене, как пастухи в степи. В зале были убраны рядки сидений, поставлены стулья. За столами с просвечивающей чистотой прозрачных бутылок, с тарелками горячих бройлерных окорочков, с чёрным виноградом и оранжевыми кругляшами апельсинов сидели фермеры, механизаторы, доярки. Поверх раздёрнутых бархатных занавесей доперестроечно висел кумачовый плакат со стандартным поздравлением. По углам сцены стояли снопы, перетянутые шёлковыми лентами, с отборными колосками в большой мужской палец.

– А то всё с трибун доклады делали: «Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...». Яйцо снесём, как и положено, а кудахчем на весь околоток! – сказала за соседним столом женщина со скинутым на плечи цветастым полшалком, не идущим к её современной завивке, впервые сделанной не соседкой, а в платной парикмахерской. От завивки ещё пахло духами и подгоревшим волосом.

– За демократию... – с иронией поддержал женщину директор ЗАО, севший вместе со своими передовиками, и поднял рюмку. – Заслужили! Нам в Сочи не ехать, здесь отдохнём, как можем...

Сергеев тоже поднял рюмку. Бодрый, далёкий от мелодичных симфоний баян на сцене вдруг прервал туш и микрофонный голос ведущего объявил:

– Для праздничного чествования приглашается передовой комбайнёр ЗАО «Авангард», намолотивший за уборку на «Ниве» двенадцать тысяч сто пятьдесят центнеров зерна, – Сергеев Дмитрий Васильевич!

Митяя сидящие рядом друзья ощутимо толкнули локтями с обеих сторон, заторопили:

– Иди! Тебя кличут...

Но он не поспешил, закинул не стриженную всю уборку голову и, обнажая из-под ворота свитера движущийся кадык, спокойно вылил в рот содержимое рюмки, со стуком поставил её на стол:

– От так вот надо: как работать, так и пить!

– Мужик... – сказал кто-то в зале.

По ступеням на сцену Митяй поднимался, в отличие от записных, порхающих ораторов, степенно, словно привычно берёт силы на весь долгий, однообразный, утомительный рабочий день. В его валоватой, медлительной поступи угадывалась подспудная, ловкая сила. Истинный медведь.

Митяй растерянно заморгал небольшими голубенькими глазами над невесёлым мясистым носом, когда вышедший ему навстречу из-за кулис молодой, не по-крестьянски порывистый глава района протянул ему в руки бумажный квиток и сказал:

– Успехов, Дмитрий Васильевич!

– А как же моя «стиралка»?

Глава района насмешливо взял Митяя за недоумённо расставленные руки, снова затряс их:

– А ты хоть прочитай, что в бумажке. Может, тебе бесплатную автомашину, а не «стиралку» вручают. Дороже...

Митяй представлял, что наградную стиральную машину вынесут в большой картонной коробке прямо на сцену.

– Я именно за «стиралку» из кабины ночами не вылезал, – пояснил Митяй.

– А я её должен по сцене таскать? Нелегка ноша, – открыто засмеялся глава района. У него были белые, словно из фарфора, зубы – кажется, что они и в темноте будут светиться мелкими светлячками. Нынешние руководители научились улыбаться не хуже голливудских звёзд, в карверных ситуациях не вот поймёшь, признак ли это их лукавства или наоборот – проявление самой открытой доброжелательности. Само время такое – запутанное.

– Квитанция об оплате за «стиралку» у тебя в руках, посмотри... По дороге домой заедете автобусом в «электротовары» и заберёте. Друзья посодействуют загрузить, – глава района сделал небольшую паузу и внезапно, без предисловий, намёков спросил Митяя: – А ты, Дмитрий Васильевич, если такой принципиальный, бескорыстный, «стиралку» даже на автомобиль не меняешь... Может, выступишь перед собравшимися? Расскажешь о своих успехах...

Сергеев неуклюже повернулся к залу довольный удачным разрешением оборотом со стиральной машиной, увидел множество знакомых лиц и сказал:

– Так-то я не говорлив, но сегодня выпил маненько, грамм пятьсот, так и скажу... – по залу прошелестел ветерок поощрительных смешков.

– Ломани, Митяй!

А кто-то опять одобрил:

– Мужик!

Про пятьсот граммов Митяй преувеличил, чтоб расслабить и удивить собравшихся, как удивил когда-то выживши под лафетом. На самом деле он ограничился пока половиной названного объёма. Никогда Митяй не слыл пьяницей. Настоящим алкашам ста граммов хватает, руки трясутся. Кто они в работе!

– В последнее время, начитавшись умных книг, многие в человеке жаждут видеть гармонию, особенно те, кто в жизни не пахал, не сеял, – начал он. – Поветрие среди городского люда пошло: деревню высокому учить.

Как-то необычно начал Митяй: не про землю, не про коров, не про проценты выработки, а про город и непонятную гармонию...

Многие жевать перестали, вилки отложили.

– Про что он гнёт? Про какую гармонию? С виду и непьяный...

– Многие из умников порывались даже осесть на земле, по телевизору балакали: надо так, надо этак... – продолжил Митяй. – Поддерживали их и власти. Программ насоставляли, во! – он махнул ладонью выше взломаченной головы. – А куда без моих рук те программы? Хлеб не чернил требует... И укатили те умники на иномарках обратно в города, поближе к привычным кафе, театрам, балерин смотреть в белых тапочках и Баха слушать.

Баха Митяй помянул из-за того, что как-то не припомнил сразу других композиторов. Да и звучным показалось имечко – наповал: Бах!!!

– Эти умники полагали, что я приду домой с трясущимися от тракторных рычагов пальцами, без леденцов для детишек, и сразу, не накормив проголодавшийся скот в пригоне, набычусь за пианино, как Паулс, и профессиональным голоском выдам мелодию не из гармонной «Барыни», нет, а из какой-нибудь классической оперы. А они будут стоять, мне ноты раскладывать, учить.

Знаменитого музыканта Раймонда Паулса Сергеев привёл для примера только из-за своеобразия его манер, он не чувствовал в нём преобладающей эстрадной рафинированности. Ему нравилась даже не сама игра Паулса, а его своеобразная, неподобострастная манера поведения за роялем. Видно, что ни аплодисменты, ни блеск одеяний известных певиц для него мало что значат. Маэстро на сцене – сам по себе. Талант, он всегда один, не огульный.

– Но для меня такая гармония таит угасание и гибель. Хлеб, он мозолей и полной отдачи требует, а не тонких голосов. Нет у меня музыкального слуха, трактор его заглушил, а я и без гармонии ощущаю себя нужным человеком в жизни. Я себя и людей кормлю! И моя главная гармония – кормить и выживать. А без хлеба любая гармония пропадёт... Красота природная и в моей душе есть. Я вот дым люблю нюхать. Выйдешь на закате из баньки обсохнуть, сядешь на чурбачок, а он этак прозрачно, голубенько из трубы по цветущей картошке, по огороду растекается, ублажает. Горечью берёзовой не только нос, сердце щекочет и мысли бездумные, мечтательные навеивает. Хорошо тогда и спокойно. Спокойствия вам всем!

Сергеев приветственно поднял руку и пошёл к ступенькам, ведущим в зал.

– Ты, Дмитрий Васильевич, оказывается философ, не только передовик, – сказал вслед уважительно и несколько удивлённо глава района.

Митяй со ступенек обернулся:

– Жизнь научила, да и тургеневскую «Муму» почитывал!

И никто – ни глава района, ни сидящие в зале – не посчитали ответ Митяя с утопленной собачкой маргинальным. Практичный человек с мозолистыми руками не может быть маргинальным, в крайнем случае только ироничным. Раздались аплодисменты...

Два дня подряд он допекал жену одним и тем же вопросом:

– Не течёт новая машинка?

Жена не очень досадовала на привязчивость мужа:

– Что ты... Сама греет, сама отжимает – только краник поверни.

А шланг водяной ты сам протянул...

Минут через пять Митяй снова открывал дверь и спрашивал:

– Не течёт машинка?

– Не течёт... Отстань, – наконец отмахивалась Настёна и белой тряпкой протирала многочисленные огоньки на панели. Митяй слегка огорчился:

– Все меня уважают. Одна ты даже разговаривать не хочешь.

– Да уважаю я тебя, уважаю, постылый...

«Постылый»... Они давно научились обращать внимание не на слова, а на самую суть своих отношений. Когда в семье лад, тогда и «постылый» звучит ласковой мелодией.

– То-то же, Митяй для семьи старается, – и он, довольный, закрыл дверь.

А Настёна беззлобно сгоняла со сверкающей крышки расслабившегося на ней кота:

– Брысь, ещё эмаль новую поцарапаешь...

* * *

А следующей весной освободившаяся от снега земля пахла домашней дежой с дрожжевым, напревшим тестом. Наполнялись соком травяные корешки и ожили дождевые черви. Чёрные грачи с костяными носами без гвалта ходили по свежей пахоте и усердно, как на работе, выклёвывали жучков, паучков из пластов взрыхлённого поля. Берёзовые почки, готовые вот-вот проклюнуться, источали непередаваемый аромат ожившего леса. Пришла пора заготовки дров. Местный лесник верхом на казённой лошади объезжал участки, подыскивал для выпилки подходящие деляны, прикидывал высоту уходящих в голубень вершин и толщину древесных стволов, подсчитывал кубометры.

– Чего-то он? – недоумённо сказал лесник, когда заметил недалеко от опушки угловатую махину трактора, столь нелепую в чаще.

– Чего его в лес занесло? – повторил он и с интересом повернул за повод коня в сторону трактора.

Пахотный след чёрным хвостом проползшего дракона прошёл по мелкому хворостиннику, наделал сломов из веток, словно набросал вокруг человеческой ночёвки белых костей, и остановился у толстых берёз, росших в десяти метрах от края подходящей к лесу пашни. Трактор упёрся радиатором в толстый ствол, выдавив левую фару. Дизельных сил ещё хватило повернуть гусеницу, обдирая кору дерева, выгребая траками землю из-под себя, но преодолеть преграду трактор не смог, мощи не хватило. Из рваных ран дерева обильно сочился на свежий изумрудный земляничник прозрачный сок. Плакала берёза.

Первое, что увидел лесник, просунув в кабину голову, были руки тракториста, замершие на поворотных рычагах, наверное, он управлял машиной сколько смог. Сам тракторист сидел на дерматиновом сиденье, запрокинув назад голову с неморгающими глазами, блёкло отражающими приплюснутый плафон небольшого фонаря над головой.

– Что с тобой, Митяй? – не сознавая ещё до конца трагичности происшедшего, спросил лесничий. Он тронул Митяя за плечо:

– Ты чего, эй...

Тот не ответил и, не разгибаясь, не убирая с рычагов застывших рук, завалился на бок в близкий угол кабины. Испуганный лесник поспешил к привязанному за повод коню, вскочил в седло и спешной рысью направился в сторону деревни. А над свежим полем, в голубеющей высоте выводил весёлые, цокающие трели редкий по нынешним химическим временам жаворонок. Пташке не известны были человеческие понятия о жизни и смерти. Она радовалась теплу и весне.

«Инфаркт» написали в медицинском заключении врачи.

Односельчане, особенно женщины, понимали трагедию приближённой к жизни.

– Разрыв сердца у него, – говорили они. – Митяй же, как вол, работал: всё семье, всё ребятишкам... Прямо в кабине скоростно умер, не вынесло сердце. Стоящий был мужик. Жалко до слёз.

А через два дня после похорон кто-то из механизаторов предложил:

– Погибшим шофёрам вдоль трассы памятники ставят, а мы давайте Митяю памятник на его последней пашне поставим.

В старой кузнице механизаторы шелестели железом, сверкали по закопчённым окнам ярким огоньком электросварки и изготовили металлический памятник с крестом и нержавеющей табличкой: «Сергеев Дмитрий Васильевич. Умер при исполнении крестьянского долга на этом поле».

Памятник установили на кромке пашни как раз там, где ещё не зарос проломанный плугом и трактором заезд.

Поставили бы ему памятник механизаторы, узнав про его некрасивую проделку с пургеном? Поставили бы! Они понимали, что в жизни есть понятия важнее пургена.

ПОЭЗИЯ

Павел ПЛЮХИН

Сибирь

Столица манит блеском, суетой,
А я Сибирь свою люблю сильнее
С её необычайной красотой,
Она надёжней, проще и добрее.
Здесь полыхают ночью факела,
Строй буровых стоит наизготовку,
Меня сюда когда-то позвала
Простая комсомольская путёвка!
И не жалею! Мне здесь повезло,
Хотя морозно да и солнца мало...
Есть где-то рай, волшебное тепло,
Но ты теплом людей околдовала!

Моя буровая

Пахнуло теплом
От трубы нефтяной,
Что прямо в снегу
Пролегла к дожимной.
На кедрах бельчат,
Ото сна разбудив,
Лебёдка поёт
В голове и груди.

В снегах – облаках,
В белизне утопая,
Стоит, как мадонна,
Моя буровая!
В юбчонке короткой,
Совсем как невеста.
И я без неё
Не найду себе места!

Другой народ

Течёт по трубам нефтяной поток,
Летят отчёты в офисы Москвы,
Но от столицы Самотлор далёк,
Лететь почти пол матушки-страны!
Глазами здесь просторы не объять:
Болота нефтяные и ветра,
Брусники вкус и запах осетра
Вас будут постоянно удивлять.
Зимой морозы жмут за пятьдесят,
Хрустит металл и лопается лёд,
Здесь нефтяной!

Совсем другой народ!
Не сглазить бы,
как бабки говорят...

* * *

Там звёзды северного неба
Над ЛЭП-500 светили ярко,
Хватало нам краюшки хлеба
И от работы было жарко!
Не ради денег и медалей –
Звала нас Родина и совесть,
Таёжные манили дали,
Морозов жуть, снега по пояс!
Когда душа сжималась в льдинку,
У факелов отогревались,
С гитарой вечером в обнимку
В ДК «Нефтяник» прорывались.

В той книге юности чудесной
Листаю годы, как страницы,
Где гром гремел, где были песни,
Которым, жаль,
не повториться...

Бег

Как барабан,
то «тик», то «так»,
Размеренно бормоча на столе,
Будильник что-то шепчет мне,
Считая каждый миг и шаг!
Считая дни, что мне даны,
Не принимая возражений,
Вот этот шестерёнок гений
Следит за мной со стороны!
А я пытаюсь бег утратить,
Необъяснимое понять,
Но не могу никак усвоить:
Судьбу свою – не обогнать!
Но тянет за руку – спешить,
У родников успеть напиться –
Не дай лишь бог мне ошибиться,
И дай мне время...
долюбить!

* * *

Быть может рай?! А может ад
В сознание миражом витает,
Рвусь парус повернуть назад,
Но край земли в тумане тает.
И в этой схватке бытия
Кто победит – ответ известен!

Колокола в висках звенят,
В душе нет молодецких песен.
...Подкралась тихо, не спеша
Земная жизнь к тому пределу,
Когда волчицею душа
Рвёт на куски моё же тело...

* * *

От злости кулаки сжимаю –
Всё недосуг. Не успеваю.
Там опоздал,
Здесь просмотрел,
И дни летят со свистом стрел!
Стал осторожней
К комплиментам,
Политике лукавой, центам,
Но лоб седеющий вспотел –
Обидно, столько не успел!
Как говорят, уже не двадцать,
Но не могу себе признаться,
Что краски где-то потускнели
До тихой нежности постели.

* * *

О, радость встреч
И боль разлук –
 Лекарство,
Очищающее нас,
 Сжигающий
И ранящий испуг,
 И холодок
Любимых глаз...
И недосказанность
 Речей,
Порой важнее,
 Чем избыток,
И пустота,
 Как после пыток,
Вдвоём с бессонницей ночей...

* * *

Грех не любить!
Любить – не грех!
Не видеть зрячему,
Здоровому – не слышать!
Грех предавать
Себя и всех,
Не к людям – к славе
Поднимаясь выше!

...Есть высший суд
Для каждого из нас,
Но будь себе
Судьёй и палачом!
Очистив душу,
Может, мы начнём
Поистине любить,
Как в первый раз!

Апрель

В пьянящем аромате ели
Звенит капель...
Скворцы запели.
Снежинок небо голубое
Упало искрами на хвою.

...Мне шапку хочется забросить,
Подставив солнцу лоб и проседь!

Твой голос

От журавлиных
песен замирая,
Хочу услышать
голос твой,
Югра я.
Журчанье рек,
и как гудит простор
От Енисея
до Уральских гор!

Понять людей,
спешащих
на работу
За нефтью, газом,
к стройкам, на охоту!
И помолиться,
пожелав добра,
Тебе во всём,
красавица Югра!

* * *

Давайте говорить начистоту,
Изрядно полуправда надоела,
И власть, пообещав, всегда умело
Переступает зримую черту.
Давайте говорить начистоту
Про медицину, пенсии, пороки,
Не вытирать о правду свои ноги,
Не огибать родную за версту!
Пусть горьковато, но скажи как есть,
Пусть больно – мы ж не раз терпели!
Но сохранить Отечество сумели,
Не посрамив достоинство и честь.

ПРОЗА

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ

*Художник ветку сливы рисовал,
Прислушиваясь к ветру над скалой...
И ветка на бумаге расцвела...*

*Плохие копии с поддельных картин...
За них уплачено фальшивыми деньгами
девальвированной валюты...
Можно ли говорить о ценностях?*

Первое признание

Неожиданно для себя застал я плачущим нашего молодого художника, едва перешагнув порог его мастерской под самой крышей заводского клуба. Разбросанные обрезки бумаги, флаконы с тушью, незаконченная афиша нового фильма, фотографии молодых кинозвёзд, приколотые кнопками на большом куске фанеры, пепельница, полная окурков, и вскрытая консервная банка с надписью: «Килька в томате» – являли привычную картину творческой личности. Из окна были хорошо видны два огромных слова «СЛАВА КПСС», закреплённые на крыше главного корпуса.

– Ты чего-то это разнюнился? – грубовато спросил я, одновременно пытаясь унюхать запах алкоголя.

– У меня украли акварель...

– Когда?

– Сегодня на выставке.

Тут я вспомнил, что в нашем клубе была организована выставка художников-любителей, посвящённая 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

– Жаль, конечно, ну да ладно, не переживай, ещё нарисуешь, – довольно неуклюже я попытался успокоить хозяина мастерской, но утешение вышло не совсем искренним.

По правде говоря, мне самому не очень-то и нравились его акварельные работы... Мещанство так и выпирало из них... Рисунки карандашом и пером, на мой, пусть и непрофессиональный взгляд, у него получались гораздо лучше.

– Ты не понял... у меня украли... акварель!

– Да понял я, понял! ...Ну и что теперь? Понимаешь, поскольку укравшего не найти, то не рвать же волосы на голове и посыпать её пеплом!

– Ты не понял... у меня акварель украли ... значит, мои работы кому-то не только нравятся, но и нужны...

Стеклянный шар

Поиск Истины не бывает коротким и лёгким. Иногда он продолжается тысячелетиями. Но об этом я не думал, осматривая картины в мастерской старого художника. Я просто бродил вдоль стен и в одном углу, в шкафу,

на тёмной деревянной подставке увидел нечто странное. В тяжёлом шаре из толстого зеленого стекла лежала монета. Пытаясь понять, как её туда поместили, я взял шар и повертел его в руках, чтобы найти отверстие или хотя бы шов. Но поверхность была абсолютно ровной, как монета оказалась внутри, было совершенно неясно.

– Да... вот что может делать современная техника, даже на внутренней поверхности прорезь зашлифовали, – проговорил я, заметив взгляд хозяйина мастерской.

– Шар очень старый... думаю, ему несколько столетий, – сказал художник, затем, немного помолчав, добавил, что главное здесь не шар, а монета.

Небольшой стёртый диск монеты серебристого цвета слегка проглядывал сквозь слой зеленого стекла. Я повернул шар несколько раз, но ничего не смог разобрать: ни рисунка, ни надписей.

– Чем же интересна монета? – более для приличия, чем из интереса, спросил я.

– Пожалуйста, поставьте шар на полку, – попросил художник, – иначе боюсь, что Вы его выроните из рук.

Хмыкнув про себя что-то о сомнениях в крепости моих рук, я все же молча положил шар на полку шкафа. А вслух ничего не сказал, ибо старого художника уважал, как всякого каждого настоящего творца.

– Это один из тех сребреников, который по легенде... за предательство Христа получил Иуда...

– Что?!

Да, хорошо, что он меня предупредил – после этих слов я мог и выронить шар. Видно, что так уже бывало, и художник знал об эффекте, производимом его словами.

– Эту легенду я услышал от прежнего владельца – художника, а он – от другого, и так продолжается уже много веков. Как-то в молодости я продал этому художнику свою лучшую картину, но деньги за неё – собственно, не столь уж и большие! – он не отдавал очень долго. Тогда мне всё это было очень удивительно: и то, что старый художник покупает картину у молодого, и то, что долго денег не платит и картину не возвращает. Тогда я был рад получить «хоть шерсти клоч с паршивой овцы». Нет-нет, не думайте обо мне плохо – того старика я по-своему даже любил, он ко мне хорошо относился, как к сыну или внуку... а про «паршивую овцу» – это так... «для красного словца». Мне нравились его вещи, далёкие от социалистического реализма, созданные то ли воображением, то ли прозрением большого мастера. Сегодня я могу сказать, что от них веяло чем-то древним или, наоборот, – далёким будущим. Заворожённый взгляд погружался в прозрачную бесконечность многопланового пейзажа, уходил от знакомого нам физического мира куда-то дальше... в мир космический или... или, может быть, ещё глубже. Что-то похожее и одновременно не похожее на картины Рериха и Смирнова-Русецкого. К слову, прежний обладатель шара получил его где-то в Петербурге на рубеже революций и тоже от художника.

В конце концов, деньги свои я получил, а в придачу – шар с монетой, и уже много лет он кочует со мной из мастерской в мастерскую. Теперь я думаю, что старый художник меня просто изучал и хотел посмотреть, как я себя поведу, не получая денег за свою работу... А шар мне был передан как эстафета...

Старик же и рассказал легенду шара. Она гласит, что люди должны собрать все тридцать сребреников и заключить их в стеклянные шары.

И когда это произойдёт, станет известна Истина о трагедии, произошедшей в древнем городе более двух тысяч лет назад. И люди узнают правду о том, «кто кем был, кто кем стал, и кто кем будет».

Художник замолчал, но я не сразу это заметил. Нет, я сам человек неверующий, и даже Библию не читал, хотя сын справедливо упрекает меня в этом, утверждая, что образованный человек просто обязан её прочесть. Полностью с ним согласен: надо хотя бы прочитать одну из величайших книг человечества. Однако этого я до сих пор не сделал. Тем не менее общую картину голгофской трагедии, конечно, знал по литературным произведениям и кинофильмам. И вот... минуту назад я держал в руках сосуд, может, действительно с одной из тех самых монет... Наконец, сглотнув комок в горле, я спросил:

– Вы про Иуду?

– Не только. Иуда лишь один – самый известный – апостол. Его имя все знают. Но спросите неверующего, да и многих верующих, как звали остальных апостолов? Многие назовут только несколько имён, но только образованные верующие да теологи знают всех их по именам.... Знают по именам, но не по деяниям! Если пророчество сбудется и все сребреники будут собраны в одном месте в пирамиде из стеклянных шаров, то мир узнает неразрывную правду об именах и деяниях, в том числе правду об Иуде из Кариота.

– Сколько же шаров, то есть монет, уже собрано?

– Не знаю. Сколько я ни пытался что-то выяснить о таких же шарах или монетах, почти ничего мне неизвестно. В одном специалисты заверили меня три года назад: эта монета действительно похожа на те сребреники, какие были в ходу в Иудее две тысячи лет назад.

– И что же... нельзя достать монету и внимательно её исследовать? Насколько мне известно, современными методами можно практически точно установить настоящая она или фальшивка... в смысле, новодел... Радиоуглеродный метод или там спектральный анализ...

– Я не все сказал. Легенда гласит, что монета никому не причинит вреда, пока она заключена в шар. Но если вынуть её из хранилища до срока... до того, как будут все тридцать монет собраны в одном месте, горе ждёт каждого, кто коснётся сребреника... Я суеверен и не хочу дразнить судьбу или будить старое проклятие...

– Но если вы боитесь, может, просто избавиться от шара – продать, подарить, обменять... наконец, можно уничтожить его...

– Монета не только полностью безвредна пока находится в шаре, но даже приносит творческие удачи тому, у кого хранится. А уничтожить рука не поднимается... Не хочу я быть тем, кто может помешать выявлению Истины в старом споре о Богочеловеке или о сыне человеческого... Вы думаете, легко взять на себя смелость уничтожить своими руками такой шанс? До меня никто не решился на это, и я не буду. Этот артефакт... своего рода культурная ценность, и не художнику уничтожать культуру в любом её проявлении.

– Где же сделан шар? И почему именно шар?

– Не знаю. В легенде об этом говорится по-разному. Может, это было сделано в одной из гностических сект в первые века христианской эры. Может быть, муранские стеклодувы выдули этот шар, а может, какой-то средневековый алхимик в своей мастерской, прочитав заклятие, поместил монету в шар. Не знаю... Про шар говорил я с одним знакомым философом. Он считает, что монета не случайно заключена именно в подобную оболочку. Не в куб, не в призму, а именно в шар... Дело в том, что шар – это древнейший символ, и для древнего сознания – совершенная форма, обозначающая

божественность, постоянство, неизменность Космоса. Шар – это предельность Единого, охраняющего Космос от вторжения Хаоса... Шар нужен для того, чтобы нейтрализовать потенциальную Бесконечность непостижимого содержания, которое несёт в себе тайна монеты.

– То есть, получается, что один символ ограничивает и влияет на другой?

– Наверное, да...

– А...

– Вы хотели спросить, что будет после моей смерти?

– Ну... не совсем это... ну в общем...

– По преданию, перед смертью владельца, или лучше, наверное, сказать, держателя... или хранителя шара, он будет передан новому владельцу. Именно передан, а не продан... или будет обменён на другой символ...

Ночью мне снилась пирамида из разноцветных стеклянных шаров, притягивающая взгляды тысяч людей. Пирамида... ещё один древний символ...

Рисунок неизвестного автора

Эта книга была куплена в небольшом зауральском посёлке у вдовы латышского стрелка. Старушка хранила оставшуюся от мужа библиотеку в довольно сыром подполе ветхого домика. Я и сам не знаю, чем же именно привлекла моё внимание большая книга в толстом самодельном переплётке, отпечатанная, вероятно, в начале XX века. Дома, осматривая её, я неожиданно обнаружил, что на задней обложке, под форзацем что-то есть. «Ну любопытство не порок...» – промелькнула мысль. Старым скальпелем я осторожно отделил форзац от обложки и достал лист картона размером 18 на 24 см. Я буду называть эту работу рисунком... мне так привычнее...

На темно-зеленом фоне, переходящем в чёрный мрак, масляными красками была изображена горящая свеча. Но чем больше я всматривался в рисунок, тем больше свеча напоминала чуть повернутую фигуру человека в белом одеянии с ярким, оранжево-красным нимбом над головой. Наплывы воска образовывали подобие рук, тесно прижатых к телу. Нижний конец свечи казался сомкнутыми ногами со слегка раздвинутыми ступнями. Фитиль, как тонкая шея, выступал из оплавленного верхнего края, напоминающего воротник. Пламя свечи было подобно вздыбленным рыжим волосам. В тёмном пятне вокруг фитиля, которое было обрамлено желто-оранжевым цветом, при сильном воображении можно было угадать черты лица.

Включив настольную лампу и низко склонившись над рисунком, я тогда первый раз тщательнейшим образом рассмотрел и свечу, и фитиль, и пламя. Свеча – и только свеча... Мазки белой и жёлтой красок, чуть оттенённые чёрным цветом, на редкость правдоподобно передавали структуру размягчённого воска. На копии это, может быть, плохо заметно, зато в оригинале – совершенно очевидно! Только взгляд издали почему-то рождал другие впечатления, которые было трудно выразить словами. Конусообразный нимб ярким свечением тревожил душу. Апостол? Воплощение Света Истины, разрывающее мрак невежества? Свеча как символ Жизни... или это символ Смерти? Как там сказано, в Евангелии от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»?

В рисунке было что-то отдалённо напоминающее картины Чюрлёниса... Или это неизвестная работа Рериха? А может быть, её автор из круга «Амаравеллы»? Работа явно символична, но когда и где она была выполнена? А главное – кем?

Книга, в которой был найден рисунок, не давала ответы на эти вопросы.

Ведь он мог быть спрятан под обложку самодельного переплѣта кем угодно и когда угодно! Не понятно даже, для чего это было сделано? Ещё одна культурологическая или искусствоведческая тайна, разгадать которую никогда не удастся? Свеча, как символ, использовалась в живописи и рисунках, да и в литературе, множество раз. Круг предполагаемых авторов практически не обозрим...

Люди, которых я считал специалистами, осмотрев рисунок, недоуменно пожимали плечами и высказывали самые разнообразные мнения. Но никто не называл школу или круг художников, время или страну, где он мог быть выполнен. Кто-то находил здесь смысловой и символический ряды: свеча – свет истины, обжигающее пламя – опасность или смерть... Другие уверяли, что это только эскиз, и поэтому смысловое пространство картины не сформировано, следовательно, не представляется возможным вести речь о законченности. Третьи что-то бормотали о существовании двух тем и вытекающей отсюда авторской тенденции ухода от реального образа к абстрактному...

Впрочем, некоторые тут же предлагали продать работу за хорошие деньги. Именно это меня больше всего настораживало и одновременно раззадоривало в попытке найти ключ к разгадке авторства. Если сразу предлагают деньги, даже не сделав попытки провести искусствоведческую экспертизу, значит, работа представляет художественную ценность. Это было настолько ясно, что все просители получали моментальный отказ. Кроме того, рисунок мне нравился все больше и больше: после взглядывания в пламя свечи у меня всегда улучшалось настроение, приходили в голову свежие идеи, которые рождали просто замечательные мысли. Я вставил свою находку в небольшую коричневую рамку, поставил на книжную полку и время от времени внимательно рассматривал детали рисунка. И вот однажды, при косом освещении, в правом нижнем углу я едва различил буквы «Б» и «Г», вписанные друг в друга. Это моё открытие, несомненно, должно было положительно сказаться на установлении авторства. Именно после него я отважился при первом удобном случае опубликовать фотографию рисунка в окончательной надежде, что кто-нибудь из читателей уж точно укажет мне путь к разгадке.

В одной из редакций профессиональный искусствовед долго и молчаливо взглядывался в рисунок. Не выдержав затянувшейся паузы, я, с нескрываемым любопытством и горячностью, поинтересовался:

– И что же Вы думаете?

– Он стоит у входа в какой-то иной мир...

– Он? Да кто Он? В какой мир?

– Проводник... или Ведущий...

– Ведущий... куда?

– Я не знаю... Может быть, в мир нашего подсознания... а может быть... в мир не нашего Сознания... или во внутренний мир Высшего плана... Я не знаю, я только чувствую... Там во мраке есть какие-то знаки... символы, на рисунке их не видно, но они есть... и в них может быть сокрыта Истина.

– Почему сокрыта?

Помолчав немного, искусствовед тихо просил:

– А Вы уверены, что человек может вынести свет Истины? Подумайте, например, выдержит ли разум человека, если он узнает всю правду о себе?

Я постарался всмотреться во «мрак» на заднем плане рисунка, а затем нарочито грубовато протянул:

– Ну, ерунду Вы какую-то несёте... Миры, проводники, передатчики, планы, схемы, чертежи, явки, пароли, адреса... Как говорил Аркадий Райкин: «Не надо индукции, давайте продукцию». Не можете ничего сказать, нечего туман напускать. А то «знаки-символы неизвестные», скоро плюнуть будет некуда, что бы в какой-нибудь символ не попасть...

Тирада моя на собеседника произвела нужное впечатление. С плохо скрываемым сожалением, он взглянул на меня, как на молодого недоумка. «Ничего, ничего – я могу и дураком прикинуться, дорогой искусствовед, – молча произнёс я, – от меня не убудет, если разок тень на плетень наведу.

Но почему же... пока я слушал тебя... вдруг вспомнился разгром кружков московских тамплиеров, учинённый НКВД в начале 30-х годов XX века? Почему?»

– Может быть, оставите рисунок на несколько дней? Я бы его ещё поизучал, – без всякой надежды на моё согласие робко произнёс учёный муж.

– Ну, уж нет, – не выходя из роли хамоватого недоумка, ответил я, – не дурнее паровоза, сами разберёмся, хоть и «академиев не кончали».

– Ну, дайте хотя бы копию с рисунка снять...

– Перебьётесь без копии как с копией... Все, давайте рисунок, я пошёл. «Не желайте мне побед, покажите мне буфет». И вот моя визитка, как говорится, «на всякий пожарный случай»...

Выходя из редакции, я снова спрашивал себя: «Почему вспомнились московские тамплиеры? Почему?» Понятно, что вопрос родился не на пустом месте. Фрейда и Юнга я не только в институте читал и своему подсознанию привык доверять...

На следующий день мой цифровой автоответчик воспроизвёл неясное послание редакционного искусствоведа. Если отбросить формулы вежливости и информацию о том, что кто-то где-то когда-то видел подобный рисунок свечи с неким письменным предсказанием, то в осадок выпадала всего единственная цитата, приведённая учёным мужем: «Пред концом света страдания человечества будут облегчены, ложь и тьма, проникшие в науки, искусства, религии и правительства, будут повержены, и установится единый стандарт, чтобы все могли радоваться плодам истины». За смысловую точность воспроизведения прозвучавшей фразы я абсолютно ручаюсь, а подтверждающий данное содержание голосовой файл до сих пор храню в компьютерном архиве.

Через несколько дней рисунок вновь озадачил сюрпризом. Я принёс его на работу, чтобы сделать сканирование и распечатать снимок на хорошем цветном принтере. В этот день ко мне зашёл знакомый шизофреник с предложением инвестировать мои деньги в его очередной бизнес-план и обещанием через несколько лет 50 процентов дохода. Знаю, что грешно смеяться над больными людьми, поэтому сразу скажу: диагноз его был установлен давно и сомнения не вызывал.

Увидев рисунок свечи, мой посетитель начал истово креститься, а потом, заикаясь, спросил:

– К-как т-ты можешь ЭТО держа-ать н-на своём столе? – спросил он, не отрывая взгляда от рисунка.

Я опять «включил дурака»:

– Ты об Уголовном кодексе Российской Федерации или об этой прелестной фигурке обнажённой танцовщицы, – уточнил я, все прекрасно понимая.

– Я.. ЭТО... ЭТО... Я п-потом з-зайду, когда т-ты ЭТО у-уберёшь из к-кабинета... и святой водой, с-святой водой побрыз-згать не з-забудь, – уже на пороге приговаривал он...

Окончательно все запутал рассказ моего старого друга – начальника одной из самых значительных по контингенту исправительно-трудовых колоний. Неделю назад я пригласил полковника попить водочки под жареное мясо, расслабиться, поговорить «за жизнь»... И «хорошо сидели», пока мой жизнерадостный полковник не увидел рисунок.

– Интересная у тебя картинка... Где взял? – безразличным тоном спросил он.

Может кого-то и мог обмануть этот тон, но только не меня – я теперешнего полковника знал ещё с голой задницей в детском саду, а потом и в школе вместе учились...

– Ты, господин полковник, на своём контингенте «форму поддерживай», психолог хренов, там и демонстрируй равнодушие в разговорах. Задела картинка за живое, а? Колись, я тебе потом впечатления других расскажу. Тут у меня были недавно две занятные встречи... Или видел где подобную картинку? В музее, в альбоме? Ну-ка колись, а пока давай ещё по одной за это дело выпьем...

– Таковую не видел, – полковник, не закусывая, махнул рюмку и, немного подумав, продолжил: – Похожую, да. Только не в альбоме, а на груди... труп.

– О, бля... – невольно вырвалось у меня, – на трупе... Ну-ка, ну-ка, подробнее, пожалуйста, господин полковник.

Друг мой помолчал, как бы прикидывая, есть ли смысл продолжать разговор, и, наконец, принял однозначное решение в мою пользу.

– Ты, надеюсь, не забыл, что службу я начинал в лагерях на Севере. Через три дня после первого назначения на должность опера, в моё дежурство было совершено убийство, да непростое. Старого зэка распяли на стене трансформаторной будки, и он умер от потери крови. Первое, что мне бросилось в глаза – его рот был зашит суровыми нитками. А на груди у него, у сердца, была наколота такая вот свечка... только без пламени... Я потом в спецчасти поднял его дело – питерский был мужик, долго сидел, чуть ли не с сороковых годов... Древние языки знал, стихи какие-то заумные сочинял. В кармане его телогрейки позднее нашли пустую пачку из-под папирос «Беломор-канал», а на ней угольком было написано что-то вроде:

Горит свеча...

И в полдень магов...

Закован голубой арлег...

– А кто убил? Не узнали? Осудили?

– Да брось ты... на зоне все всё знают. И мы скоро узнали, суда, правда, не было... Вот что занятно: как-то быстро умерли все, кто был замешан в этом деле...

– Их что, тоже убили? Мечь?

– Да нет... умерли все сами... Повторяю – как-то очень быстро все «ушли в мир иной». У одного туберкулёз неожиданно обострился... Другой на глазах у всей бригады ногу топором случайно поранил. Пока «в больничку» везли, он и «закмурился». Третий простудился и за два дня от воспаления лёгких загнулся... Четвёртый... Ну, одним словом, знаешь ведь блатную поговорку: «Бог не фраер, долго ждёт, да больно бьёт»... Короче, случаи это были «из другой серии», к которым убийства на зоне не относятся... На нарах потом долго шептались, что, мол, распятый перед смертью успел проклятие наложить на убийц...

Полковник помолчал с минуту, а потом неожиданно продолжил:

– Ты бы картинку-то сжёг...

– Да ты что, мне за неё, наоборот, «кучу зелени» предлагают...

– Ну вот и хорошо – срочно поменяй картинку на зеленые портреты чужих президентов... лучше Франклина.

– Господин полковник, попрошу не отвлекаться, продолжайте свой рассказ об убийстве пожилого заключённого.

– А нечего больше рассказывать. Меня скоро перевели в другой лагерь, оперативная обстановка там была тяжёлая, всё прежнее быстро забылось, пока вот твою картинку не увидел... и не вспомнил.

Больше мне ничего не удалось вытащить из друга, хотя я влил в него ещё чуть ли не литр высококачественного напитка. Полковник водку пить не отказывался, на рисунок не смотрел, но мрачнел все больше и больше... Я же интуитивно улавливал какие-то нестыковки в его рассказе... Чтобы лагерный опер забыл про первое убийство в зоне? Как же, поверю другу на слово. Сколько годиков прошло, а заумь стихотворную про полдень магов сразу процитировал... Да и подробности про скорую смерть тех подельничков тоже в памяти сохранил... Нехорошо, господин полковник, старых друзей обманывать. Хотя и правду он мне не обещал рассказывать...

Вот, пожалуй, и все, что мне на сегодняшний день известно о моем нечаянном приобретении.

Сюжет рисунка тёмн, автор неизвестен, ответов на вопросы нет... И не ясно, получу ли когда-нибудь их, эти ответы... Уже перед самым завершением моих заметок отыскал я библейскую фразу: «...зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме, – говорит Господь».

Кисть моей руки

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...
Анна Ахматова*

Меня всегда интересовало восприятие разными художниками одного и того же пейзажа, живой модели или предмета. А если ещё точнее сказать, то интересно было, как это восприятие преобразуется в само изображение? Вот смотрит группа на композицию из нескольких предметов или на обнажённую натурщицу... и каждый рисует или пишет по-своему! Есть у меня портрет, написанный китайцем. Как-то в Даляне на набережной позировал уличному художнику... На нём я на русского совсем не похож!

Впрочем, даже фотографии, сделанные в одно время с одной точки съёмки, но разными людьми, могут очень существенно отличаться друг от друга. Хотя, как говорится, «в принципе» и «по идее» фотокамеры должны фиксировать всё одинаково...

С этим же был связан и мой интерес к живописным портретам, выполненным по фотографиям человека. Смотрит художник на фотоснимки, что-то происходит в его сознании (или в подсознании?) и кладёт он на холст мазок за мазком... В случае удачи проявляется в портрете сущность человека...

К слову сказать, вспомнил давнюю историю... Прошло уже несколько лет с момента избрания Папой Римским Иоанна Павла II. Курганские католики решили заказать портрет понтифика известному российскому художнику Герману Травникову. Конечно, для создания портрета он пользовался фотографиями наместника Бога на Земле...

В старую мастерскую Травникова, которая тогда находилась в доме № 20 по улице Комсомольской, я зашёл в середине дня. Сквозь огромные

окна солнечный свет просто переполнял мастерскую, преображая её в храм искусства. Герман писал портрет Папы...

– Здравствуй-здравствуй... присаживайся вот сюда... какие новости? – сказал художник, не отрываясь от работы.

Я присел в старое кресло и начал рассказывать о делах и заботах местного отделения Советского фонда культуры.

– Сиди и не шевелись, – вдруг сказал Травников.

Я замер.

– Поверни вот так правую руку, – попросил художник и одновременно показал, как надо это сделать.

С недоумением взглянул я на него и послушно выполнил указание.

– С твоей руки напишу кисть Папы Римского, а то у меня не с руки как-то получается, – пояснил Травников, – посиди вот так ещё немного...

И вспомнились мне бессмертные слова великого поэта о «растущих» стихах из сора... И чьи же тогда лица и руки мы видим на старых портретах великих мастеров?!

P.S. Где находится портрет Папы Римского Иоанна Павла II с изображением кисти моей правой руки, пока неизвестно, а было бы весьма любопытно снова взглянуть на ту картину и часть своего молодого тела...

Торс юной девственницы

Не раз слышал я туманные рассуждения о претворении благих замыслов в духовные ценности, или, другими словами, в произведения искусств... О красоте... о том, что «в этом что-то есть», о вечности, застывшей «во мгновении» благодаря неземному вдохновению, о подчинении материала художнику, окрылённому идеями свыше...

Вот и вчера после хорошего ужина и великолепных напитков (каждому по вкусу) в уютной гостиной богатого дома «бунтующие художники» вновь глаголили все о «непонимании» обывателями их творений, о косности восприятия и скупой рациональности «сильных и богатых мира сего», не желающих платить «нормальные деньги» за их «нетленку»...

Гостеприимный хозяин, владелец небольшой, но хорошо подобранной коллекции графики и живописи, всем радушно улыбался, кивал, соглашаясь со сказанным, и угощал коллекционным армянским коньяком, не поступающим в розничную продажу...

Я слушал журчащие речи, изредка прерываемые замечаниями хозяина, и вспоминал давнюю историю «о лучшем воплощении художественного замысла».

...Однажды меценатом «районного масштаба» в узком кругу местных художников был объявлен конкурс на лучшее изображение торса юной девственницы. Выбор материала и формы являлся привилегией авторов, а затем уже во плоти, так сказать, каждый мог свой шедевр продемонстрировать публике...

...О Господи, каких только «всплесков творчества» и «дерзких замыслов» не было на той выставке... Один отрубил сучья у старого пня и покрасил его зеленой краской, другой поставил вертикально длинный мраморный брусок с этикеткой «Будущее формируется сейчас», третий приладил кусок глины, изображавший голову, на горлышко темно-коричневой бутылки из-под пива, четвёртый... Э, да что там говорить... Не в перечислении дело... И заметьте, каждый, наверное, искренне считал, что он создал нечто настолько выдающееся, что останется в памяти потомков навечно...

А сам вдохновитель местных шедевров, неторопливо обходя выставку, каждому представленному экспонату уделил внимание, задумчиво кивал, наклонял голову и прищуривался, чтобы лучше рассмотреть – и даже время от времени отходил сторону – явно для того, чтобы полюбоваться издали... Потом всех участников выставки пригласил в ресторан, дабы в приятной и радушной обстановке отметить её завершение... К слову сказать, у него дома на стенах было несколько прекрасных акварелей в стиле «ню», и две из них в круглых рамках диаметром около тридцати сантиметров мне особенно нравились... Многим из нас было понятно, что ничего из представленного на конкурс он покупать не будет... Денег некоторым, может, и даст, но не за творчество, а так, для «поддержки штанов»... Мужик-то он был вовсе не жадный.

...В ресторане, когда наступил момент распада общей компании на более мелкие, но шумные и бессвязно говорливые, мне для привлечения общего внимания пришлось даже громко звякнуть вилок по пустому графину, чтобы предложить тост за процветание всех присутствующих.

А уж после этого, дождавшись, когда всё выпьют, но ещё не успеют закусить, я как можно громче заявил, что завтра утром во дворе нашего многоквартирного дома выставлю символическое изображение женского торса, созданное из подручных материалов, которое просуществует три месяца, если раньше местные варвары, не понимающие великого и облагораживающего воздействия настоящего искусства на массы, не уничтожат его.

Кто-то захохотал, в мой адрес посыпались шутки на тему «Художник от слова худо», а долговязый график по кличке «Ермолай» заорал: «Старик, а фотоаппараты брать?»

Слово своё я сдержал: утром возле нашего подъезда, недалеко от детской пластмассовой горки, сделанной в виде зелёного слоника, всех собравшихся ожидала снежная баба... Верхнее шарообразное изваяние в диаметре было чуть меньше нижнего, и это, на мой взгляд, вполне гармонично являло собой необходимую пропорцию для увековечения торса юной девственницы...

ПОЭЗИЯ

Сергей АБРАМОВ

* * *

Руль кручу,
как вожу хоровод
На сибирской певучей равнине.
Вот к деревне моей поворот;
Вот сорока сидит на осине.

А деревня?.. Деревня стоит
Поредевшая в цвете акаций.
И народ ранним утром не спит,
Он далёк от пустых
демонстраций.

Всё знакомо в лесах и полях,
Как дыханье, как жизнь
ощутимо;
Вдалеке на речных берегах
Тот же тал,
мною с детства любимый.

Чем живёт он, забытый народ –
В большинстве старики
да старухи? –
Тем, что свой здесь
с крестами погост,
Что растут деревенские внуки.

* * *

Года ушли, и брат ушёл
Туда, откуда не приходят.
А отчий дом стоит ещё.
Репей растёт на огороде.

Здесь не живут ни мать с отцом
Уже давно, ни я, ни сестры.
Пищат лишь мыши под крыльцом,
Да занавески блекло пёстры.

И волком хочется завывать
В небесный верх сквозь дыры в крыше...
Но крышу надо перекрыть –
Где мой топор?.. Он дан мне Свыше.

* * *

О, сколько дум и дел напрасных
Осталось в прошлой полутьме!
Теперь, когда вдали всё ясно, –
Не дай мне Бог ошибок праздных,
Не дай неверных дум в уме.

Не дай потворствовать злодеям,
Не дай отречься от Руси!
А коль душою охладею,
Ты всё же, Господи, спаси!

Время

Вот лужа посреди дороги
И в палисаднике сирень.
Вот дядя Митя одноногий
На берегу сидит весь день.

А деревенские ребята –
Они счастливей городских –
Плывут на лодке к перекату
Язей да щук ловить больших.

Он рад гудящему буксиру.
Как будто из былой дали
Ему по водному пунктиру
Вторую ногу привезли.

Коровы дремлют под горою.
Пастух в тени дымит махрой.
Эх, время, время золотое –
Печаль поэзии живой.

Встреча в деревне

Пьяная баба бежит по траве,
Силой незримой гонима.
– Батюшка, батюшка, благослови...
Руки в поклоне скрестила.

Что за причуды и что за напасть –
Кланяться мне не по чину?
Площадь, где шёл я, церковной звалась...
Нынче пасётся скотина.

Долго я думал, усы теребил,
Сидя в избе с образами.
Бабу по-русски жалел и любил,
Русскими плакал слезами.

Юность

На берегу большой реки
Ютились баньки да амбары.
По глади плыли рыбаки
На просмолённой лодке
старой.

Тугие струйки молока,
Вздыхая, падали в подойник.
На крышах изб алел закат.
...Хвалило радио достойных.

Пел соловей, о небе пел...
Телёнок слушал у повети.
Буксир приветливо гудел
И гнал волну в закатном свете.

Тут жизнь моя, здесь мой удел,
Мои живительные соки.
...А я куда-то вдаль глядел,
Ещё не выучив уроки.

Родное

Сосед окуней на верёвочке вялит,
Развесил на жерди рыбацкие сети.
А я загляделся на сельские дали,
И нет для меня лучше далее на свете.

Вот чей-то ребёнок залез прямо в лужу.
А мимо мужик колесит по дороге,
И в сторону церкви несут его ноги...
Налейте! Я выпью за русскую душу.

Находка

В землю вросшем амбаре лопату ищу.
Натыкаюсь на нужные некогда вещи
В деревенском быту. И, жалея, грущу,
Что без дела лежат пилы, кадочка, клещи...

Вот и кросна висят на калёном шпиле, –
Это бабка моя всё ткала вечерами
Половицы, рогожи... не знаю сколь лет
(От крестьянской нужды) в перегляд с образами.

О нелёгкой её я подумал судьбе, –
Сколько крови и слёз, сколько пролито пота!..
Вдруг представил, что тку половицы в избе,
Будто бабкину я продолжаю работу.

...В нашем старом амбаре стою и молчу.
Ясно вижу себя восприемником рода.
Сбросить лямку крестьянскую я не хочу.
А в амбар-то зашёл по пути с огорода.

О преданности

Вот опять приветствую
деревню,
Лес, реку, знакомые поля,
Быт крестьянский,
что давал издревле
Силы для нелёгкого житья.

Тёзка мой на прибранной
ограде
Мастерит для рыбы кузовок.
Иногда ругнётся, если надо
Закрепить покрепче хомуток.

Отложил, приветствуя, работу
И... «айда в избу,
попьём чайку».
А изба-то срублена добротной,
Есть чем похвалиться земляку.

Хорошо чаёвничать подолгу,
Если есть о чем поговорить.
Сколько ж лет прошло...
событий столько,
Что не хватит сил
про всё забыть.

Не увлёл его богатый север,
Не сманило в городе житьё...
Он прирос к земле душою всею,

Любит он родимую её
Той святой есенинской
любовью,
Что дана простому мужику.
Он себя к земле трудом и болью
Пристегнул, как лямку
к кузовку.

21-й век

Траву давно никто не косит,
Скот перестройка извела.
Сашуня-бомж
на водку просит...
Он без двора и без кола.

Загавкал пёс по кличке Цыган,
Он здесь хозяин во дворе.

А у меня в кармане фи́га –
Для всех врагов земли моей.

* * *

То ли пыль в глазах, то ли свет закрыт...
Голоса вдали нехорошие.
На столбе фонарь ночью был разбит.
Глухо в пыль упал камень брошенный.
Сел уставший я, поразмыслить чтоб
В тихий летний день на завалинке.
Ни за что вчера плюнул вслед мне жлоб...
Ведь не злой он был (помню) маленьким.
Отпусти ему, Боже, этот грех.
Тут и так в селе, хоть шаром кати.
Он, наверное, из последних тех,
Кому некуда от земли уйти.
Да и надо ли? Может – год, другой...
Тут по-доброму всё наладится.
А народ у нас не совсем плохой.
Хоть грешит, шельмец, но и кается.

О жизни

Мужики да бабы	По избе, где в зыбке
Снятся по ночам,	Жить я начинал;
Сельские усадьбы,	По покосам росным
Деревянный храм.	И Тавде-реке...
И к чему – не знаю –	Там уж нынче осень
Вижу эти сны...	В золотом платке.
То ли жизнь такая –	Тихие усадьбы
Нет в душе весны;	Допоздна не спят.
То ли снова шибко	Мужики да бабы
Я затосковал	В небеса глядят.

О чём тоскует кукушка

Вижу ельник за полем, реку голубую,
Лебеду, что склонилась к дорожной пыли.
Я на землю смотрю, как на душу родную,
И роднее не будет мне этой земли.

От кукушкиной песни притихла опушка.
Примостился кузнечик на лист лопуха...
Но как будто о чем-то тоскует кукушка,
Хоть и жизнь этой птахи не так уж плоха.

О пшеничном ли колосе или о доме...
Непонятно, о чём так тоскует она.
Может, жаль ей, что здесь, в разнотравной истоме,
Не поют петухи... ни кола ни двора.

Не прикрыв седину, я шагаю по полю.
Я по русскому полю по-русски иду.
Я иду с той заветной надеждой и болью,
Что найду отчий дом, непременно найду.

ПРОЗА

Леонид ИВАНОВ

ТРАМВАЙ СВИДАНИЙ

В этот город Зинаиде Степановне захотелось обязательно поехать самой. Обычно с такими второстепенными делами легко справлялись её толковые сотрудницы, но вот заблажилось, и всё тут. А чего заблажилось? И сама не знает. Ну, прожила тут три года с родителями, когда училась в старших классах, потому что отца перевели сюда на службу для последующего продвижения на повышение. И всё.

Всё?

Ой ли!

Вот именно – ой ли. Большинство девчонок именно в этом возрасте переживают свою первую любовь. Не избежала этого и Зиночка. Теперь, когда у самой уже дочь подросток, понимает, что и не любовь то была, а просто влюблённость, без которой не миновать этот возрастной рубеж.

Случилось это в пионерском лагере, или как их тогда стали называть по-новому – оздоровительном центре, куда устроили родители Зиночку после девятого класса, чтобы самим съездить в санаторий, поскольку отцу на службе выделили две бесплатных путёвки.

На вожатого Виктора запали там многие девчонки, не одна Зиночка. И не мудрено! Высокий, спортивного вида красавец, всегда с неизменной улыбкой, шуточками, а вечерами ещё и с гитарой, тренькая на которой, пел песни из репертуара Александра Малинина, Андрея Губина, Андрея Державина, Валерия Сюткина, Игоря Корнелюка, Вячеслава Малежика и других популярных исполнителей.

Виктор учился в пединституте на отделении, где готовили учителей труда и преподавателей для ПТУ и техникумов, а в лагерь приехал вместе с группой студентов на практику. Тайно влюблённые в него девчонки понимали, что их любовь так и останется неразделённой, потому что были они для взрослых парней всего лишь малявками. К тому же Виктора от себя ни на шаг не отпускала вожатая Сима – крашенная блондинка со стервозными повадками, ужасно крикливая и капризная.

Виктор был вожатым в соседнем отряде, но то и дело попадался на встречу, а уж вечерами, когда усаживались у костра, становился центром притяжения всех девчонок из старших групп. Из-за него Зиночка уговорила родителей оформить ей путёвку ещё на одну смену, но Виктор вместе со своей врединочкой там уже не работали. Через неделю, когда на выходной приехали родители, Зиночка вдруг запросилась домой, сославшись на недомогание.

Потом, когда начался учебный год, Зиночке удалось выследить, где живёт Виктор. Она дожидалась его в сквере возле института, садилась в другой конец трамвая, пряталась за спины пассажиров, выходила на следующей после него остановке и после этого возвращалась в центр, где была их служебная квартира.

Поездки ради того, чтобы украдкой любоваться предметом своих воздыханий, длились до самого Нового года, а после каникул отца снова перевели в другой город, и постепенно Зиночка забыла и свои ежедневные поездки на трамвае тайных свиданий, и самого Виктора. Впереди были выпускные экзамены, потом вступительные, увлекательная учёба в университете,

любовь, замужество, развод, потом новая семья, рождение дочери, через десять лет, когда, казалось, не осталось уже никаких перспектив на ещё одно продолжение рода, появился сын. Семейные заботы и успешная работа не оставляли времени на ностальгию по школьному прошлому, тем более, что и чего-то яркого, незабываемого в этом прошлом не было. Школа, кружок танцев, музыкальная школа, дом, книги, какие-то выступления на концертах, почётные грамоты...

Разве что иногда вспоминался этот трамвай первого маршрута. Трамвай свиданий, в котором ездила, чтобы исподтишка любоваться Виктором. Каким это теперь кажется наивным и глупым!

Но когда под вечер устроилась в своём заранее забронированном люксе, приняла душ и отправилась погулять по городу, почему-то села в трамвай первого маршрута и стала смотреть в окно на давно забытый город.

Был он почти прежним, только каким-то неухоженным: вылинявшие от солнца фасады старинных домов с местами облезлой штукатуркой, выбоины на асфальте даже на центральной улице, унылые лица прохожих. После вечно молодящегося Питера, старушки-дома которого старательно наводят макияж на обращённых к улице лицах, где даже озабоченные повседневными заботами жители города заражаются от многочисленных, вечно улыбающихся иностранцев атмосферой беззаботности и веселья, этот старый город наводил тоску.

Чтобы не впасть окончательно в состояние депрессии, Зинаида Степановна встала и направилась к выходу, собираясь сойти на следующей остановке и вернуться в гостиницу.

– А ведь это всё-таки ты! – бесцеремонно обратился к ней какой-то невзрачного вида мужчина. Зинаида Степановна обратила на него внимание только потому, что несколько раз ловила на себе его взгляды. – А я всё смотрю: она или не она. Да точно ты!

– Простите... – опешила Зинаида Степановна. Она давно привыкла, что к ней обращаются на Вы все, за исключением домашних и пары давних подруг, а тут незнакомый мужчина тыкает, как закадычный друг.

– Неужели не помнишь? Пионерлагерь «Салют», потом я тебя много раз видел в этом трамвае...

– Виктор? – сообразила Зинаида Степановна.

– Ну вот, узнала! А ты изменилась, – бестактно рубанул Виктор. – Ну, в смысле, стала настоящей дамой. Солидная! А была-то... Была... Ой, хоть и симпатичная, но такая замухрышка. Скромная! Спасу нет! Помню я тебя по лагерю. Глаза поднять не смела. Такая серая мышка. Хотя я узнавал, отец у тебя был большой шишкой. При таком отце могла бы настоящей оторвой быть.

– Не знаю... – смущённо улыбнулась Зинаида Степановна. И в этом «не знаю» было больше неуверенности от того, как себя вести с Виктором, чем от его оценки той скромной старшеклассницы.

– Дак ты выходишь? – спросил Виктор, потому что трамвай остановился.

– Да, да, – заторопилась Зинаида Степановна.

Виктор вышел первым, галантно подал руку, помог спуститься по ступенькам.

– Тебе куда? Ты же не у нас живёшь? По делам или как?

– По делам, – ответила Зинаида Степановна, не желая вдаваться в подробности.

– Так конторы все уже закрыты.

– А я просто поехала город посмотреть.

– Где устроилась?

– В «Центральной».

– Она теперь «Хилтон» называется.

– Ну, да.

– Не хило живёшь!

– Не жалуясь, – немного смущённо ответила Зинаида Степановна, не зная, как себя вести с Виктором.

– Может, в кафе зайдём? У меня, правда, с деньгами... того...

Зинаида Степановна поняла, что Виктор запомнил её имя, и решила помочь:

– А мне мама всегда говорит: «Зиночка, не ходи вечерами в кафе с незнакомыми мужчинами».

– Зиночка, дак я же знакомый. Это сколько же лет-то мы знакомы? Слушай! Дак ведь уже больше двадцати пяти! Ты ещё не бабушка?

– Нет, – опять поразилась бесцеремонности Виктора Зинаида Степановна. – Дочь гимназию заканчивает, а сын ещё только в начальной школе учится.

– А мой оболтус всё никак себе невесту найти не может. Да и не контактируем с ним. Не сложилось как-то...

– С Симочкой не сложилось?

– С ней. А ты откуда знаешь?

– Ну, у вас же такая любовь была. Она ни на шаг от себя не отпускала.

– Вот это меня в конце концов и вывело из терпения. Понимаешь, я человек свободолюбивый. Мне вольную жизнь подавай, а не брачные узы.

– Больше не женился?

– Да нет... Живём с одной. Так может всё же в кафе? Сегодня я пустой, но завтра деньги отдам.

– Тогда лучше в ресторан отеля, – согласилась Зинаида Степановна.

– Боюсь, тот ваш ресторан мне не потянуть даже завтра.

– Да ладно! Я приглашаю.

– Нет, ну коли так... – охотно согласился Виктор.

...В ресторане Зинаида Степановна внимательно разглядывала Виктора, пока тот долго листал толстую книгу меню, читая незнакомые названия дорогих блюд.

«И это тот самый Виктор, по которому я страдала?» – думала Зинаида Степановна. Куда-то исчезла бывшая статья, половину головы занимала блестящая лысина с неровно постриженными по краям остатками волос. Мешки под глазами и множество морщин красноречиво говорили о страсти к спиртному. Кажется, что даже ростом он стал намного меньше, хотя, может быть, так казалось лишь потому, что сама Зинаида Степановна вытянулась и была теперь намного выше той старшеклассницы из оздоровительного центра. И вообще весь Виктор в его дешёвой и застиранной одежде был таким же облезлым, как фасады домов в только что виденной старой части некогда красивого города. Для такого заведения, как ресторан самой дорогой гостиницы, он был явно из чужого мира.

Зинаида Степановна понимала, что нелепо смотрится в компании с Виктором, ей бы встать, оставить его за столиком, выйти под благовидным предлогом, сказать на выходе, что счёт оплатит при выезде, но эта извечная бабья жалость, присущая только русским женщинам, не позволяла оставить в одиночестве несчастного человека.

– Выбрали? – спросил официант, наряжённый в какую-то нелепую фирменную одежду, дополняла которую широкая суконная юбка.

– Я тут ничего не понимаю, – отодвинул меню Виктор.

Зинаида Степановна заказала два салата из морепродуктов, Виктору – мясо, двести граммов коньяка и себе бокал вина.

– Ты сам-то как? – участливо спросила Зинаида Степановна.

– Я? Да как? Никак. Работаю.

– Вижу, что не генеральным директором крупной фирмы.

– Какое там! Вообще-то был и заместителем директора технологического колледжа, а теперь вот сантехником. Мы же в институте, кто не ленился, получили корочки токарей, фрезеровщиков, сварщиков, сантехников, так что хоть и с третьим разрядом, но работу всегда могли найти не только в образовании, но и на производстве, где платят больше.

– Только из-за денег?

– Честно? Не только. Я после развода с девчонкой одной спутался. У нас училась. Скандал замаяли, но уволиться пришлось. На завод теперь без опыта не устроиться, пошёл в сантехники. А что? Хорошо. Работа не пыльная, всегда приработок есть, ну и... Сама понимаешь...

– Не понимаю.

– Ну, это... Если нормальный мужик в доме, он сам всё по мелочам сделать может, так что вызывают в основном одинокие женщины... А там... Ты извини, что я так откровенно!

– Да чего уж... Давние знакомые. Тебе же с кем-то поделиться надо. Не с женой же.

– Она бы меня тут же пришибла, если что узнала. Ревнивая – жуть!

– Не давай повода, ревновать не станет.

– А твой не ревнивый?

– Повода не даю.

– Такая шикарная женщина! Только не говори, что мужики не клянутся. Хотя помню тебя в лагере – сама скромность. Если такой осталась, то повода ревновать действительно нету. В номер не пригласишь?

– А зачем?

– Посмотреть, как люди живут. Я же никогда в такой гостинице не был. Хотя в богатых квартирах, конечно, бывать приходилось. Богатым тоже услуги сантехника требуются. То унитаз заменить, то раковину, то джакузи. Но там дальше ванной да кухни не приглашают. Брезгуют. Ты тоже брезгуешь?

– Отчего же? Пошли.

– Ты извини, может, ещё соточку закажешь? В номер. И кофе бы.

И в голосе его, и во взгляде была какая-то мольба, какая бывает обычно только у просящих милостыню возле храмов. И снова жалость сдавила сердце Зинаиды Степановны, поэтому, когда официант сказал, что в номер можно заказать только целую бутылку, она безропотно согласилась и даже выпила вместе с Виктором. А потом опять же, скорее всего, из чувства той самой жалости к почти опустившемуся человеку, но уж точно не из-за той юношеской влюблённости, не отдавая себе отчёта, как она, никогда не терявшая рассудок даже на самых сложных переговорах, оказалась в объятиях Виктора.

Она не отвечала на его поцелуи, но и не сопротивлялась. Будто под гипнозом позволила себя раздеть.

– А ты ничего, – похвалил потом Виктор. – Горячая. Я ведь на тебя в лагере внимание обратил, мне всегда скромницы нравились. Они поломаются для приличия, а потом такой вулкан страсти, что я тебе дам. Поглядывал на тебя, но боялся, что в тюрьму упекут за малолетку.

– Вообще-то мне уже шестнадцать было. Я в школу почти с восемью лет пошла.

– Вот дурак, а! – искренне воскликнул Виктор. – А ты мне, правда, очень нравилась. Люблю я молоденьких. Ладно, пора мне, а то моя гримза меня с потрохами сожрёт.

Он быстро оделся, на выходе из спальни остановился:

– А можно я бутылку с собой возьму? Ты же всё равно пить не будешь. Завтра я к тебе в половине седьмого заеду. Нет, в шесть. Ну, я пошёл. Будь!

...Никогда в жизни Зинаида Степановна не чувствовала себя так мерзко! Встала, прошла в ванную и долго-долго стояла под ласковыми струями тёплой воды. Потом, не вытираясь, упала на кровать и зарыдала. Выплакавшись, набрала номер администратора:

– Приготовьте, пожалуйста, счёт и вызовите такси. Да, прямо сейчас. Спасибо!

ПО ВТОРОМУ КРУГУ

Алеся была замечательной любовницей. Замечательной в том плане, что никогда, даже неосторожно обронённым словом, не намекала на мой разрыв с семьёй. Она просто принесла себя мне в жертву. Моя жена и дочери стали для неё родными, хотя никогда их не видела даже на фотографии.

Во время наших совместных командировок Алеся как-то умудрилась пробежаться по магазинам и купить моим девочкам подарки, от которых они были в восторге, а жена искренне поражалась, как мне удалось угадать её желание. Это было сделано в первую же нашу совместную поездку, причём девушка наотрез отказывалась брать с меня деньги, пока я не рассердился и не положил ей в карман какую-то, на мой взгляд, достаточную для возмещения расходов сумму. Она вернула мне половину и потом просто прикладывала к покупкам чеки.

От меня Алеся принимала только цветы. Однажды, когда мы уже были любовниками, я решил сделать ей приятное. В ювелирном магазине рядом с гостиницей купил вычурно исполненное колечко и во время ужина, когда до отхода нашего поезда оставалось часа два, вручил в красиво упакованной коробочке. Алеся развернула подарок, долго смотрела на него, быстро-быстро заморгала, стараясь не пустить слезу, и придвинула презент обратно.

– Антон Иванович, я не могу это принять. Извините!

– Почему? – не понял я.

– Вы знаете, в каких случаях дарят кольца?

– Когда хотят сделать девушке приятное.

– Антон Иванович, кольца дарят девушке, делая ей предложение. Вы женаты, у вас дети. Извините, я не могу это принять, – и она снова решительно отодвинула подарок по столу в мою сторону.

Я молча встал, взял отвергнутый подарок, подошёл к окну и швырнул его в открытую форточку.

– Зачем Вы так? – виновато спросила Алеся. – Жене бы подарили.

– Я покупал его тебе.

– Я же сказала, что не могу принять такой подарок.

– Давай закроем тему.

Ужин был испорчен. Алеся почти ничего не ела, выпила глоток вина и отодвинула бокал в сторону.

...В купе кроме нас пассажиров не было, и мы молчали всю дорогу. Я долго не мог уснуть, чувствовалось, что и девушка не спала тоже. Утром, выходя из такси у своего дома, Алеся поцеловала меня в щёку:

– Извините, Антон Иванович! Спасибо за всё! До встречи на работе.

– Поссорились? – отъезжая, повернул голову таксист. – Ничего, отойдёт. Куда дальше?

– На Ветеранов, психолог, – улыбнулся я в ответ, и на этом наше общение закончилось. Похоже, мужик был не только опытным водителем, но и хорошим психологом, научившись этому за годы работы с многочисленными и самыми разными клиентами, поэтому с разговорами не приставал.

На работе Алеся не подала вида, будто забыв о нашем инциденте. Она со всеми была равна в отношениях, не любила пустопорожних разговоров, особенно пересудов, в личную жизнь никого не пускала и сама другим в душу тоже лезть не пыталась. Из каких-то обрывочных разговоров знали, что любит классическую музыку, ходит на концерты в филармонию, бывает на всех проводимых в городе художественных выставках, живёт одна, не замужем. И всё.

Когда она только появилась в нашем бюро, мужики пытались оказывать ей знаки внимания, некоторые настойчиво приставали, она всех деликатно отшивала, сохраняя независимые ровные деловые отношения, больше похожие на приятельские. О нашем романе никто даже не подозревал, хотя за мной уже давно прочно укрепилась репутация этакого ловеласа, не упускающего возможности пофлиртовать с любой мало-мальски интересной сотрудницей или заказчицей.

Меня, надо признаться, Алеся тоже сразу же отшила. Да так деликатно и в то же время решительно, что даже во время наших совместных командировок я долгое время ни разу не делал попытки завести с ней хотя бы лёгкую интрижку.

Появилась она в нашем бюро во время дикой запарки. Перед этим почти полгода мы, грубо говоря, откровенно валяли дурака, не имея мало-мальски серьёзных заказов. Кризис тогда больно ударил по всем сферам, сильно пострадали от него и мы. В коллективе уже пошли разговоры если не о ликвидации конторы, то о масштабных в ней сокращениях. И вдруг ситуация изменилась в одночасье. Заказы прямо посыпались на нашу голову, в том числе из разных городов, куда совсем ещё недавно неустанно мотался шеф в поисках хоть какой-нибудь работы и по возвращении на планёрке снова и снова огорчённо разводил руками.

Теперь мы засиживались чуть ли не до полуночи, стараясь не сорвать обозначенные в договорах сроки. Создавались временные творческие коллективы, где при чётком распределении обязанностей всё же была возможность переключаться и помогать друг другу. Я трудиться в группе не умел. Я был одиночкой, и мне приходилось тяжелее. Тормозила куча чисто технической работы, это заставило смирить гордость и признаться, что не справляюсь.

– Будет тебе помощник, – пообещал шеф. – Есть у меня на примете человек. Чувствую, талант есть, самостоятельный бы проект дать, но пусть начнёт в паре.

Мне было совершенно безразлично, кого шеф найдёт в помощники, лишь бы спихнуть то, что отнимало много времени и не давало сосредоточиться на главном. И на сотрудницу, призванную мне в помощники, я посмотрел всего лишь как на помощника. Она не произвела на меня никакого впечатления: была совершенно не в моём вкусе. Всецело занятый только проектом, оказавшимся на грани срыва, я точно так же безразлично посмотрел бы на студента-ботаника или престарелую даму – мне был нужен просто помощник. И я тут же с нескрываемой радостью спихнул мешающую

творческой работе мелочёвку, сказав, что именно мне нужно прямо сейчас. Я даже не поинтересовался, в каком кабинете определил ей место работы шеф. Я не собирался бегать по этажам, разыскивая её для очередного поручения. Просто записал на стикер её имя и номер телефона, приклеил на панель монитора.

Алеся пришла перед обедом, постучала в дверь.

– Да входите же, кто там такой деликатный! – недовольно откликнулся я. – А, это ты. Алиса, впредь не надо стучать в дверь, ты не в спальнюходишь, а в рабочий кабинет.

– Извините, я учту, – сказала девушка. – Вот принесла то, что Вы назвали самым срочным.

Она подала мне бумаги, я начал просматривать, удивляясь, насколько быстро девушке удалось сделать то, что, раздражая своей мелочностью, отнимало драгоценное время, мешая сосредоточиться на основном.

– Алиса, да ты присаживайся. Говорят же – в ногах правды нет.

– Спасибо, – тихо сказала девушка, присаживаясь на краешек стула. Эта робость показалась мне наигранной скромностью и даже стала почему-то раздражать. Институтки мне ещё в помощниках не хватало с их правилами этикета!

– Спасибо, Алиса, ты молодец! – похвалил я девушку. – Ты меня здорово выручила.

– Извините, Антон Иванович, моё имя Алеся, а не Алиса. Можно просто Леся.

– Алиса из Зазеркалья, Леся Украинка, – почему-то вспомнилось мне из литературы, хотя ни сказку, ни кто такая Леся Украинка я вспомнить не мог. – Извини, Леся. И не надо выкать, у нас все на ты и по имени, так проще работается.

– Я так не могу, Антон Иванович. Во-первых, Вы мой начальник, а во-вторых, Вы намного старше.

– Ни фига себе! – ошалел я. Сколько ей? Немногим за двадцать? Я примерно на полтора десятка лет старше и уже выгляжу в её глазах стариком! Неужели это действительно уже пропасть? Да кто хоть она сама-то?

И я впервые посмотрел ей в глаза. Не в лицо, разом видя щёки, нос, губы, глаза, брови, лоб, волосы, не выделяя какие-то детали по отдельности, а именно в глаза. Мне больше нравились брюнетки с карими и тёмными глазами, я считал их более страстными и более склонными к флирту, к любовной интрижке, к мимолётному роману. Может быть, это мнение сформировалось у меня на подсознательном уровне после увлечения романами классиков, где барышни были сплошь голубоглазыми с русыми косами, и эти барышни любили беззаветно и верно. Я такую любовь не искал, мне достаточно было мимолётного увлечения, и потому обычно выбирал темноглазых. А впрочем, голубоглазые, кажется, почему-то мне и не попадались. Алеся была первой, да и затевать с ней интрижку я вовсе не собирался.

– Ты к нам надолго?

– Не знаю, мне сказали, на этот проект. Если не выгоните, значит, пока не закончим.

– Это зависит от того, как будешь стараться. Началом я очень доволен.

И я ободряюще улыбнулся.

– Извините, Антон Иванович, мне показалось, что Вы напрасно усложнили вот это место, – девушка встала, открыла в пачке листов отмеченный стикером, показала пальцем. – Извините, что лезу не в своё дело, но посмотрите сами.

– А ты молодец! – снова похвалил я. – Если так пойдёт дальше, сработаемся, хотя я привык всё делать сам, без партнёров.

– Мне говорили.

– Спасибо! Иди обедать, у нас тут буфет всего на час приезжает.

– А Вы?

– А я привык без обеда.

– Может, Вам хотя бы кофе принести?

– Алеся, тебя сюда приняли работать, а не кофе разносить. Кофе я смогу и сам приготовить, вон у меня кофемашина стоит.

– Извините, Антон Иванович, – растерялась девушка. – Я думала... Мне же не трудно было принести... Или приготовить...

– Спасибо, Леся. Извини за грубость! Просто я совсем зашился и не люблю, когда меня что-то отвлекает от работы.

– Извините... – еле слышно сказала девушка и пошла к дверям.

– Не обижайся, я не хотел тебя обидеть! А кофе мы с тобой вечером выпьем. Закончим работу и обязательно выпьем.

Алеся не оборачиваясь вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Что, не в духе? – донеслось из коридора. – Не обращай внимания. Он когда работает – зверем на людей бросается, а так вообще-то классный парень. Голову только не потеряй, а то у нас тут от него все без ума.

По голосу я без труда узнал Клаву. С этой шикарной толковой девицей у меня был короткий роман, начавшийся, как большинство служебных романов, на одном из корпоративов и без всяких обид на таком же празднике закончившийся, когда я во время танцулек увёл в свой кабинет новенькую сотрудницу.

Я откинулся на спинку кресла. Рабочий темп был сбит. Все наши знали, что если дверь ко мне в кабинет закрыта, то входить можно только в крайнем случае. А поскольку я всегда работал один, то и крайняя нужда в появлении в моём личном пространстве не возникала. Если же дверь была распахнута, у меня собирались для праздных разговоров все, кто мог позволить себе небольшой перерыв. Алеся этого правила ещё не знала, к тому же она была принята моим партнёром, а значит, имела право нарушать неписанные мною же законы.

Алеся. Откинувшись на спинку кресла, я закрыл глаза и представил девушку. Ничего особенного. На улице я бы не обратил на неё никакого внимания. В ней не было ничего бросающего. Макияж? А вообще она им пользуется? Я не обратил внимания и не мог ответить себе, были ли накрашены её губы, подведены брови и ресницы. Если это и было сделано, то настолько осторожно, что не бросалось в глаза. Ах да, глаза! Глаза были особенными. Они мне казались такими скорее всего лишь потому, что раньше я или не видел девушек с такими ярко-голубыми глазами или просто не обращал на них внимания. Наверное, не попадались, потому что обязательно бы запомнил, решил я. Волосы. Каштановые или русые? Не чёрные, это точно. Лицо. Ни единой запоминающейся детали. Всё правильно, всё на месте. Нос, кажется, с небольшой горбинкой... Или нет, горбинка обычно у натуральных брюнеток, в чьих жилах несомненно есть кровь горцев или турок. Губы... Чёрт! Я не мог вспомнить лицо девушки, которую только что видел. Да, совсем заработался.

Я набрал записанный на стикер номер её мобильного:

– Привет, Леся, это Антон. Пообедала?

– Я Вас слушаю, Антон Иванович.

– Если пообедала, зайди, пожалуйста.

Она пришла через несколько минут. Снова постучала в дверь, но я не стал делать замечание.

– Повтори, пожалуйста, что ты говорила про усложнение?

– Понимаете, Антон Иванович, этот проект очень похож на тему моей дипломной работы, поэтому я врубилась сразу же, и мне показалось, что вот тут Вы напрасно усложняете.

– Хорошо, согласен. Что ты предлагаешь?

– Можно?

– Я для того тебя и пригласил.

За несколько минут девушка рассказала о своём видении этой части проекта и предложила действительно толковое решение. Более простое и потому более дешёвое, что приносило нашему бюро хорошую выгоду.

– А ты действительно молодец! – снова похвалил я. – Не зря шеф сказал, что талант.

– Он так и сказал? – удивилась девушка.

– Именно так, – подтвердил я. – Сказал, что есть у него на примете один талант. Я думал, речь идёт о парне.

– А если бы знали, что в помощники наймут девушку. Отказались бы?

– Почему же? Ты же видишь, сколько у нас девушек работает.

– Почему-то часто работодатели предпочитают парней.

– Думаю, потому что парни в декретный отпуск не уходят.

– Антон Иванович, у Вас всё? Я могу идти?

– Нет, уж коли ты меня с рабочего ритма сбила, то давай сделаем перерыв. Ты, кажется, собиралась приготовить мне кофе? – я улыбнулся и показал в сторону шкафа, где на полке стояла кофе-машина.

Алеся прошла к шкафу, остановилась и начала разглядывать кофе-машину, а я стал разглядывать её. Мне больше нравились женщины с крутыми бёдрами и тонкой талией, с высокой грудью. Эта под мой эталон не подходила, была хоть и стройна, но худощава, под широкой блузкой едва угадывалась грудь. Алеся обернулась и, кажется, перехватила мой взгляд.

– Извините, Антон Иванович, я с такой машиной дела не имела.

Я вышел из-за стола, встал рядом, прижавшись бедром, девушка тут же отодвинулась. Я показал, как засыпать кофе, как добавлять воду, какая кнопка для чего предназначена, включил режим одновременного наполнения двух чашек.

Мы сели в кресла у чайного столика, и я во время разговора внимательно разглядывал лицо девушки, стараясь запомнить мельчайшие детали, типа еле заметной родинки на верхней губе.

Алеся сходила помыть чашки, поставила их на поднос рядом с другими и, спросив, что ещё нужно, ушла к себе, а я опять откинулся в кресле, закрыл глаза и теперь уже явственно представил себе фигуру и лицо новой сотрудницы. В ней было что-то притягательное, и потому я, кажется, созрел для очередной любовной интрижки.

У женщины чутьё лучше звериного. Зря мы не хотим соглашаться, что по сравнению с женщинами мы, мужчины, создания примитивные. Откроют ли когда учёные те органы чувств, которые есть у женщин, и которые позволяют им распознать появление в ареале своего обитания другой самки задолго до реального нарушения ею границ дозволенного, не знаю. Знаю лишь, что моя жена возможное появление потенциальной соперницы почувяла в тот же день. Почувяла, но, как это было и прежде, никоим образом не подала вида, что и подобает умной женщине.

Я ещё только разглядывал свою новую сотрудницу, не помышляя о романе, даже не рисуя в своих фантазиях попытки приласкать, поцеловать, а жена уже знала, что кто-то может посягнуть на её собственность, то есть на меня. Теперь, задним числом, я думаю, может быть, Алеся в первый же день вообразила что-то этакое, и эта её фантазия, улетучившись в дебри единого космического информационного пространства, каким-то образом вернулась на землю и была выловлена из эфира мозгом моей жены. Не знаю, но допускаю, что именно так оно и произошло, потому что много времени спустя Алеся призналась, что влюбилась в меня с первого взгляда.

* * *

Я любил их обеих. Любил по-настоящему, хотя по-разному. Скажете, это невозможно? Я раньше тоже так думал. Может быть, сравнение получится некорректное, но представьте себе, что у вас две машины: одна гоночная, изящная, манёвренная, удобная, до отказа напичкана электроникой, которая вам и подскажет, и поможет. И другая – внедорожник. Такая рабочая машина, на которой хоть куда, хоть в лес, хоть на дачу, хоть перевезти что – вместительная и удобная. Вот и у меня: на работе всё замечательно с Алесей, которая просто угадывала мои желания и понимала меня с полуслова, а дома всё прекрасно с женой и дочурками. Правда, времени на них у меня всегда было мало. Часто по выходным я доделывал то, что не успел выполнить на работе, отвлекаясь на разного рода мелочи.

С появлением Леси у меня стало больше свободного времени, которое, к огромному удовольствию семьи, проводил дома. Мы стали часто уезжать по пятницам в понравившийся всем пригородный санаторий с массой развлечений для детей, прекрасным сосновым бором, по аллеям которого неспешно гуляли, любуясь местными красотами с живописным озером с большим количеством не боящихся никого уток и причудливыми изгибами вытекающей из него прозрачной речкой. Эти прогулки приносили умиротворение, которого так не хватает в суете жизни с вечными проблемами нехватки свободного времени.

На работе мне тоже больше не приходилось раздражаться из-за отнимающих массу рабочего времени мелочей. Я мог спокойно заниматься серьёзными вещами, со спокойной совестью переложив нудную работу на безропотную Лесю. Я даже сам заметил, что стал намного спокойнее, дружелюбнее, приветливее, всё чаще и чаще оставляя распахнутой дверь в свой кабинет, чем охотно пользовались коллеги, забегая на чашку кофе.

Я на подсознательном уровне понимал, что такая идиллия не может продолжаться вечно. Да, мне было очень удобно иметь понимающую с полуслова помощницу, которая нередко подсказывала то, что я почему-то не замечал. Мне было удобно ездить с ней в командировки, где она брала на себя решение всех организационных вопросов, устраивала наш быт, опекала меня, не давая ошибиться в дозе принимаемого на фуршетах спиртного, была удивительно нежна в постели.

Леся была из тех немногих женщин, которые могут всецело посвятить себя своему избраннику, ничего не желая взамен. Они живут своей неприятельной любовью, видя в этой самоотверженности смысл жизни. Леся же при этом ещё поразительным образом умела быть не только подругой, нянькой, любовницей, но и находить время, силы, возможности для творческой самореализации. Как ей это удавалось, оставалось для меня загадкой. Так же, как всё, что не было связано с её работой.

За всё время нашей связи она ни разу не пригласила меня к себе домой и деликатно отвергала мои попытки напроситься в гости. О своей личной жизни она никогда ничего не рассказывала. Я пытался отыскать о ней хоть какую-нибудь информацию в социальных сетях, но не нашёл ни единой фотографии, ни строчки из её биографии. Она оставалась тайной. Да я и не настаивал на её раскрытии.

Но однажды всё рухнуло. Мы практически закончили очередной интересный проект, оставались лишь мелкие формальности по оформлению, последние штрихи, когда Алеся в самом конце рабочего дня зашла ко мне в кабинет, положила на стол недостающие бумаги, посмотрела мне в глаза и тихо сказала:

– Спасибо, Антон Иванович! Мне было очень хорошо с Вами работать.

Алеся даже в постели никогда не называла меня на ты и всегда только по имени-отчеству.

– Что случилось? – встрепенулся я.

– Мы закончили это проект. Я увольняюсь. И, пожалуйста, не ищите меня, я уезжаю из этого города.

Она быстро наклонилась, поцеловала меня в щёку, смахнула выступившие на глазах слёзы и бегом выскочила из кабинета.

Наутро она действительно на работе не появилась. На мой вопрос шеф отвёл взгляд в сторону:

– Антон, ты извини, Алеся написала заявление по собственному по окончании работы над проектом.

– Но ты хоть знаешь, куда она ушла?

– Я думал, ты знаешь. Это ведь она твоим помощником два года была. Поговаривали даже, что у тебя вроде как роман с ней. Мне тоже очень жаль терять такого сотрудника, но поверь, я ничего не знаю. Может, у вас с ней какой конфликт вышел?

– Нет. Всё было отлично! Вчера она только сказала, что уезжает.

– Спроси в кадрах, может, они что скажут.

Кадровичка ничего, кроме номера мобильного телефона и домашнего адреса, сказать не могла. Телефон Алеси молчал. Точнее, компьютер надоедливо выдавал одну и ту же фразу, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети. После обеда я сел в машину и поехал к Алесе домой.

Дверь никто не открывал. Я до вечера просидел в кафе соседнего дома, снова поднялся на нужный этаж. На этот раз дверь открыл молодой человек.

– Мне бы увидеть Алесю.

– А это кто? – неподдельно удивился парень.

– Девушка, которая здесь живёт. Я её коллега по работе.

– Извините, я сегодня снял эту квартиру, и никакой Алеси здесь нет.

– Алеси, – поправил я.

– Всё равно нет, – сказал парень. – Извините, мне надо вещи разбирать.

В этот вечер я закрылся дома в своём кабинете и напился до безобразия. Жена несколько раз участливо заглядывала в комнату, но, видя моё состояние, молча удалялась.

На работу я уехал на такси и потому к вечеру, благо не надо было садиться за руль, снова напился. Но алкоголь не успокаивал, наоборот, усугублял состояние неизбывной тоски. Вывести из этого состояния могла только работа. И тут как раз вовремя подвернулся очень интересный проект.

Два дня я никак не мог вникнуть в суть задания, потому что не получилось сосредоточиться на работе. Все мои мысли о работе неотступно

преследовала одна и та же: почему Алеся вдруг так неожиданно всё бросила и куда-то исчезла. Мои попытки найти хоть какую-нибудь ниточку, ведущую к ней, оставались безрезультатными. Будь я знаком с её подругами или бывшими коллегами, с кем-то из родных, может, мои поиски рано или поздно и увенчались бы успехом, но я же за два года наших отношений так ничего о ней и не узнал, она не познакомила меня ни с кем из своих близких. Я даже не знал, в каком городе они живут и вообще есть ли кто у неё на этом свете, с кем она может общаться.

Но постепенно работа увлекла, пара ничего не значащих интрижек в командировках несколько отвлекли от проблем разрыва, но забыть свою Алесю я так и не смог. Мне не хватало её с полуслова понятых идей, её умения брать на себя мелочи работы, утешать меня в поездках своей нежностью, в которой я утопал, будто в тёплом море.

Боль утраты не уходила, она просто затаилась где-то в глубинах моего сердца и на задворках разума.

Но мир тесен, и мы не могли не встретиться рано или поздно.

Раньше во время командировок в крупные города Алеся обязательно заранее покупала нам билеты в театр или на концерты музыки, когда мы уезжали на две-три недели, по выходным в прямом смысле таскала меня на разные выставки, пытаюсь сделать из меня гармонично развитую личность, к чему я совсем не тяготел, целиком погружённый в любимую работу.

Через два года судьба забросила меня в Пермь, и в первый же вечер, генеральный директор фирмы-партнёра, страстный любитель джазовой музыки, почти силком потащил меня на концерт какой-то американской джазовой знаменитости. До начала концерта он вместе со своей женой пытался развлекать меня рассказами о культурной жизни города, спрашивал, куда хотелось бы сходить, какие мероприятия посетить. Я любезно слушал их, кивал головой, соглашался на любые предложения, лишь бы не оставаться вечерами одному в роскошном номере хорошей гостиницы, куда после концерта генерал завёз меня на служебной машине, ждавшей нас у выхода из концертного зала.

Я принял душ и уже почти оделся, чтобы спуститься в бар выпить на ночь чашку кофе с коньяком, как раздался стук в дверь.

Открыл ручку и остолбенел.

– Вам помощница не нужна?

– Леся!.. – выдохнул я.

Она бросилась мне на шею и расплакалась. Я молча обнимал её, и по моим щекам тоже текли слёзы.

...Потом мы лежали, тесно прижавшись друг к другу.

– Как ты меня нашла?

– Сегодня шеф вызвал и сказал, что завтра с утра я работаю с Вами. А потом увидела вас на концерте. А дальше не было никаких проблем, потому что знаю, куда любит селить ВИП-гостей наш генеральный... Антон Иванович, Вы простите, но я за эти два года поняла, что не смогу жить без Вас. Я дура, да? Понимаю, что дура, но не могу...

ПОЭЗИЯ

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Звёзды над крышей

Жаль, что нельзя подняться выше
В малоэтажном городке,
И мы сидим на тёплой крыше,
А я держу бинокль в руке.

В него глядим поочерёдно
На ярко-жёлтую луну.
Свежо. И дышится свободно,
И не склоняет ночь ко сну.

Потом, откинувшись на спины
И в небо взгляды устремив,
Мы погружаемся в пучины,
К далёким звёздам воспарив.

Мы ничего вокруг не слышим,
Летим, не чуя рук и ног.
А вниз, шурша, скользит по крыше
Отцовский старенький бинокль.

Ночами часто красовались
Над крышей звёзды и луна.
Промчалось лето. Мы расстались,
Испив свой звёздный ковш до дна.

Идут года, бывшее тает.
Давно то время истекло.
О нём теперь напоминает
Бинокль, утративший стекло.

Ноябрьский вечер

Застыли у причалов корабли,
Их звёздный час не скоро повторится.
Луна над тёмным лесом золотится –
Ей никуда не деться от Земли.

Шёл снег сегодня утром, а теперь
Царит такая ясная погода!
Как будто отворилась в космос дверь,
И лик Вселенной смотрит с небосвода.

А сверху виден тёмный лёд Оби
И белоснежный полог редколесья.
Средь этих далей, сколько ни зови,
Ответит только эхо в поднебесье.

Осенняя грусть

Не ходи ты за мной по болотам,
Неотступная тихая грусть.
Мне б – на родину, нынче тепло там.
Здесь же завтра мороз – ну и пусть!

Ведь судьбы своей не выбирают.
Я, как все, в этой жизни лишь гость.
Наклоняясь к земле, набираю
Кислой клюквы рубиновой горсть.

Обхожу порыжевшие кочки,
Под ногами сочится вода.
Словно ямба короткие строчки,
Пролетели в Приобье года.

Пронеслись, промелькнули: да что там!..
Всё, что прожито, было не зря.
Что ж ты бродишь за мной по болотам,
Золотая тоска сентября!

Граница

...А города из детства больше нет.
Он и ночами в чёрном цвете снится.
Из окон в сумерках не льётся яркий свет,
Лишь пепел на сухом ветру кружится.

Дворы пустеют. Кто сумел, бежит.
Сидеть в подвалах вечно невозможно.
Теперь спокойно дня нельзя прожить –
Ведь даже если тихо, то тревожно.

Разбитый дом. Разрушенный базар.
На фоне солнца абрисы развалин.
А где недавно буйствовал пожар,
На светлых стенах – живопись опалин.

Те, что остались, время торопя,
Надеются: былое возвратится.
Но пролегла по судьбам и степям
Невидимая страшная граница.

Половодье

Холодною весной седьмого года
Сходили долго вешние снега.
Куражилась капризная погода,
И реки заливали берега.

В воде стояли сосны и берёзы,
Гнал ветер по Югану буруны.
А ночью доходило до морозов,
Никто не помнил здесь такой весны.

Вставало тяжко пасмурное утро,
Речная гладь светлела впереди,
И видел я затопленные юрты,
Там катер меж лабазов проходил.

У самых волн внезапно обрываясь,
От берега в тайгу вела тропа.
Сплошным потоком
с неба низвергаясь,
В ветвях шуршала снежная крупа.

А в глубине промокнувшего леса
Нашла приют хантыйская семья,
Стоял шалаш и печка под навесом,
Вокруг белела влажная земля.

Не стало зверя, щука не ловилась –
Какая ловля в дни такой воды?
И под навесом тускло серебрилось
Три окунька на дне сковороды.

Хозяин был невесел, но спокоен,
Нечасто он привык
гостей встречать,
Смутившись, что визита удостоен,
Стал на вопрос приезжих отвечать:

«У нас сейчас не всё,
конечно, гладко,
Но, если честно, – некогда тужить...
Что, привезли солдатскую палатку?
Спасибо.
Это кстати.
Можно жить!»

Редели тучи, в речке отражаясь,
Гостей хозяин к судну проводил
И, речь о наболевшем продолжая,
Он по-житейски просто рассудил:

«Не выбирать нам лучшую погоду,
Какая есть – такую принимай!
А все невзгоды скоро канут в воду».
Была весна.
Кончался месяц май.

Промозглый день
сменял холодный вечер.
Флаг над кормою ветер теребил,
Катились волны чёрные навстречу,
И катер в серый сумрак уходил.

Четырнадцатый

Слышатся грохот и гул в небесах что ни день,
Птицы молчат, не слышны колокольные звоны.
Кажется, в этом краю поселились драконы,
Те, что сжигают и степь, и дома деревень.

Странно, что солнце по-прежнему утром встаёт,
Смотрит на травы, слегка закопчённые дымом.
Многим теперь не живётся в селенье родимом,
И по ночам под гармонь здесь никто не поёт.

ПРОЗА

Сарра-Мария ГРАНИК

ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ «АДАР»*

Мясо по-корейски

- Вот вы говорите о собаках...
- Даже и не думала!
- И всё же... Вы говорите о собаках...
- Уверяю вас, вы заблуждаетесь!
- Извините, это мой муж, я сейчас его заберу. Ну что же ты! Опять? Вы его не бойтесь, он спокойный...
- Вот, я тут слышал, вы писатель...
- Поверьте, это преувеличение.
- Не сознаётесь, значит? А что так? Плохо пишете?
- Прекрати, слышишь! Прекрати сейчас же! Извините, бога ради!
- Не волнуйтесь, я не обижаюсь.
- Так вот, о собаках я могу вам сказать следующее...

Он поведал мне трогательную историю о своём друге, который спас собаку от гибели, украв её у законных хозяев. Эта замечательная история бесконечно тронула присутствующих. Там было все, что полагается в таких случаях: голод и издевательства; незаконное вторжение в чужой двор; страх погони; ночёвка в парке в ожидании первого утреннего поезда; беспокойное собачье сердце, бьющее в тощие рёбра, и, наконец, любящие объятья, способные согреть и утешить. Это была действительно прекрасная история.

Возможно, я привела бы её здесь во всех подробностях, если бы за этим же столом не услышала другую.

– Поскольку мы уже начали о собаках, у меня тоже есть история, за которую мне стыдно до сих пор. И, если вы ещё не устали слушать, я, пожалуй, расскажу её, – сказала женщина, весь вечер сидевшая рядом со мной.

Мы так и не успели с ней познакомиться, хотя я несколько раз просила передать мне то хлеб, то салат, то столовый нож и получала желаемое. Такие немые соседства случаются, когда двое заведомо неинтересны друг другу. Иногда это совершенно ложное ощущение. Мне довелось наглядно убедиться в этом, слушая её историю, ибо рассказчик она была превосходный.

– Мы с моим теперь уже бывшим мужем сняли квартиру в приличном районе. Мы были рады выбраться из нищеты и прежней квартиры, вся обстановка которой состояла из продавленного дивана, матраса на полу, холодильника и стола. Прямо за нашим домом уходил вверх склон горы с густым кустарником и деревьями, чьи корни сползали вниз. Задняя дверь квартиры и окна кухни выходили туда. Вечерами там пахло прелой листвой и хвоей, и за это можно было смириться с тем, что в кухне от застоявшейся солнце горы всегда темно. Кто наши соседи, мы не знали. Было немного странно, что их задняя дверь постоянно заперта, хотя довольно часто я видела их бельё на верёвках, протянутых от окна кухни до дерева, растущего на склоне. Я никак не могла поймать тот момент, когда они его развешивали и когда снимали. Они ни разу нас не беспокоили шумом или

*Адар – район города Хайфа (Израиль), отличающийся полиэтничностью населения.

жалобами на шум, доносившийся из нашей квартиры. Они были в своём роде уникальными соседями, и если бы не бельё, я бы усомнилась, существуют ли они вообще.

Вот только однажды утром я увидела в окно двух собак. Они носились по склону между деревьями, валялись в траве и путались в кустах. Это были два щенка-подростка породы хаски, довольно худые и без ошейников.

Потом кусты раздвинулись, и оттуда со стороны склона вышла корейнка. Она шла неуверенно, постоянно озиралась. Потом подняла что-то с земли и бросила в сторону двери наших соседей. Собаки тут же устремились туда.

Я вышла на улицу узнать, что эта странная женщина делает за нашим домом, но ни её, ни собак уже не было. Утром следующего дня я увидела их снова. На этот раз собаки забрались высоко наверх. Я слышала хруст ломаемых веток, а потом мне удалось рассмотреть и их самих, мелькавших среди деревьев. Сейчас я выбежала очень быстро. Я стала подниматься вверх, цепляясь за корни и кустарник. Но они убежали. Мне опять пришлось вернуться ни с чем; руки саднило, в пальцах застряли колючки, и я совершенно выбилась из сил. Спустя два дня все повторилось сначала. Мне казалось, эти собаки с каждым разом забираются все выше, чтобы измотать меня вконец.

Мой муж говорил, что я спятила и этих собак не существует. Я ждала. Я стала плохо спать и караулить окно кухни. Я должна была увидеть их ещё раз. Это превратилось в навязчивую идею. Но собак всё не было. Прошло ещё несколько дней, я начинала верить, что это был бред. Другого объяснения у меня не находилось.

В то утро неожиданно потеплело, мы пили кофе за домом и любовались деревьями, которые ещё гуще разрослись от зимних дождей. Открылась дверь соседей, оттуда выбежали две собаки породы хаски. Они устремились вверх по склону. Затем вышла та самая корейнка с большой корзиной из прутьев и, что-то пробормотав в нашу сторону, стала развешивать бельё. Сразу запахло свежей стиркой и специями.

– Это она! Это они! Теперь-то ты видишь! – заорала я, тыча в неё пальцем.

– Действительно, твои собаки существуют, и ты не сумасшедшая. Но зачем же так орать?!

Корейнка при виде меня испугалась и, не закончив развешивать бельё, быстро вошла в дом.

– Ты видел этих собак? Они плохо выглядят! Я вижу! И почему мы их не слышим?! Они же собаки! Они должны лаять!

– Что ты прикажешь делать?

Я начала стучать в соседскую дверь. Она не могла меня не слышать, я стучала довольно громко. Она затаилась где-то в квартире, но ни на мой стук, ни на мои крики мне никто не открыл.

– Ты с ума сошла! Она вызовет полицию!

– Я сейчас вызову её сама, вот тогда и посмотрим!

– И что ты скажешь?

В самом деле, что я могла сказать? Собаки убежали. Если эта мерзкая корейнка не открыла мне, то не откроет и полиции, а ломать дверь они не имеют права. Да и на каком основании?

– Я буду ждать собак! Собаки вернуться, а я буду ждать! Вот прямо тут!

Так я просидела весь день и весь вечер. К ночи похолодало. Я наде-
ла куртку, обернулась пледом и бродила, точно часовой, от своей двери

до соседской. Я старалась как можно чаще мелькать в окне её кухни, чтобы она меня видела и поняла: просто так я этого не оставлю. Но в их окнах не было света. И в самой квартире свет в этот вечер так и не зажгли. Возможно, она сбежала через парадную дверь и отсиживалась сейчас у знакомых. Но какая-то надежда на то, что она может в страхе и темноте сидеть на полу кухни и наблюдать мою голову, обёрнутую в плед, всё же была. От этого я испытывала тайное злорадство.

– Зайди в дом! Ты странно выглядишь! – кричал в окно мой муж.

– Иди к чёрту!

– Собаки, похоже, убежали и больше не вернуться. Давай ляжем спать!

Ночью у меня поднялась температура. Я встала попить воды и долго вглядывалась в склон. Я была уверена, что собаки где-то там, они пришли. Надо их только позвать, и они прибегут.

Прошёл ещё день. Теперь я караулила ещё и свет в окне соседей, но ни света, ни собак не было. Мерзкая корейка не показывалась тоже. Белье, что она успела развесить, давно высохло. Теперь оно выцветало от солнца и пылилось, его никто не снимал.

Вечером, придя с работы, я почувствовала запах мяса. Запах шёл от соседей. Я взяла хозяйский железный лом, что валялся у нас на антресолях. Я пошла к ним. Задняя дверь на этот раз была распахнута. Запах мяса, которое жарилось внутри квартиры, шёл на улицу. Я вошла в раскрытую дверь и встала на пороге соседской кухни, пряча за спиной лом.

– Сукины дети! Сейчас приедет полиция! – завизжала я, замахиваясь ломом.

Лысый мужчина, стоящий у плиты, вздрогнул от неожиданности и обернулся на мой голос. Тотчас из комнаты выбежала знакомая мне корейка. Она пронзительно закричала, как птица, которой прострелили шею, и бросилась к мужчине. Он вжался в плиту, загорая мясо. Нас разделял только обеденный стол.

Корейка схватила нож. Она закричала по-английски. Кричала она тоже как-то по-птичь и так быстро, что я не понимала ни слова.

– Что? Что тебе нужно?! Что ты хочешь?! Зачем ты тут?! – растерянно говорил мужчина на иврите, он ничего не понимал.

– Где твои собаки? Собаки! Где они? Что это у тебя?! Что у тебя там? Это они? Я буду тебя убивать!

Внезапно кто-то настиг меня сзади, пытаюсь вырвать лом. От неожиданности я споткнулась обо что-то и упала, выпустив его из рук. Сзади стоял мой муж.

– Что вам надо? Я звоню в полицию! – уже в голос закричал мужчина.

– Не надо, я очень прошу вас! – говорил мой муж, и я слышала, как дрожит его голос.

– Зачем вы на меня напали?! Что вы хотите? У нас ничего нет!

– Моя жена думает, вы истязаете ваших собак. Это так?

– Вы сумасшедшие! Вы совсем сумасшедшие! Вы душевнобольные! Зачем я буду это делать?!

– Где собаки?! Говори, где твои собаки?! – закричала я.

– Они тут, они дома. Вы испугали мою жену! Она сейчас сказала, вы ей угрожали! Вы ломали мою дверь! Ей пришлось ночевать у подружки! Вы считаете, это нормально?!

– И поэтому эта корейка зажарила своих собак?!

– Она филиппинка! Она не знает иврита! Она всего боится! Меня не было в городе, а вы травили её два дня?!

– Покажите, пожалуйста, собак. Если они дома, почему они не лают? Ведь, согласитесь, это странно. Почему бы им не лаять дома, как другим собакам? – спросил мой муж, всё ещё плохо владея голосом.

– Это редкие хаски, они немые. Они не лают никогда. Выпусти!

Его жена, которую я приняла за кореянку, пошла вглубь квартиры и открыла дверь в дальнюю комнату. Оттуда выбежали собаки. Сейчас они уже не казались такими худыми.

– Простите, я не знаю... – сказала я. – Простите...

Я села на их пороге и зарыдала. Я не могла остановиться, так я не плакала ещё никогда. Филиппинка принесла мне воды.

Мы съехали на следующий день.

– Люди! Дима хочет сказать о собаках! Вы, там, с шашлыками! Да, это я вам говорю, любезные дамы! Бросайте ваши шашлыки, наливайте, и будем слушать о собаках.

– Что вы смеётесь?! Не видите, человек пьян? Я как его жена хочу сказать...

– Жена моя, иди сюда! Я тебя поцелую и расскажу о собаках!

– Дима, умоляю тебя, закуси вон помидоркой! Тебе питу хумусом намазать? Огурчик туда, а? Некрасиво, Дима, смеются же!

– Пусть смеются, и я смеюсь вместе со всеми.

– Пусть Дима говорит!

– Да, пусть говорит!

Ноев ковчег

Распахивается дверь, звенит дверной колокольчик.

– А вот и ты! Наконец-то! Садись, садись... Устала, наверное. Ты заходи, я сейчас кофе сварю. Когда ты позвонила, я была занята, не успела сориентироваться... Старая голова, все забываю. Не обиделась? Ну слава Богу, а то я переживала!

Она начинает бегать и суетиться.

– На кресло, на кресло садись, там гораздо удобнее! Я не могла принять тебя раньше, у меня была эта чокнутая старуха и капитан.

Я помню эту старуху, дряхлую деву в кружевной шляпке с белым пером и лёгкой степенью безумия под париком и кружевами.

– Мой капитан приехал! Их корабль вчера вошёл в порт, а сегодня он уже у меня! Ничего его не берет! Мы знакомы уже... Нет, не помню... Много-много лет, в общем. Смотри, привёз мне чашки. Угодник для дам! Опять весь зарос! Полгода в море, разве это шутки?

В комнату сквозь стекло двери проникает солнце. Невозможно поверить, что там гомон и оживление: снуют прохожие, дудят автомобильные сигналы, звенят в звонки велосипедисты, орут продавцы и дети, бренчит в карманах мелочь. Вся улица, точно булка, съезжает вниз.

Тень скрывает угол буфетной. Она лезет в сервант и достаёт чашки, что привёз капитан. Чашки тёмной синевы с золотыми павлинами. Позолоченный кофейник фонтанирует паром на плите. Пахнет корицей, и молоком, и влажной плесенью из серванта.

– Я сделаю тебе ванну с лавандой. У тебя бледный вид, надо замочить ноги. Это помогает от всего.

Она приносит таз, сбрызнутый лавандовой водой, льёт туда кипяток.

– Забыла! Есть сыр! От капитана. Но пахнет ногами. Просто ужас, а не сыр! Я его взяла, потому что он был в коробке и не вонял.

Я вижу этот сыр, он похож на рыхлого осьминога и действительно пахнет ногами. Сыр лежит на тарелке и выделяет жижу. Я отказываюсь.

Потом мы молча пьём кофе. Мои ноги плавают в тазу, я чувствую, что хочу спать. Шуршит вентилятор, шепчет радио. У неё великолепный кофе, от которого хочется спать. Я закрываю глаза ровно на минуту.

– ...И тут я ему говорю: «Капитан, это вам не шутки шутить. Вручите мне ваши ноги, капитан! Уж я непременно знаю, что нужно делать». А он мне: «Фаина, вы любовь моей жизни!» Остряк какой! Знаем мы этих капитанов, в каждом порту женщина!..

Она убаюкивает меня, как радио.

– Да... Я рассказывала тебе об этих сумасшедших? Все кругом спятили! Моя психолог говорит, что лечить надо всех, но не все хотят. Вот, например, есть у нас в группе один пациент, совсем не может злиться. Хотя жизнь у него собачья, и жена настоящая мегера. Сначала изобьёт его, а потом в полицию жалуется. Её бы треснуть чем-то по голове. При разводе он уйдёт голым и босым... Голым и босым! Он так не может. Постоянно говорит: «Я такой растрёпанный внутри! Я такой растрёпанный!» Лечится уже два года, пока не очень помогает, это сложный случай и даже запущенный. А недавно пришёл на сеанс и светился, как архангел. Рассказывает, мегера сбегла с полюбовником, вынесла полквартиры вещей. Но кого интересуют вещи?! Он уже и замки поменял, чтоб не вернулась. Теперь у него новая беда: не может спать по ночам. Ему кажется, полюбовник её бросит. Она отчаянная, может и дверь выбить, и вещи назад занести. Мы там все семья, как дальние родственники, которые встретились на похоронах. Нет, неудачное сравнение... Скажи, а ты руки кремом мажешь? По тебе незаметно, как черепаха. Сухие какие руки! Что ты ими делаешь? Я давала тебе крем, помнишь? Сейчас положим на руки крем, а руки положим в полотенце. Вот перчатки. Нет, ты сиди на месте и руки из полотенца не вынимай!

Руки мои в креме и в полотенце, они там парятся сами собою и перестают быть сухими. Меньше всего сейчас хочется вставать. Я открываю один глаз.

Она маленькая и перемещается очень быстро, как белка. А на ногах у неё скорлупки. Я слушаю вполслуха. Она бормочет, вздыхает и парит над комнатой.

– Я не говорю, что я нормальная, но я хожу на сеансы, потому что у меня фобия высоты. Я не растрёпанная, просто вниз не могу смотреть. Знаешь, это после войны.

Муж бросил её. Её тяга к нему была непреодолима, как фобия. У него были усики, манеры и оригинальные взгляды, а у неё – дети. Фаина гонялась за мужем, пока была в силах. Моталась на поездах и автобусах, ждала в приёмных, пряча ладони под сумкой. Дальше приёмных её не пускали. Потом это ей до смерти надоело, и господь вернул ей разум. Зато забрал ноги. Ноги отказывали, когда глаза видели пустоту.

Это выяснилось не сразу.

Её сын служил на границе и каждый день махал ей оттуда рукой. Он стоял на вышке и махал, чтоб она могла его видеть. Окна их квартиры выходили прямо туда, на море, порт, поселковые огни и границу. Она видела эту вышку или какую-то другую.

И махала ей рукой. Кто-то на вышке махал ей в ответ. Трудно разобрать, сама вышка казалась чем-то вроде швейной иголки, воткнутой в мягкий хребет.

Это был он, Фаина была в этом совершенно уверена. Она спрашивала: «Ты машешь?»

– Я машу тебе, машу! Ты видишь?

– Конечно вижу! Но ты всё равно маши лучше! Я сейчас высунусь, связь будет плохая.

И высовывалась в окно, чтобы лучше видеть вышку и того, кто машет.

Потом случилась война. Воздух выл, как труба плохого оркестра, стояла сирена. Кто-то бежал, кто-то падал, кто-то стоял на месте.

Она распахивала окно настежь и махала вышке. Звенели стёкла, звенел хрусталь в серванте. Что-то хвостатое, похожее на комету, светило в ночи и гудело, теряя хвост. Она смотрела на вышку, и махала, и не могла уйти. Потом вдруг ей показалось, что на вышке кто-то упал. Тогда она села на свои онемевшие ноги. Пол стал проседать, как топь.

– Я машу тебе, машу! – кричала она. – Я машу!

– ...Нет, никто не выживет. Никто! Но жить надо. Хочу купить домашнюю сушилку. Знаешь, мой сын женился и съехал. Я теперь не могу повесить бельё. Как смотрю вниз, так сразу сажусь. Эта фобия меня доконает. Капитан говорит: «Фаина, не смотри вниз. Зачем ты смотришь?» Можно подумать, я хочу туда смотреть! Смотрю себе и всё! Мне начинает казаться, что мы все куда-то плывём. А на самом деле плывут только мои ноги. Поэтому, пока мы совсем не приплыли, я сажусь. Тут ничего не поделаешь.

Я вынимаю руки из полотенца и вытираю их салфетками. Фаина уносит таз. Когда она наклоняется, мне становятся видны отёки на её лице. Как у людей, страдающих сердцем, желудком и головными болями.

Но она страдает ногами и ничем другим.

– Сто двадцать шекелей, как всегда, – кричит она, выливая остывшую лаванду.

Я лезу в сумку за кошельком.

Дверь распахивается, колокольчик звенит.

Барабанщик и белая негритянка

«И проснулся Шломо, и вот...»

Нэвиим (Пророки), книга четвёртая:

«Мелахим 1», глава 3 (15)

Барабан он носил на шее. Шея была тощая, как у курёнка, и в гусяной коже. Звали его Шломо. Он нервно сглатывал, кость в его горле уходила вниз, но там, как видно, проход был узок, и она тотчас лезла обратно вверх. И так постоянно. Он был высок и неподвижен, как телеграфный столб на ветру. И так же гудел в ритм своему несуществующему барабану. Руки дрожали.

У некоторых припадочных есть воображаемые друзья, у Шломо был воображаемый барабан с кожаной лентой, от которой саднило его вполне реальную шею.

А ещё он любил автобусы. Он провожал их, как поезда.

Когда автобус распахивал двери, Шломо поднимался со скамьи и делал в его сторону несколько решительных шагов, смешиваясь с другими пассажирами, что садились на его остановке. Затем его решимость иссякала. Он останавливался. Расстояние, отделявшее его от входивших в автобус, увеличивалось с каждым покупавшим билет. Наконец последний из замешкавшихся отрывал от асфальта ногу и впрыгивал внутрь. Автобус стремительно захлопывал дверь и медленно начинал восхождение.

Автобусы шли только вверх, поэтому удивлённые пассажиры довольно долго могли наблюдать вытянутую вперёд фигуру.

Так и вижу эту картину. Восходящий к Бахайским воротам автобус и длинный Шломо. Одна рука выпрямлена у виска, другая колотится у впадного живота. Застарелый запах кошачьей мочи подымается от тротуара. И день начинается.

Итак, Шломо обожал автобусы, в них ему нравилось все, начиная от просторных, чуть затемнённых окон с удивлёнными лицами в них, заканчивая водителем в отутюженной голубой рубашке и очках на широком носу. Водителей он одновременно и боготворил, и боялся. Ровно такие же чувства, я думаю, вызывала в нём его возлюбленная.

Шломо был влюблён давно и окончательно. Предметом своих воздыханий он избрал белую негритянку, особу низкорослую и пышнозадую. Она появлялась у перехода ровно в шесть двадцать шесть утра.

Собственно, она была не совсем белой, но была негритянкой. Широкий круглый нос, голые большие зубы из-под короткой верхней губы, реденькое афро из-под гладкого парика, мясистые колени из-под линейного платя. Расцветкой она удивительно напоминала жирафа. По её рукам, шее и лицу были разбросаны неестественно белые пятна, как медузы или тропические острова, всплывающие из океана. Зад колыхался следом подобно празднично взбитой сдобе.

Она медленно переходила дорогу, подгребая руками. Внушительная корма поворачивала в нужном направлении. Создавалось ощущение вырвливающего из водяной воронки тяжёлого корабля, который наконец взял нужный курс.

Бледный Шломо с вожделием взирал на это пятнистое африканское божество. Вздёргивал ремень и потирал шею.

Она заходила за прозрачную стену остановки и ждала. Оглушённый Шломо на какой-то миг забывал о своём барабане и таращился на неё во все глаза. Между ними неизменно была хрупкая стена, мутная от дождей и царапин.

Сквозь перегородку Шломо мог разобрать лишь очертания кругло слепленного силуэта своей возлюбленной и контуры встающих из океана тропических островов на её лице. В такие моменты он читал её, словно карту.

Подъезжал автобус. Карта исчезала со стены. Сдобный зад втягивался внутрь, заслоняя дверной проём. Этому автобусу Шломо не барабанил.

Однажды она исчезла.

Близко была зима, дождь лил и стекал по прозрачной перегородке. Шломо ёжился на скамье, прижимая к груди барабан. Ноги его промокли, вода нахлестала за шиворот, волосы прилипли ко лбу. Он продрог до костей.

К остановке причаливали автобусы, пассажиры ныряли на тротуар, разбрызгивая воду. Подбегали новые, наспех сворачивали полосатые зонты. Втягивались внутрь, мокрые и блестящие, похожие на морских котиков.

Сырой Шломо просидел на скамье больше часа, сморкаясь в растопыренные пальцы. Она не пришла.

Зато пришло новое утро. Радостно пахло сыростью, и мокрой листвой, и немного кошками. Дождя не было, но висел туман. Маячили дома, оторванные от земли, и шпиль университета протыкал опрокинутую навзничь гору. Всё казалось далёким, как подводный мир.

Шломо сел на скамью, перевесив барабан за плечо. Подошёл автобус, он был пуст. Жёлтые лампы внутри горели. Водитель мельком взглянул на Шломо и, не открывая дверей, поехал вверх.

Шломо смотрел на стекло. За ним был туман. Он пытался сложить из деревьев и тумана нужный силуэт и карту на нём, но ничего не выходило. Тропические острова отказывались всплывать на поверхность.

Так прошла неделя. Шломо с каждым днём всё больше сырел и сморкался. Вид у него был больной и простуженный. Его барабан бесполезно висел где-то в районе подмышки. Он сидел на скамье, подобрав тощие ноги, и сглатывал мокроту.

Вдруг за перегородкой ясно обозначились знакомые контуры. Подплыла и пришвартовалась корма, что-то пятнистое прижалось вплотную к стеклу. И на Шломо уставились оттуда два небольших невзрачных глаза.

От неожиданности он подавился мокротой, и его шумно вырвало.

Глаза вперились в него из-за перегородки. Они не отпускали. Дрожали чёрные точки в траурной радужке.

Подошёл автобус. Белая негритянка проплыла за стеклом и втиснулась в распахнутую дверь.

Шломо сделал несколько привычно решительных шагов вперёд и остановился. Кость в его горле скакала как бешеная.

Автобус стоял, пассажиры один за другим вскакивали на подножку.

Она медленно прошла в конец салона, отразившись всеми пятнами в каждом из окон. Влезла на сиденье.

Потом задрала платье на спину и прижалась к окну. Белья на ней не было.

Автобус впустил последнего и захлопнул двери.

Сдобный чёрный зад, стиснутый оконной рамой, медленно восходил к Бахайским воротам.

Шломо вздрогнул всем телом и побежал, скидывая на ходу барабан, как ружьё.

Сызрань

– Поеду к брату в Сызрань... Судаки – во! Встанем утром, пойдём с ведрами, и ни одной эфиопской рожи!

Шабат. Пять утра. Господи! Зачем? Зачем Сызрань?

Ещё час, и духота, смешанная с влагой, доберётся до нашей улицы. Солнце станет прожигать оконные сетки. Спать будет невыносимо. Накрываюсь с головой ещё пока прохладной простыней. А там – Сызрань.

– Да-а-а... Эх, судаки! Вот мы, помню, на нашей Волге лещей и налимов таскали. Это рыба! А тут что за рыба? Тьфу! Брезгаю я такой рыбой! Не рыба, а мальки на приманку. Дрянь, одним словом.

– Не говори, за здешнюю рыбу обидно.

– Или вот картошка. Да разве же это картошка? Это же никакого вкуса в ней нет! Разве настоящий овощ такой бывает?

– Так пустыня! Хорошо, что хоть такая растёт.

– А улицы!

– А что?

– Кривые!

Жар подступает ближе, сушит редкую росу и влечёт её вверх вместе с запахом кошачьей мочи. Котов здесь тьма, толстых и сытых, с хвостами, как у белок.

«В Сызрани тоже белки, – думаю я, – похожие на котов».

– Сызрань! Ты послушай, как звучит!

– Как?

– Благородно звучит! Сы-ы-ыз-рань!

Задумывается.

Просыпаются соседи, ставят пластинку. Удивительно, но у них есть старые пластинки с романсами, другой музыки они не признают.

Звонит посуда, её выносят на балкон. Скоро они сядут завтракать, будут смотреть на улицу с балкона и слушать свои пластинки.

Двое внизу напряжённо вслушиваются в музыку.

– Это идиш?

– Не знаю, наверно.

– Согласись, раньше было все понятно.

– А чего тебе тут непонятно?

– Ничего не понятно.

– Тогда чего уехал?

– А! – говорит он и, видимо, бросает руку вниз. – Не помню.

Пошлые тени

Опять накатила зима, а с ней прямые дожди. Чёрная плесень оставляет следы на стенах, стирать её бессмысленно, она возрождается из сырости, как феникс из пепла. Сапоги промокли насквозь, я чувствую, как в них отклеились стельки, и вода бурлит внутри при каждом шаге, ища выхода. В прогнозе буря. Для тепла я обмотала шею белкой. Некогда белка выглядела довольно эстетично, но это было очень давно.

Я звоню в дверь, и мне открывают.

– Боже мой! Ты вся вымокла! Но выглядишь элегантно!

Инка явно врёт. Сложно быть элегантной в пошлой белке, прилипшей к шее. Я тяжело сплю, много думаю и редко бываю сыта. Я боюсь не успеть, но вскочить в последний вагон уходящего поезда для меня по-прежнему унижительно. Мне почти тридцать пять лет.

У Инки Заутнер случился день рождения. В честь этого события был накрыт стол, сияла люстра, мерцали длинные свечи на буфете, и крышка пианино была призывно распахнута.

У них дома постоянно кто-то гостит, они принимают всех и всем бывают рады. Сейчас у них гостит странноватая Полина. Она не пьёт ничего, кроме кофе, который варит в Инкиной кастрюльке для яиц. Полина не сидит на месте и убегает в комнату послушать разговоры. Кофе убегает тоже, запах гари от кофейной крошки настаивает её уже в коридоре. Оказавшийся рядом Виталик, Инкин муж, привычным движением выключает плиту, сдвигает в сторону убежавший кофе. Сегодня с легкомысленными седоватыми кудрями, рассыпанными по плечам, он как никогда похож на своего пуделя Байрона.

Выходит из комнаты их сын по прозвищу Лорд Даниэль. Лицо его помято, он спал. Долго принохивается, не разлепляя глаз, просит кофе. Он бледен, с прямой спиной, длинными волосами и нервными руками. Стесняется говорить по-русски, ему трудно составить длинный связный текст без ошибок, зато понимает абсолютно всё.

– Приходи, мы сейчас садимся, – говорит ему Виталик.

В коридоре Инка доверительно берёт меня за локоть.

– Послушай, тут получился небольшой конфуз. Видишь эту пару? Так вот, они не то чтобы, но не очень лояльны к России. Ужасный режим, отсутствие демократии, идейный упадок и руины... Одним словом, они протестуют... Но я тебе обещаю, сегодня они будут молчать.

– О режиме пусть говорят всё, что вздумается. Но учти, если они будут плохо говорить о России, я им врежу мокрой белкой.

– О! Я обещаю, ни единого слова!

В комнате меня усаживают за стол рядом с ними. Она похожа на Инессу Арманд, и это почему-то особенно поражает. Он невысок и смугл. В его внешности есть что-то восточное. Если бы он не говорил по-русски так чисто, его вполне можно было бы принять за образованного араба. Больно видеть, как эти вегетарианцы и трезвенники ковыряют салат, отделяя курицу от овощей. Со мной они осторожны, и я понимаю, что их тоже предупредили.

Прямо напротив странный человек по прозвищу Апостол. Всё, что есть в нём примечательного, это глаза, густо-синие, пронизательные и злые. Роста он был небольшого и чрезмерно худ. Узкое лицо, непримиримый прямой лоб. Он категорически не выносил пьяных, хотя сам редко бывал трезв. Жалел котов, детей и женщин. Занимался артефактами и писал статьи, в которых порицал межнациональную рознь и любое насилие, в том числе сексуальное. Пил он много, практически не пьянея, часто бывал молчалив и сдержан. Знал приёмы каратэ, но применял их исключительно в мирных, домашних целях, если требовалось призвать к порядку разбушевавшегося гостя или же спасти от уничтожения хозяйский винтажный сервиз.

– Друзья любезные! Сегодня мы не говорим о политике. Я думаю, присутствующие здесь дамы поддержат это решение, а присутствующие здесь господа будут держать себя в руках. А теперь плесните вина вновь прибывшим, – говорит Виталик, потому что в комнату неожиданно входит Ирис, переменчивая, как погода в Восточной Сибири.

Ирис была знаменита своей неоднозначностью, верила в перерождение и в отсутствие абсолютной истины. Поэтому как бы вы ни бились, вы не смогли бы получить от неё сколько-нибудь вразумительного ответа даже на самый простой вопрос. Женщина довольно крупная, она всячески пыталась это скрыть. Скользила неслышно, мелко перебирая ногами. Если присаживалась, то всегда боком и на самый краешек кресла, отчего сохранялась иллюзия свободного пространства вокруг. Она держала дистанцию, никогда не наклоняясь к собеседнику. Поэтому, быть может, густо красила лицо, как актёры, чтобы мимика была видна и зрителям задних рядов. Смеялась редко, при этом закрываясь широким рукавом. В её одежде тоже была какая-то театральность и что-то от лебедей. Я слышала, она была замужем и весьма неудачно. Говорила о себе мало, только если её спрашивали, зато часто улыбалась и, возможно, выглядела бы счастливой, но глаза выдавали её с головой.

Ей тотчас приносят стул, приборы и извинения за то, что её бокал из другого сервиза. Вняв протестам Ирис раздвинуть стол, её втискивают между Апостолом и успевшим уже изрядно набраться Димкой.

Человек твёрдых убеждений, если он и менял их когда-либо, то в корне. Приехав в Израиль в возрасте семнадцати лет, он тотчас обратился в иудаизм, нацепил кипу, сделал обрезание у известного моэля, перенял привычку закладывать пальцем Талмуд. Когда его вдруг отрывали от духовного, он возвращался не сразу. Заволакивал глаза, тянул длинное «э-э-э..», и вид при этом имел весьма поэтический. Он усердно молился, стирал накопившуюся слезу во время зажигания седьмой свечи меноры, постился в судный день. Но откровение всё не приходило, и огонь меноры вызывал в нём не больше трепета, чем свет от углей камина в рождественскую ночь.

Потом ему пришлось на ум искать себя в христианстве, он сбрил отросшие было пейсы, бросил кипу на антресоль, а Талмуд использовал в качестве сборника застольных анекдотов. На его лысой груди сияло распятие размером чуть меньше натурального. Он стал узнавать библейских апостолов в лицо. Мог вести тонкие беседы об особенностях изображения пророка Илии от Моретто до Шишкина. Стал кроток, тих и благостен ликом. Прятал в кармане коричневатую свечечку и всё больше шептал.

Пока однажды, выехав в паломничество по святым местам, он нос к носу не столкнулся с тем, что впоследствии назовёт божественным откровением. Что именно это было, не знает никто. Скорее всего, какой-то арабский мальчишка развлечения ради бросил в него камнем и тотчас был скручен охранником, приставленным к туристической группе. И в этом довольно распространённом эпизоде нашему герою вдруг почудилась вся мировая несправедливость и даже глумление. Поэтому он тут же возродился и покаялся, купив в уличной палатке арафатку и коммунистический стяг с плохо пропечатанным серпом и колосьями, отдалённо напоминающими початки кукурузы.

Так или иначе, оттуда он вернулся уже убеждённым мусульманином и отъявленным коммунистом. В этом состоянии он и пребывал во времена нашего с ним знакомства.

Когда напивается, он всё больше поёт. Поначалу эта солянка из русских романсов, коммунистического патриотизма и незамысловатых напевов кибуцников времён Второй алии звучит довольно сносно, но если его вовремя не заткнуть, он дойдёт и до канонического чтения сур из Корана.

От людей, разговоров и сияющей люстры в комнате быстро становится жарко. Прибегает Полина и тут же убегает вновь, путаясь ногами в длинной юбке. Её кофе в который раз испорчен.

Расправившись с салатом, мои соседи заводят речь о том, как сложно найти квартиру.

– Мы ищем что-то уникальное и недорогое, например, в религиозном районе... – говорит она, и её внешнее сходство с Арманд поражает меня всё больше.

– В религиозном районе вы ничего недорогого не найдёте. А если даже и да, то это будет клоповник, – говорю я, не переставая удивляться.

– Мы аскеты, нам много не нужно. И потом, это так захватывающе – жить в нищете!

– Уверена, большинство живущих в нищете с вами не согласится.

– Правильно, я полностью вас поддерживаю! Человеку на самом деле нужно очень мало. Когда-нибудь прогрессивное человечество придёт к этому и наконец воцарится всеобщий коммунизм!

– Ну ещё бы! Ты хочешь ограбить всех, кто горбом наживал своё добро, и раздать всё умствующим тунеядцам!

– При идеальном коммунизме тунеядцев не будет!

– При идеальном коммунизме необходимость что-либо делать отпадёт вообще, как рудиментарный хвост.

– Ты не можешь этого знать, ведь коммунизм так и не был построен.

– Как и Вавилонская башня.

– Как я вижу, ты против коммунизма?!

– Я? Категорически! Как ты можешь считать себя гуманистом, проповедуя коммунизм? Ты что, Робин Гуд?

– Мы воспитаем высокоморальное общество!

– А несогласных куда будете ссылать эшелонами? В Сибири уже потеплело.

Лорд Даниеэль вертит головой, и я понимаю, что мы говорим слишком быстро. Он просит Апостола перевести ему слово «эшелон».

Инка включает джаз. Там что-то хрипит, и я перестаю слышать. Инка становится посреди комнаты, она ждёт свою ноту. Потом вдруг резко разводит руки в стороны и вступает. От духоты внезапно обретя остроту зрения,

я замечаю, что Инкины туфли стоптаны в каблуках. В её просторном скольжении мне чудится дым сигар и перья, белесые от пыли. Канканерка!

К ней присоединяется Полина, по-цыгански метя пол юбкой. Вдвоём они лихо обходят комнату, роняя мебель на пол. Музыка обрывается так же внезапно, как и началась. По комнате расплзается запах горелого кофе.

– ...И всё же я верю в перерождение душ и сущностей, – настаивает Ирис, обращаясь к Димке.

– Да, некоторым душам не мешало бы переродиться.

– А почему ты сейчас посмотрел на меня? – говорю я, пытаюсь вспомнить, где положила свою белку. Но он напрочь игнорирует мой вопрос.

– Важен масштаб! Зато представляете, как человечество начнёт идейно прогрессировать!

– Главное в перерождении – новое видение, то есть новое понимание реальности как таковой. Хотя нет полного объективизма и абсолюта... И через это обретается новая сущность, как нарастает новая кожа. Тут важно отринуть... – продолжает Ирис.

Внезапно Димка начинает громко икать, вздрагивая телом. На помощь приходит Апостол, который, перегнувшись через Ирис, зажимает Димке нос двумя пальцами.

– Ударь же меня в спину! – просит он, продолжая содрогаться.

– Я не бью людей. И прекрати ты дышать! Это должно помочь.

– Черт бы вас всех побрал! – кричит Димка и, забывшись, бегло осеняет себя крестом.

Крест действительно помогает.

– А вы в самом деле верите в коммунизм? – спрашивает Арманд.

– Я убеждён, что идея...

– Если я услышу ещё хоть слово о коммунизме, я выпрыгну в окно!

– Это сделать никому не удастся, мы его заклеили скотчем, чтоб не дуло, – утешает меня Виталик.

– Заткнитесь все и давайте читать Бродского! «Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были. Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели, слейся лицом с обоями...»

– Бродский гений! Гений!

Я выхожу на балкон. Огни нижних поселений дрожат во тьме. Потом они обрушатся в море, как метеоритный дождь, чтобы сиять из его глубин. Где-то в порту, утопленный во тьме, стоит круизный лайнер. Будет жалко, если он уплывёт, а я так и не увижу, какой он был белый.

Зато я вижу комнату, и там тепло. Через заклеенное скотчем окно глухо прорываются голоса. Лорд Даниэль сидит в высоком кресле, откинув волосы назад. Ему давно пора спать.

– Вы все, как пошлые тени! – вдруг говорит он, в изнеможении роняя голову.

– Тени прошлого, – переводит Инка.

Со склонённым к плечу бледным лицом он становится ещё больше похож на средневекового лорда. Его рука обвисает вдоль кресла. Катится по столу опрокинутая кружка и замирает, так и не упав. В окне протяжно, как гудок, вздымается рассвет. И голос чайки над холодным морем невыносим.

Я возвращаюсь в комнату и закрываю дверь.

ПОЭЗИЯ

Василий ПОЛУШКИН

* * *

На снегу древней вязью – трёхпалые строчки,
По крестам и деревьям струится покой.
Черноногие галки в пуховых платочках
Обсуждают пронзительно, кто я такой.
Прилетела ко мне голубиная стая –
В голубиной весёлой метели стою.
Был пшена килограмм – и они доедают!
Не стесняясь, с ладони бесстрашно клюют.
Критикуют меня беззастенчиво галки...
А за что? – я у галок стесняюсь спросить.
Сизокрылые, ешьте! Пшена мне не жалко,
Жадных как-то не любят у нас на Руси.
А когда веет стужей морозное небо,
Леденеет земля, ветры свищут бедой –
Вас в безлюдные дни кормит крошками хлеба
Старец в валенках, весь белоснежно-седой...

* * *

В рямю

С этих низких берёз
Слишком рано слетит позолота.
Вспыхнет солнце прощально
В лиловом закатном дыму.
Здесь деревья болеют,
Как, впрочем, всегда на болотах.
Здесь повсюду брусника –
Как, впрочем, и в каждом рямю.
А! Опасный сосед!
Атеист станет вмиг богомольцем.
Там, во мху, – присмотрись! –
Взгляд холодный из чёрных колец.
Здесь гадюки на кочках
Лирично свиваются в кольца, –
Как и в каждом рямю,
Здесь законный гадючий дворец.
Что ж, пройдем в этом царстве
Незванными к ночи гостями.
Впрочем, нам от гадюк
Приглашенья сюда ни к чему.
Здесь бруснику берут
Не по яголке – сразу горстями.
...Одурающе пахнет багульник,
Как в каждом рямю.

* * *

Здесь земля – то бела,
То черна, то рыжа.
Ты оставь все дела –
На денёк приезжай!
Свет, дрожащий и ломкий,
На склонах блестит.
Прокурлычут негромко
Ручьи свой мотив.
Здесь, в апрельских лесах,
Здесь, в берёзах сквозных,

Я б тебе показал
Все дороги весны...
На денёк приезжай...
Пусть петляет тропа,
Чтоб звенела душа,
Как пасхальный тропарь,
Чтобы небо – в глаза,
Чтоб ручьи – как свирель...
Я б тебе показал
Настоящий апрель.

* * *

Подарите песню мне – и ночами синими
От секунд до вечности протяните мост...
Я бы слушал музыку под седыми ливнями,
Я бы слушал музыку под лучами звёзд.
Я бы слушал музыку всех ветров, всех зябликов,
Всех сверчков таинственных слушал голоса...
Всех ручьёв, где плавают детские кораблики,
Всех скворцов в скворешниках, всех берёз в лесах.
Подарите песню мне – как-нибудь по случаю.
Будем петь – наверное, будем лучше жить...
Долетают песенки в самые дремучие,
В самые беззвёздные уголки души.

* * *

Мы не пили ни капли, но как-то сумели
Опьянеть, позабыть про еду и про сон.
Впятером мы скорее кричали, чем пели
Всем знакомые песни советских времён.
Мы забыли, что ночь, и с утра на работу,
Что соседи не спят и хрипят голоса...
Что-то – так, наизусть, что-то пели по нотам...
Оглянулись – мы пели четыре часа!
Мы не пили ни капли...
Был вечер воскресный.
Значит, это в крови!
Значит, это в веках...
Ни к чему алкоголь – знаешь, градусов в песнях
Много больше, чем в самых крутых коньяках.

* * *

Мы степями, конницей изрытыми,
Шли – и в травы падали без сил.
Двести лет монгольскими копытами
Иго зло топталось по Руси.
Кирзачами да людскими бедами
Прошлый век двадцатый шёл по нам.
Нынче – ходят модными штиблетами
И по душам, и по головам...
Кажется – втоптали...
Не останемся,
Не пройдем тропой грядущих лет.
Ну а мы упрямо к небу тянемся,
Из-под кирзачей,
 копыт,
 штиблет...

* * *

Е. Ч.

Проводники гармонии небесной
Удачно притворяются людьми.
Меня позвали как-то в гости к песне:
Давай-ка, песня ждёт тебя к семи.
Тут образ песни рухнул с пьедестала:
Где древний замок на вершинах гор?
По-пролетарски песня проживала –
Шестой этаж, окошками во двор.
В неизвестности жила, не знаменитой –
Жаль, люди в большинстве своём слепы.
Пужинала песня с аппетитом –
Ей это не мешало песней быть.
Но с песней в унисон звучали души,
Громоздкий инструмент умел летать...
Я слушал, и молчал, и снова слушал,
Как звуки облакаются в цвета, –
Переливаясь, обрываясь с кручи,
У сердца размывают берега...
Клубились звуки грозовой тучей
И пахли, как июльские луга.
Стихийная, немереная сила –
И ей покорны море, лес и дол...
На кухне песня чайник кипятила
И суетилась, накрывая стол.

ПРОЗА

Альбина КУЗЬМИНА

Солнечная песня

Солнце непрерывно мелькает за деревьями, сияет над верхушками тёмно-зелёной тайги. Ах, какое оно яркое! Смотришь на белоснежный сверкающий покров в тысячи радужных переливов, и непроизвольно закрываешь слезящиеся глаза. С каждым днём отогревается иззябшая за долгие зимние месяцы земля, и кажется, будто она вздыхает, – так истосковалась по лету.

Несётся по раздольной тайге упряжка. На лёгких нартах два ездока, погонщик хорошо знает своё дело: ловко управляет проворными оленями длинным шестом – хореем. И вполголоса поёт. Льётся заунывная песня по необъятной тайге и навеивает неизбывную грусть-тоску.

– Гляди, само солнце едет на наших оленях! – усмехаясь, лукаво указал погонщик, как только упряжка выровнялась на взгорье. Взглянув, я изумилась: мне показалось, что оранжевое круглое солнце, похожее на земной шар, перекатываясь по заснеженному покрову, ехало вместе с нами на оленьих нартах! Неописуемое зрелище!

– Вижу! – только и успела выкрикнуть ездоку, и от всей души, как бесшабашная девчонка, вернувшаяся в своё детство, засмеялась...

И вдруг куда-то исчезло солнце. В одно мгновение вечнозелёная тайга превратилась в чёрных великанов. Вокруг на тысячи километров ни души. Слышен лишь истошно-каркающий крик ворона: «крук-круг», да скрип полозьев нарт.

Темень среди дня, что мгла да вьюга, – лишь досада для путников. Казалось бы, только что любовался зимними красотами. А вместо пушистых елей, сосен да величественных кедров встаёт широкая стена – преграда...

– Вернись, моё солнышко! – шепчу я, крепче ухватившись за погонщика оленей.

– Ничего, – успокаивает он. – Не такое здесь бывало...

И гортано снова затягивает свою песню.

Такие песни я слышала в детстве от бабушки. Сколько лет прошло с тех пор. Сколько дорог и песен позабыто... Впервые за свою жизнь решила наведаться в родные пенаты. Вспомнить, отдать должное, проститься. Преодолимое чувство притягивает к родине. Ранее, в те давние времена, река-кормилица выручала всех: в летние дни сюда можно было добраться только на лодке-долблёнке да неводнике по шумливой речке, а зимой на лошадиной да оленьей упряжках.

Сегодня впереди ждёт неизвестность от полузабытого Богом села, затерявшегося в глухой тайге и почти совсем исчезнувшего с лица земли, но огромное желание побывать там, где ты родился, пересиливает. Поёт оленевод, а меня будоражат воспоминания...

Вдруг через макушки деревьев прорывается солнце. Оно сияет ярче прежнего, будто хочет показать всю мощь чарующей природы...

Рынья

Среди хвойной тайги, где сливаются зелёно-голубые цвета земли, рек и озёр, приютилась, словно спряталась, небольшая деревенька. Затерялась она между глубоких болот да глухомани таёжной. С какой стороны ни пойдёшь, сразу не увидишь...

Расположилась Рынья у подножия одной из Белых гор, на крутом берегу таёжной речки Алымки. Быстрая река несла свои воды через громадные пространства болот вместе с братом Иртышом к величественной Оби, стремясь к Северному океану. Окаймляла широкую гряду гор, словно обнимала её. К этой реке спускались с самой вершины густыми рядами величественные кедры, пихты, сосны и ели, один за другим, словно хотели испить прохладной воды. Стояли с поднимающимися вверх кронами, словно распластав зелёные крылья, и шумели о чём-то на свой особый лад. В воздухе ровно и монотонно слышался шум деревьев. Невдалеке от села – едва различимый говор деревни. Куда ни глянешь, – бескрайнее море зелени, которое колышут залётные ветра-бродяги, и – вечное повторение тайги, неба и болот...

Алёнка ухватила за бабушкину руку и несмело спросила:

– Бабушка, как наша деревня появилась на белый свет? Прежде что ли здесь ничего не было?

– Ни единого дома, ни улицы. Село, что основали, Верхней Рыньей звали, а уж потом Нижнюю Рынью образовали, тут мы теперь и живём.

– А что означает это слово?

– Да тебе, внучка, трудно пока понять будет.

Уже через минуту Анастасия Николаевна задумчиво произнесла:

– Чудодейственный край, о котором никто сторонний не знал. Здесь кроме священных роц да урманов с их таинством и вечным богатством другая жизнь на свете будто бы не существовала. Крепко хранил традиции вольный народ мансийского и хантыйского племени, жили себе поживали... Ох, как давно это было!

– А мальчишки говорили: «Рынья – это медвежий рай».

– И то правда. Ух сколько их тут, не зря ведь тебя на медвежьей шкуре вынянчили. Да я больше склоняюсь, что старейшины наши вещали, будто здесь «место рая – сна Золотой бабы».

– Как интересно! Бабушка, а ты мне расскажешь? – просит Алёнка.

– После как-нибудь, подрасти ужю сначала, – и тут Анастасия Николаевна, вспоминая о деревеньке, разговорилась.

– Много веков назад вдруг возьми да объявись в этой глуши часовенка. Неведомо откуда возникла. Говорят, с неё всё и началось. Годы стёрли её облик, но в памяти народной она жива. Рассказывали, будто здесь дивные дела случались: часовенка та стоит себе за селом, на берегу реки, да год от года не стареет. Правду говорят: чудны дела твои, Господи. Старая-старая, ветхой уже была, а в одно прекрасное утро засветилась, вся обновлённая. И никто не знал, не ведал, как она новая образовалась. Да только понимали люди, что часовенка та – творение рук человеческих...

Случилось это, когда появился в лесу одинокий странник. Чудак-человек, всё-то мучился, свой путь искал, как говорится, крест свой нёс. Знал, видно, что Господь Иисус Христос, наш Спаситель, принял мученическую кончину на кресте, поэтому каждому православному свой крест нести надобно. Подальше от людей оттого и ушёл. Места здесь – урманы да болота: человеку пропасть, что рукой взмахнуть. Сказывают, от горя головы поднять не мог, а как взглянул вокруг: красота покорила – синим морем перед ним лежала тайга.

Облюбовал он взгорье. Совершил крёстное знамение, поклонился Создателю, широко перекрестился, раскланиваясь на все четыре стороны, да и срубил на берегу речушки Алымки деревянную часовенку, маленькую, уютную, крест поставил, от которого свет разливается.

Первое время там и жил. Потом дом себе крепкий срубил. Вскоре и трое братьев его объявились. Зажили. С того времени будто Божий промысел свершился: люди сюда дорогу стали находить. Так поселение образовалось.

Тут бабушка преобразилась, глаза её заблестели, и она загадочно произнесла:

– Основали то место предки твои с отцовской да материнской стороны. Одинокый странник, чужак-человек, и трое братьев его и были твои прапрадеды...

С часовенкой этой воистину столько разных войн пережили... Не знаю, так оно или нет, только в самые трудные военные годы, когда голодно было в семьях, сельчане стали потихоньку тянуться к часовенке, где поклон отбить, да кресту помолиться, душу отвести. И уже никто не удивился, когда за часовней появился неказистый с виду деревянный сруб-пристройка. Помощь людям невесть откуда стала являться. В этой срубленной избушке, что на курьих ножках стояла, – так у народа ханты было строить заведено, чтобы дикие звери не добрались, – появлялась нехитрая снедь: сушёное мясо, рыба, мука, железки всякие... В центре икона на тебя глядит, а в углу лик святого из дерева изразчён. Кто совсем плохо жил, голодал, тот приходил сюда за помощью. То оно и хорошо, что в избушке было. В деревне в ту пору одни бабы остались. Хватило бедным женщинам лиха, всем досталось... Этой помощью, может, и спаслись. Видно, мужчины заранее предусмотрели. На войну уходили, а их здесь долго помнили. Вот и в Отечественную многие тогда из нашего села не вернулись...

Бабушка вытерла уголком платка нечаянно нахлынувшие слёзы.

– И мой Сергей Петрович покинул меня...

Пережил народ всякие невзгоды: с часовенкой да с помощью Божией, верой людской всё случилось. Так с тех пор ветхую, покосившуюся, но временем не изъеденную часовню никто сокрушить не мог. Никакие злые люди, никакие события. Там, где сруб часовенки, недалеко от села, стоит с тех пор памятником огромный камень-валун. Как и откуда он появился, никто не знает. Только видится местным жителям странник, осеняющий крестным знамением всяк сюда приходящих. Местные-то нет-нет да проговорятся, будто это сам Господь своего ангела-хранителя присылает.

Молчит Алёнка, сражённая услышанным:

– Как много я не знаю!

А бабушка продолжает шёпотом:

– Меня возле той часовенки как раз окунали в реку...

Птица бьётся в окно

Задумалась всего на миг Анастасия Николаевна, как тут же услышала взволнованный голос внучки:

– Птица бьётся в окно, птица бьётся! – кричала она.

Тревога передалась и ей, Анастасии. Как одно мгновение пронеслись перед глазами картины жизни...

Вот она молодая, красивая, выходит замуж за бравого парня – своего Серёженьку... Вокруг улыбки, поздравления, кони ретивые, разукрашенные дуги, расписная кошева. Гармонь веселит песнями, частушками да прибаутками...

Вот провожает мужа на фронт... Всюду плач, бабий вой, каждый старается перекричать другого, чтоб услышал солдат её... И опять гармонь деревенская душу берedit, плачем заливаётся... Только не проронила Анастасия бабьей слезы и воем не выла, пусть единственному своему легче послужится там, на войне...

Вот стоит председательша, с лица побледневшая, с волос поседевшая, рука цепко сжимает в кармане бумагу, что в народе зовут похоронкою... Онемевшая от горя, с душераздирающим криком в груди... Детям ни о чём не сказала, только ему прошептала: вернись, мой суженый, супруг мой, ждaть тебя буду вечно... Вот и ждёт до сих пор.

Окончилась война, пришла победа. Только не веселила уже гармонь, как прежде, когда иные с войны вернулись, не плакала, изнывала от горя гармошка, когда с войны лишь похоронки шли, многие ведь тогда не вернулись...

Вспомнила, что случилось в тот роковой вечер: как и в данную минуту, когда увидела птицу.

– Птица бьётся в окно, птица бьётся! – вздрогнула она и закричала:

– Уходи, разлучница, уходи!

Как нарочно, птица словно потеряла ориентир и билась клювом о стекло рамы. Билась, билась о стекло, клюв в кровь... пока не сползла вниз... Анастасия обхватила голову руками, ужаснулась: страшное что-то случилось с её любимым...

И всё же она ждала, и каждый раз поддерживала в детях надежду на возвращение отца...

Много времени с тех пор прошло. Состарилась Анастасия Николаевна, но ждать не перестала. Слава Богу, разыскали её дети и внуки могилку родного отца и своего дедушки. Пусть называется она братской – Мемориал погибшим воинам. Теперь вот и её время настает, пора к любимому собираться, ждёт не дождётся...

А в приметы как не верить, они правду говорят: бьётся птица о стекло – значит умирает кто-то, одним словом, к разлуке с родными.

Только теперь это не страшит. А о примете она не скажет родным: пусть не тревожат свои души...

Взволнованный голос внучки возвращает к реальности:

– Бабушка, птицу жалко!

– Дурёха, не понимает она, что выхода у нас для неё нет! Уймись и ты, отойди, не мешай ей! Да шторку задёрни, – сказала внучке.

Вскоре большая семья собралась на воскресный обед. Никто не знал, зачем мать созвала всех. Обсуждали случившееся. Анастасия Николаевна, усаживаясь за обеденный стол, оглянув мельком собравшихся, медленно произнесла:

– Ну слава Богу, собрались. День-то сегодня благодатный.

Фиона начала разливать по тарелкам суп. Взглянув на дочь, мать вдруг сказала:

– Достань-ка мне из заветного шкафчика.

– Мама, что это?

Не обращая внимания на вопрос, Анастасия Николаевна произнесла:

– Наполни мою рюмочку, да и всем налей.

– Мама?! Вам же нельзя!

– Ты не ослышалась, я так сказала.

Ничего не понимающая Фиона неторопливо подошла к серванту, потянулась к стоящей стеклянной бутылки с названием «Русская». Молча выставила на стол графинчик, наполнила водкой и, разливая по рюмкам, мельком поглядывала на мать: какая-то она сегодня другая...

– Ну кто ещё поднимет свой бокал за память? – прозвучал довольно жёсткий голос матери.

За столом стояла тишина: ни взрослые сыновья с жёнами, ни дочери с мужьями, ни тем более внуки не могли припомнить памятной даты...

Вытирая ладонью внезапно вспотевшее лицо после напряжённого молчания за столом, Анастасия Николаевна тяжело вздохнула и громко сказала:

– Сегодня день памяти вашего отца и деда. Какие вы, нынешние, беспомысленные! Безымянными людей на земле делаете...

Оглядела притихших дочерей и сыновей, зятьёв и снох, внучат. А на них словно прозрение пришло.

Подняла рюмку и резко опрокинула.

– Помянем...

А потом вдруг тихо добавила:

– Неужели и меня так легко забудете!? Прости и помилуй, Господи!

ПОЭЗИЯ

Анжелика КРЪСТЕВА

(публикуется в авторской редакции)

* * *

немое величие снега, холодная сдержанность, сушь
здесь мысль, начинаясь с разбега, споткнётся, сломавшись о глушь
дорога змеиною кожей петляет, торопит, ведёт
идёт по ней первый прохожий, по ней же последний пройдёт
дымят города и селенья, широкою площадью спин
удачу сулит и везенье счастливая яркость рябин
всё меньше и меньше желаний, всё больше и больше тоски
о первом из первых свиданий, о первой из первых руки...

* * *

останься здесь
спокойно и светло, твоя любовь нужнее кислорода
огню хватает воска и тепло, нелётная внутри тебя погода
удивлена, впервые градус ноль, он медленно ползёт, пугая плюсом
а это значит, с ним вернётся боль
вернётся, обозначенная вкусом,
останься, я прошу, не продолжай, твоей строки хмельная постоянность
сбивает с ног, и обещая рай, обманет нас замужня реальность
моря-пустыни, даже города, твои – мои, – их просто нет на карте
и яркая далёкая звезда свалилась с крыш
не в августе, а в марте
не начинайся, жар, не начинай, не причиняй страдания и боли
о господи, прошу, не продолжай, освободи от выпавшей неволи
истратиться до страшной пустоты, до немоты, до медяка в кармане
останься здесь, живи хотя бы ты
нормальной жизнью
молча на диване

* * *

уже за полночь, тихо и темно не потому, что скупое электричество
а потому, что в чёрное окно виднее звёзды, энные количества

и лунный диск, что сообразно рос со знанием в любом, в любой из звёзд
причиной для волнений и цунами, и космос близко – низко, вот он, тронь
сухой, холодный, ровный, как ладонь, вселившийся в растение и камень

и блажь во всем, и светлая печаль, до той поры, когда помчатся ветры
заголубеет розовая даль, и бросятся под ноги километры
из камня вдруг закапает вода, и мы вернёмся в наши города

вернёмся в это время, что в окне и вечно, и невинно, как в письме
в нём узнаёшь себя, переживая, а звёзды сыплются, ссылаясь на потом
во тьме молчим и нежимся молчком, и беспричинно голову теряем

* * *

ничего не меняется кроме, но
так смотрел Маяковский в своё окно, и оно ему было днищем
твой звонок последний всему цена, мне не муж и я не тебе жена
виновата, пожалуй, сама вина, где светлее кружим и ищем
тело тонкий намёк, в сердце струйкой жизнь,
вынь-положь, Колумбом в моря ложись, успокойсья, шарь поближе
пусть кому-то можно, но нам нельзя оставаться большим, чем есть друзья
притворяясь, что третий вышел
а на воре слышали – огнём горит, и Емеля на печке верхом сидит
и овчинку у неба стриждёт, и озоновая дыра, со времён Македонского
на «ура»

уж дырищею чёрной лижет
рвёт деревья с корнями, большие рвёт
гнёт травой, безбилетно кино идёт и юродствует Чарли Чаплин
утрясёшься, умнешься, полюбишь жить, новогодним ярким бантом
служить
выгорая до суши, до капли

* * *

Боготворю, я вас боготворю за новое счастье, что с вами творю
за близких, далёких, родных и чужих, за то, что слова превращаете в стих
за день мой вчерашний, усталый и длинный, за то,
что с утра я чиста и невинна
за то, что хотела, за то, что хотелось, за то, что писалось, читалось и пе-
лось

за радость, что в ваших сердцах находила, сама уходилась и вас уходила
за то, что прощала себе и другим, любви нелюбовь и враньё нелюбим
благодарю, за всё благодарю, за боль, что причиною новых люблю
за веру мою, что сильней, чем вчера, за то, что мы вместе, за то, что с утра
за то, что срывалась, за то, что рвалась, за то,
что навеки духовная связь

* * *

мир – всё та же богадельня: ни прибавить, ни отнять
дальних нам любить отдельно и на ближнего пенять
морщась, лезет вечер рамой потемневшего окна
обозначив треугольник: ты – стихи, и в них луна
даже тополь, что напротив, восклицательным в строке
сам себе вчера приснился облаком на облаке
он за осень и за зиму так продрог и окошел
если б не был так привязан, то давно бы улетел
но не веря в кабы-абы, ждёт скорейшего тепла
зеленей зелёной жабы, чтоб расцвести, чтоб грудь цвела
молодою клейкой почкой пахли-липли облака,

чтоб листочки многоточья и любовь наверняка

* * *

литература есть не ты, не я
а эта деревянная скамья,
что тянется к чужому табурету
и гвоздь в стене, на нём повисло «нет»
уж он-то знает главный ваш секрет
недостающий штрих к автопортрету

снега дымят, кусается среда
отходят воды моды, города
тоскуют по шагающему свету
нерукотворность мира и реприз
и потолков, что тянут слюни вниз,
предпочитая копию предмету

литература многим баловство
и за «бабло» святая Магдалена
сменила пол, и святость, и родство
и удивление открытого колена

добавлю здесь, что жизнь сильней вранья
о жизни и зудящих червоточин
поэт всего лишь груша для битья,
оттаявшая в небе полынья
босых обочин...

* * *

любовь оставила нас в комнате вдвоём, не знаю, что подумала она
а мы с тобой согласно кофе пьём, и голова идеями полна
как часто мне хотелось написать, следя за отражением в воде
порывом на порыв твой отвечать и понимать, что свет на глубине
земного ненадёжного родства, не оставляй же радость на потом
величием мужского торжества тепло струишь в распахнутость стихом

сквозняк несёт, куда и как теперь, мой милый, нам с тобою ли не знать
уж если мы ломились в эту дверь, не стоит аварийную искать
довёл, на то причин серьёзных нет, сбывалась, дожидалась, дождала
дымится, выждав паузу ответ, рассыпав звон разбитого стекла
а нюх сжигает жидкий кислород, и бьётся рыбой рот, спасая рот
сквозняк штормит хвалёное житьё, пишу: пиши, хочю читать твоё

ПРОЗА

Борис КАРТАШОВ БАЙКИ ТАЁЖНИКА

Два глухаря

Приглашение Григорича порыбачить на таёжной речке в родовых угодьях знакомого ханта я принял с удовольствием. Товарищ давно обещал познакомить с Кирилкой Дуваевым, местным аборигеном, и как рассказывали, большим оригиналом-охотником.

Добрались до заветной избушки, притулившейся к вековому кедру на высоком берегу речки, только к вечеру. Место было живописное: справа – дремучий кедрч, слева – небольшое озеро.

Встречал нас хозяин с женой – женщиной приветливой и смешливой. После приветствий вошли в дом. В избе было чисто и скромно, как в любой хантыйской семье. Бросались в глаза сложенная из дикого камня печь, грубо сколоченный стол и пара табуреток. В углу – большая двуспальная кровать, отгороженная от комнаты шторой.

Напарник достал из принесённого рюкзака провиант, состоящий из нескольких банок тушёнки, двух бутылок водки, батона колбасы и большого куса халвы. Кирилка сделал вид, что это его мало интересует, хотя по выражению его лица было видно: хозяин доволен гостинцами.

Разговор зашёл о предстоящей рыбалке: где плав лучше, где рыба крупнее, где берег удобнее. Хант был немногословен, деловит и загадочен.

– Однако утром решим окончательно, куда пойдём рыбалить, – многозначительно сказал Дуваев. – Всё будет зависеть от того, откуда ветер подует и какая погода проявится...

Тем временем Агафья, так звали жену нашего знакомого, убрала со стола наши деликатесы. Вместо них с пылу-жару поставила большую скворчащую от жира сковороду с жареными карасями, подвинула каждому в отдельной миске по большому куску холодной лосятины. Принесла мочёную бруснику, хлеб. По всему чувствовалось, нас здесь ждали.

Выпив принесённую с собой водку, мы с Григоричем вышли на берег реки. Хант с женой остался в избушке. Сильно опьянев, он улёгся отдыхать. Агафья же занялась уборкой комнаты, хотя пили все поровну.

Сумерки были изумительными: солнце, спрятавшись наполовину за горизонт, равномерными пятнами освещало кедрч. Казалось, это был не просто лес, а сказочная страна, в которой поместились все краски мира.

Перекликались между собой лесные птицы, шептала о чем-то вода, шелестели растущие рядом кусты ивняка. С высокого берега озеро было как на ладони. В нем, по словам Кирилки, водились двухкилограммовые караси.

Усевшись на поваленное дерево, мы любовались вечерним часом. Молчали. На мгновение луч солнца ослепил нас. Григорич толкнул меня локтём:

– Не пора ли на отдых?

И тут я услышал голос пьяного хозяина:

– Хорошо сидят эти два глухаря. Сейчас одним выстрелом сниму.

Обернувшись на голос, мы увидели Дуваева с ружьём. Он прицеливался в нас. Не сговариваясь, мы сиганули с кручи вниз и спрятались в зарослях

кустарника. Там просидели довольно долго. Прислушались, чтобы оценить обстановку. У избушки было тихо. Осмелев, выбрались наверх. Осторожно заглянули в окошко: Кирилка мирно спал на кровати, его жена, что-то напевая, возилась на кухне.

Мы тихонечко постучали в стекло. Агафья тут же вышла и стала извиняться:

– Вы уж не обижайтесь на него – пить-то ему совсем нельзя. Это после контузии. Видимо, приснилась ему охота – вот и схватился за ружьё.

На всякий случай ночевали мы в лодке. Утром как ни в чём не бывало Дуваев повёл нас на рыбные места, всю дорогу ворчал, что мы ночевали не в доме.

– Места всем бы хватило. Побрезговали?

В ответ Григорич промямлил что-то невразумительное и пристально посмотрел на ханта – неужели ничего не помнит? Тот лихо управлял моторкой.

...Клёв в то утро был отменным. Удовольствие от рыбалки мы получили незабываемое. Вот только эпизод с двумя глухарями портил нам воспоминания.

Как хант мамку радовал

Случалось и нам с Григоричем браконьерничать, особенно когда хотели добыть муксуна. А что делать? Лицензию на отлов этой ценной рыбы достать было невозможно. Их в ограниченном количестве выделяли только коренному населению да начальству. Вот и выходили из положения как могли. Приходилось рыбачить по ночам, случалось, приглашали знакомых ханты и манси с лицензиями к себе в лодку. Таким образом, рыбачили вроде официально. (Дурацкие российские законы – неперемный атрибут нашей действительности). Однажды вот такого знакомого мы и пригласили на очередную рыбалку.

Выбрали более или менее чистую плавь и стали сплавать по течению сеть. Сделали один заход, второй – в ячеях ни хвоста. Решили рыбалку перенести на раннее утро. Встал вопрос о ночёвке. Михаил, так звали знакомого ханта, предложил переночевать у него в избе.

Поужинали, выпили. Хозяин сильно захмелел, стал путать наши имена, время от времени старался запеть песню на своём языке. Керосин в лампе кончился, и нам волей-неволей пришлось ложиться спать. Мы с Григоричем расположились на полу, Михаил с женой – на кровати, отгороженной ситцевой шторой.

После напряжённой работы на реке не спалось. Я негромко переговаривался с товарищем, строил планы на завтрашнюю рыбалку. Вдруг за шторкой послышался шёпот, затем методично заскрипела кровать. Отлично понимая, что происходит в двух шагах, на нас с Григоричем напал неудержимый смех, который невозможно было сдержать.

Наступила тишина. Мы расслабились. И вдруг, как гром среди ясного неба:

– Это кто хохотал, когда я мамку радовал?

Из-за шторы торчало дуло ружья, направленное в нашу сторону.

...В себя пришли уже в лодке, которую завели с пол-оборота и поплыли неизвестно куда. Посмотрели друг на друга – и снова хохотали до икоты. То ли от страха, то ли от ситуации, в которой только что побывали.

...Забутые у Михаила вещи привёз знакомый Григорича Василий. Он жил недалеко от ханта.

Екатерина первая

Издrevле повелось: ханты селились в лесу, а манси на берегу рек. Вот и у нас на таёжной речке жило несколько человек по национальности манси. Их имена никто толком не знал, обращались только по прозвищам. Так, одинокую мансийку звали Екатериной первой. Мужиков – Николаем первым, Николаем вторым. За ними шёл Павел первый. Кто обозвал их так, неизвестно. Но клички к аборигенам приклеились намертво. Манси привыкли и с удовольствием откликались на эти имена.

Весной, когда мелкие протоки разлились широко и стали полноводными, мы с Григоричем отправились на моторной лодке на рыбалку. Путь предстоял неблизкий. Поэтому с запасом взяли с собой горючего и продуктов.

– Захватите ещё мешок сухарей и несколько кило сахара, – попросил старый знакомый, – всё равно придётся делать остановку у Екатерины первой. Она слепая, живёт, как говорится, чем Бог послал. Порадуйте старушку.

– Как слепая? – подпрыгнул от неожиданности Григорич. – И живёт совсем одна?

– Конечно.

– Вот это да...

Лодка шла по протоке ходко, маневрировала на частых поворотах. Притормаживала перед завалами и большими поваленными деревьями. За световой день мы прошли не более трети намеченного пути.

С ночёвкой определились не сразу – долго искали подходящий берег. Наконец нашли. Выгрузились, поставили палатку и разожгли небольшой костерок. Поужинали консервами. Ночь прошла спокойно, не считая того, что пару раз нас посещала россомаха, пытавшаяся узнать, кто это вторгся на её территорию.

Утром после чаепития тронулись дальше. Приключений особых не было, не считая того, что пару раз налетали на топляки и меняли шпонку на винте. После полудня в глубине соснового бора, что мысом выширал в протоку, увидели дым, струящийся из трубы небольшой избушки.

– По-моему, это и есть жильё знаменитой Екатерины первой, – заметил напарник.

Мы аккуратно причалили к берегу и вышли из лодки. Нас тут же окружила стая собак. Они не лаяли, не виляли хвостами, а внимательно следили за нами.

– Не делай резких движений, – посоветовал я Григоричу, – это зверовые собаки, реагируют на незнакомых без промедления.

Тут в дверях избушки появилась пожилая женщина с палкой в руках. Она уверенно двинулась в нашу сторону.

– Здравствуйте! Собаки у вас – прямо личная охрана, – заметил Григорич.

– А оно так и есть, – добродушно откликнулась женщина, – и охрана, и добытки, и просто товарищи по совместному проживанию. Да вы сейчас их не бойтесь. Они убедились, что вы не принесёте мне зла – не тронут. Принимают, как люди.

– Вы и есть Екатерина первая, – резюмировал я.

– Так кличут.

– Мы вам гостинцы привезли от вашего знакомого, – я назвал его фамилию.

– Не помню я никого по фамилии. Люди есть люди. Есть хорошие, есть плохие. Первые помогают, чем могут. Вторые стараются навредить:

то ловушки изломают, то лабаз искурочат. Всякие люди бывают, – ощупывая наши лица, говорила мансийка.

Неподвижный взгляд женщины, казалось, пронизывал насквозь. Было не по себе. Мы стали выгружаться.

В избе на удивление были чистота и порядок. На плите – горячее варево. – А я вас ждала, – усмехнулась Екатерина первая, – ваш мотор я услышала ещё час назад. Здесь речка петлю делает. Очень слышно.

На ужин старуха предложила вкуснейший кулеш из глухаря и чай, заваренный брусничным листом.

Перед сном я попросил старуху рассказать о себе – уж больно симпатичной она мне показалась.

– Родилась я в пятидесяти верстах от этого места, – начала мансийка. Семья жила дружно и в достатке. В лабазе было полно мяса и рыбы. Добытые шкурки соболя, горностая, белки отец сдавал охотоведам, навещавшим эти места. Взамен мы получали соль, спички, сахар, муку. Шкуры зайца, лисы, оленя и волка пускали на личные нужды – шили себе одежду и обувь. Пришло время, я вышла замуж. Суженый – пелымский манси, нарушив законы предков, переехал жить в наше родовое угодье. Тут и начались несчастья.

Вначале на реке утонули братья. (По мансийским обычаям, если человек выпал из лодки, сопротивляться не должен – дух воды позвал к себе жить). Затем отца задрал медведь. После этих несчастий мать стала угасать на глазах, потеряв интерес к жизни. Потом ушла в тайгу и не вернулась.

Через полгода мужа Екатерины забил лось, когда тот его подранил. От переживаний и навалившихся несчастий женщина стала слепнуть. Пришлось учиться жить заново. Сменила место жительства. Пока видела, охотилась, благо собаки были хороши: загоняли зверя прямо к избушке. Оставалось только прицельно выстрелить. Через несколько лет ослепла совсем. Вскоре о ней узнали в округе все охотники и рыбаки. Стали помогать во всем.

– Вот так и живу одна, на судьбу не жалею, – задумчиво рассказывает старуха. – Каждый должен нести свой крест до конца. Кстати, я крещёная. Отец настоял, когда была ещё маленькой. Считал, что молиться Богу и поклоняться своим духам хорошо.

Мансийка не спеша закурила. Немного помолчав, произнесла:

– Однако пора отдыхать! Завтра рано вставать.

Покидали мы Екатерину первую со смешанными чувствами. Обещали на обратном пути ещё раз заглянуть на огонёк. Слово сдержали. Оставили ей остатки продуктов, курева. Побывали мы и у Николая первого. Он тоже был рад гостям.

Заходили и к Павлу первому. Принимал гостей он хорошо. Хотели вернуть и к Николаю второму. По рассказам, у него уж больно отменные рыбные места. Но не повезло: нам сказали, что несколько месяцев назад этот манси с царским именем умер.

День народного единства

Приказ отправиться контролировать ход выборов в отдалённый посёлок был ожидаем: в райкоме партии в то время я курировал социальные вопросы малых народностей. В паре с Григоричем, который был членом избирательной комиссии, нас направили к хантам на вертолёте. Через пару часов винтокрылая машина доставила нас в хантыйскую акваторию. Здесь уже ждали.

– Давай двигайся волеизъявлять хантыйскую гражданскую позицию, – подтолкнул меня в спину Григорич.

Я взял в руки переносную избирательную урну, опечатанную и закрытую на маленький замочек, он – тяжёлый пузатый портфель. Тронулись к избушке, в которой ждали избиратели.

...Их было шестеро: слепая старуха, лежащая на топчане у маленького окна, три её сына и две молодые женщины. У всех была одна фамилия – Каурваевы. Семья чинно сидела на кровати и неотрывно глядела на портфель. Я недоумённо посмотрел на товарища.

– Ставь урну на стол и раздай бюллетени присутствующим, – сказал Григорич, – и неторопливо достал из портфеля несколько бутылок водки и закуску.

Ханты с интересом наблюдали за напарником. Вот он налил полную кружку водки и поднёс одному из мужчин. Тот, понюхав содержимое, передал кружку матери. Старуха приподнялась, взяла её двумя руками и стала медленно цедить спиртное. Все, затаив дыхание, наблюдали за хантыйкой. Выпив водку, женщина опустила бюллетень в урну, услужливо поданную сыном, и откинулась на подушку. Через минуту она уже спала.

Наступила очередь сыновей. Каждому Григорич подносил водку в кружке, и тут же государственный документ оказывался в ящичке под замочком с печатью. Охотно выпили спиртное и молодые женщины...

Затем семья приступила к обеду. К трапезе были приглашены и мы. На столе опять появилось спиртное.

– Поздравляю семью с всенародным праздником – днём выборов, – торжественно произнёс Григорич.

Кружка опять пошла по кругу. Через час мы попрощались и нетвёрдой походкой направились к вертолёту.

– А почему сын первую кружку подал матери? – поинтересовался я у коллеги.

– Это знак уважения. У хантов до сих пор матриархат существует. Женщина – главная в родовой общине, хотя это и не афишируется.

...На другой день мы доложили руководству района о том, что выборы в национальном посёлке прошли организованно: проголосовало сто процентов избирателей.

Амазонка из леса

Каждую весну, как только вскрывались местные реки, мы, трое сотрудников редакции (заядлые рыбаки и охотники) и общий знакомый Григорич, находили наиболее спокойную речушку и на байдарках сплавлялись по ней. В пути мы много снимали на фотоаппарат и кинокамеру. По вечерам ловили рыбу на спиннинг, охотились на водоплавающую птицу, устраивали пикники. Лагерь разбивали на горном берегу реки, где росли хвойные деревья и было много сушняка.

На очередной стоянке мы отмечали день рождения редактора районной газеты Марата Мухаметшина. Приготовив имениннику незатейливый подарок – добротную ветровку, мы дружно уселись за импровизированный праздничный стол. В этот вечер Марат узнал, какой он умный и добропорядочный семьянин, отличный рыбак и охотник, опытный руководитель. Мы орала во всё горло: «Белоруссия, молодость моя...», клялись друг другу в вечной дружбе и порядочности.

...Она вышла из темноты неожиданно и бесшумно. Отблеск.

В руках женщина держала ружьё. Одета она была в дождевик, под которым была видна куртка, и штаны, заправленные в короткие сапоги.

Мы молча смотрели на невесту откуда взявшуюся «амазонку», не зная, с чего начать разговор. Я машинально посмотрел на часы – была половина четвёртого утра – время не для прогулок женщины по урману.

Григорич даже потряс головой, видимо, посчитал неожиданное появление у нас молодой особы наваждением. Но это была реальность. Гостья присела у костра и спросила:

– Можно передохнуть? Немного устала.

Мы дружно закивали головами. На вид хантыйке было около тридцати. Выглядела она довольно симпатичной. Помолчали. Нам было неудобно расспрашивать гостью, кто она и откуда. В свою очередь женщина не считала нужным рассказывать о себе. Спиртное было выпито все, поэтому мы предложили ей только кружку крепкого чая. Она приняла с благодарностью.

– Вы хорошо пели, слышно было далеко. Вот на голоса и пришла, – наконец, нарушив молчание, сказала незнакомка. – Чай душистый!

Опять наступила тишина. Стало светать.

– Ну спасибо за гостеприимство, однако пойду дальше, – хантыйка поднялась.

– Куда же вы? Ещё заблудитесь, – Марат попытался остановить женщину.

Та снисходительно посмотрела на него:

– Так я же дома, изба километрах в тридцати отсюда. Ходила к брату в гости. Утром на своих угодьях необходимо быть. Гости должны объявиться с буровой.

Мы понимающе хмыкнули: нефтяники уже достаточно изгадили тайгу, и управы на них пока не нашлось. Женщина, позвав лайку, растворилась в темноте. Так же бесшумно, как и появилась.

– Из вас кто-нибудь встречал гостей в подобной обстановке? – обратился к нам редактор. – Я – в первый раз.

Все согласились с ним. Посидев ещё немного у костра, мы полезли в палатку спать. Григорич остался у костра. Он любил коротать ночь у огня.

Глухариный ток

У нас в Среднем Приобье весенние глухариный и тетеревиный тока начинаются в начале мая. В это время в лесу ещё лежит снег. Поэтому охота на глухарей приобретает азартный, увлекательный характер. Одновременно создаёт и определённые трудности. Ведь начало любовных песен птиц приходится на три, четыре утра, когда ещё практически в двух шагах ничего не видно. Попробуйте в таких условиях тихо и незаметно подойти к токующему глухарю по насту, запинаясь о кочки и коряги, которые создают такой шум, что, кажется, он слышен на много километров вокруг. Глухарь, несмотря на своё название, очень хорошо слышит и видит.

А как он поёт! Откуда-то изнутри всего его существа, горлом, широко раскрыв клюв, раздаётся «тек, тек, тек, тек...», затем завершающая песню дробь: «...т-р – р-р». Ты замер, затаив дыхание. А вот в момент окончания своей серенады самец ничего не слышит и не видит. Всего две секунды! Но тебе надо именно за эти мгновения сделать один-два шага. И так пройти, проскакать, пробежать до полукилометра, пока подойдёшь на расстояние выстрела.

Сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди. Зрение, слух обостряются настолько, что видишь любое движение в радиусе ста метров, а слышишь ещё дальше. Наконец наступает апогей охоты – один-единственный выстрел, который ставит последнюю точку, ради которого ты столько перетерпел, перенервничал. С трепетом смотришь, как красавец глухарь падает под дерево, на котором ещё минуту назад пел песню любви.

Всё! Тебя полностью покидают силы. Но ты победитель! Ты добытчик! Весь мир у твоих ног!

Солнце только-только занимается на востоке.

Начинается новый день...

Вещий сон

И снилось мне, что на мосту мы увидели лося, затем над головой пролетела утка (хотя был уже ноябрь), а в машине под ногами валялся заяц, причём он ещё не полинял и был грязно-серого цвета.

– Это надо же, – рассказываю я другу о своём сновидении, когда мы в очередной выходной отправились на машине проверить путики на соболя, – приснится же такое.

– Как посмотреть на проблему, – философски заметил напарник, – бывает, что сны сбываются. Хотя какие сейчас утки, – успокоил он меня.

– Ты бы ружьё-то собрал, чтобы под рукой было. Может, где глухаря или тетерева встретим, тем более что выехали уже с территории заказника, – предложил я dedu.

– Успею, – отмахнулся тот.

Впереди должен появиться крутой поворот – значит первая таёжная речка в ста метрах. Вдруг водитель резко затормозил:

– Стреляйте, стреляйте, – закричал он нам, – рогац на дороге.

Мы обалдели – впереди, на мосту через речку, стоял лось. Друг лихо радочно подсоединяет цевьё. Я вытряхиваю из патронташа патроны, заряженные пулями. В этот момент сохатый лениво посмотрел в нашу сторону, мотнул головой и величаво подался через мост в лес. Вдали мелькнула его спина, и ещё долго качались ветки ели, которые он задел.

– Вот это да... – только и смог произнести водитель, – сон-то в руку.

Мы удручённо молчали. Собранное ружьё, поставленное на предохранитель, напарник аккуратно пристроил у себя на коленях. Машина тронулась дальше. Но сейчас все были сосредоточены и серьёзны, как будто стояли на номерах при загоне лося.

На этом наши приключения не закончились. Когда подъезжали к месту стоянки, неожиданно в свете фар оказался заяц, перебегающий дорогу. Чисто автоматически старый охотник приоткрыл дверцу и выстрелил. Заяц высоко подпрыгнул и упал. Я тут же выскочил из машины, подобрал добычу. Это был тот самый косо́й из сна! Грязно-серый!

– Ну теперь осталось увидеть утку, и твой сон точно вещий, – резюмировал товарищ, – но навряд ли, снег кругом.

Проверили путики: ничего не попало – видимо, собо́ль ещё не набил троп. Обновили приманку и отправились в обратный путь. На пути к посёлку, около болотины, где бил родник, над нами (мы уже были готовы и к этому) пролетела утка! Хохоча, выстрелил ей в след. Селезень упал прямо под колёса машины...

ПОЭЗИЯ

Анжелика БИВОЛ

Время белых ночей

Не темнеет в июне в Сургуте,
Правит бал время белых ночей.
Птичий гомон под окнами будит,
И светло, как от сотен свечей.

Расцвели одуванчики дружно,
Ярко-жёлтым газоны пестрят.
Ждём тепла, нам так всем это нужно,
Лета ждём, лишь бы только не зря.

Пахнет сладко черёмуха снова,
На проспекте – тюльпаны в цвету.
Вечер хладный дождливо-лиловый
День уставший сменил на посту.

За оконным стеклом

А у нас за оконным стеклом – кружева,
Дерева в белоснежном наряде венчальном,
Солнца блеск и морозных небес синева.
Для изящной картины ищущу я слова
Описать этот радостный день изначальный.

За окном – кружева! Постаралась зима,
Напряла белых нитей, платков навязала,
Наткала гобеленов прекрасных сама,
Человеку на это не хватит ума –
Каждый кустик ажурным укрыть одеялом.

Ах, зима! Я-то встречи с тобою боюсь –
Слишком долго гостишь, белизной утомляя,
То ажурной твоей красотой вдохновлюсь,
Прогоню из души надоевшую грусть
И смирюсь: будь хозяйкою нашему краю.

Зима

Зима. Сугробы и метели,
Короткий день и монохром.
Бездомный ветер на свирели
Миnor играет за окном.

Зима. В снегу земля и небо,
Закоченел весь белый свет.

И мы в прогнозы верим слепо
И в верность дедовских примет:

Что звёзды выше и яснее,
Коль крепнет на дворе мороз,
А кошка спит у батареи,
Закрыв пушистой лапой нос.

Снег идёт предновогодний

Снег идёт предновогодний,
Заметая город наш.
День особенный сегодня –
Белым пишется пейзаж.

Словно кистью неумело
По ветвям прошёл кто,
Деревам даруя смело
Серебристые пальто.

Красок зимних не жалея,
Сыплет снеги небосвод.
В белых кружевах аллея,
Нарядившись, праздник ждёт.

Я буду ждать

Я целый год буду ждать тебя,
Моя краса и души отрада,
Разлуки боль на куски дробя
В пустых аллеях больного сада.

Я буду ждать, приходи скорей,
Неси с собою дожди, туманы,
Оранж и охру на мир разлей,
И запах прели, тягучий, пьяный.

Я буду ждать и готовить зонт,
Цветные шляпки и палантины,
И за сезоном менять сезон,
И акварелью писать картины.

Я буду ждать, сочинять стихи
И отправлять в забытье мгновенья.
В ночи услышав твои шаги,
Навстречу выйду, души спасенье.

Холодно миру

Холодно миру в продрогшем скупом феврале.
Ветры безжалостно день беззащитный пронзают.
Чувства застыли, как колотый лёд в хрустале,
Душ не тревожат давно и сердец не терзают.

Холодно миру, кружится седая метель,
Крупкою сыплет колюче, слезу выбивая.
Стелет бесстыдно из снега морозу постель –
Бел простыню на весь свет, без конца и без края.

Холодно миру. Куражится, злится зима,
Жизни своей календарь час за часом листая.
Утро. Мороз. Припорошены снегом дома.
А за морями готовится в путь птичья стая...

ПРОЗА

Мила РОМАНОВА РАЗМЕННАЯ МОНЕТА

Рассказ

– Посмотри, что я тебе принёс! – Дмитрий опустил руку в карман и затем протянул её Егору.

На его ладони лежала большая серебряная монета, на которой хорошо был виден портрет Екатерины I.

– Монета? Откуда? – удивился Егор.

– Нашёл дома в бабушкиных вещах. После того как она умерла, а её квартиру продали, вещи так и лежали дома неразобранные. Вот я и решил навести порядок. И нашёл это. Вспомнил, что мой лучший друг – нумизмат, и принёс монету тебе.

– Спасибо, конечно. Но я не могу её взять.

– Почему?

– Ты знаешь, сколько она стоит? Это же серебряный рубль 1725 года. Такая монета стоит кучу денег!

– Не преувеличивай. Прямо уж кучу! Кроме того, наша с тобой дружба стоит дороже. Так что – дарю! – и положил монету прямо в руку Егора.

– Ты уверен?

– Ещё как уверен!

– Ну тогда спасибо ещё раз. Мне бы такую монету никогда не купить. Их очень мало в продаже попадается, все в основном находятся в частных коллекциях. Так что, Димка, ты мне раритет подарил!

И он с любовью и азартом коллекционера стал рассматривать монету. Она была в хорошем состоянии: и портрет императрицы, и надпись, и двуглавый орёл на другой стороне.

Потом поднял глаза и радостно улыбнулся:

– Спасибо, друг, – и протянул руку Дмитрию, которую тот крепко и искренне пожал.

...Егор познакомился с Димой в пятом классе. Отца Егора перевели на новую работу, и они всей семьёй переехали жить в другой город. Учебный год уже начался. Когда Егора привели в класс, занятия шли полным ходом.

– Это Егор. Он будет учиться в нашем классе, – представила нового ученика классная руководительница. – А теперь выбери себе место и садись, – обратилась она к Егору.

Тот немного растерялся. Он был невысокого роста, хилый и тщедушный. Носил очки из-за плохого зрения и часто болел. Для него было большим стрессом поменять город и школу. Сейчас он стоял в центре класса и не знал, куда ему сесть.

– Что-то очкарик нерешительный какой-то! Может, помочь тебе, парняга? – подал голос с задней парты Федька Петров. Он был второгодником. Высокий и плотный, с рыжими волосами и громким голосом, он был грозой всех ребят в классе, да и в школе вообще.

– Петров! Прекрати! – учительница повысила голос.

– Типа прекращаю! – прокомментировал Федька, которому учительница давно была не указ.

Егор продолжал стоять, растерянно осматриваясь по сторонам.

– А садись ко мне, – вдруг подал голос невысокий парень, что сидел на второй парте в среднем ряду, – тебе тут удобно будет.

Все ребята повернулись в сторону говорившего. Димка Соколов с детства занимался боксом. Это, пожалуй, был единственный человек в классе, которого Федька Петров никогда не трогал. Он даже списывать у него никогда не пытался. Знал: сам списать не даст, поскольку принципиальный, а заставить не получится. Когда-то в самом начале учебного года Федька пытался «выяснить отношения» с Димкой путём применения кулаков. Но позорно проиграл. С тех пор Димку обходил стороной и в школе, и за её пределами.

Егор подошёл к парте и очень по-взрослому протянул руку:

– Егор!

Димка пожал её искренне:

– Дима!

С тех пор прошло много лет, но они так и остались друзьями. Школа давно осталась позади, а также армия и ещё добрый кусок жизни. Сейчас Егор занимал достаточно значимое место в местном муниципалитете и даже собирался баллотироваться в Думу. Дмитрий работал в детской спортивной школе тренером. Но дружба их с тех пор только крепла.

– А что, Димон, давай махнём завтра за город? Пятница ведь. Посидим на берегу, порыбачим, ушицы поедим. Согласен? – Егор оторвался от разглядывания монеты и поднял глаза на друга.

– А давай! – ответил тот.

На следующий день Егор заехал за Дмитрием на работу. Тот как раз заканчивал тренировку. Услышал сигнал автомобиля, выглянул в окно:

– Все, ребята, тренировка окончена! Всем пока! Встретимся в понедельник! – и заспешил в раздевалку. Он пришёл на работу с вещами, чтобы не тратить время и сразу поехать за город. В пятницу вечером дорога всегда бывает загруженной, многие горожане стремятся уехать на природу, чтобы провести там выходные дни. Поэтому если выехать пораньше, была надежда не попасть в пробку.

– Привет, Егор! – Дмитрий открыл дверцу и сел на переднее сиденье. – Ну что, вперёд?

– Вперёд, друг мой! – ответил ему Егор и нажал на газ. Дмитрий почувствовал в воздухе странный запах, принюхался. Нет, ошибки быть не могло.

– Егор, ты что, выпил? – спросил он, повернувшись к другу.

– Немного. Пару рюмок коньяку. День рождения у начальства, нужно было уважить.

– Ну и как ты поедешь? Пятница, вечер, полицейские на каждом перекрёстке...

– Но ты же знаешь, что меня они тормозить не будут. Мою машину местная полиция знает. Так что не дрейфь! Прорвёмся.

– И всё-таки, – не унимался Дмитрий, – может, лучше за руль сяду я? Мало ли что.

Когда-то давно Егор оформил доверенность на управление автомобилем на Дмитрия и вписал его в страховку так, на всякий случай. Случай этот бывал крайне редко, но сегодня, кажется, случился.

– Да ладно тебе! Раскудахтался как курица. Не бойсь! Всё будет хорошо.

Они подъезжали к оживлённому перекрёстку на окраине города, недалеко от контрольного пункта дорожной полиции. Впереди следовал старый красный жигулёнок шестой модели, постепенно притормаживая перед перекрёстком.

Егор наклонился к приёмнику и стал переключать каналы, пытаясь найти приличную музыку.

– Егор! На дорогу смотри! Тут вон пробка вообще... – Дмитрий повернулся к нему.

– Не нужно меня учить! – огрызнулся Егор и выпрямился. Нога сползла с педали. Он поставил её обратно и понял, что Дима прав: нужно тормозить. Нажал педаль сильнее. Вместо тормоза – газ.

Машина подпрыгнула на месте, в доли секунды догнала красный жигулёнок и со всей силы врезалась в него сзади.

– Егор! Ты в порядке? – Дима тряс его за плечо. От удара о руль тот на мгновение отключился.

– В порядке, если можно так сказать, – Егор потёр лицо руками. – Вот чёрт, угораздило! Не хватало ещё накануне выборов попасть в хронику дорожных происшествий. Ещё как назло и полиция рядом. И журналисты налетят как вороны. Их хлебом не корми, сенсацию подавай.

Он увидел, что полицейские заметили аварию. А из красного жигулёнка уже показался водитель. Это был высокий седой старик в пиджаке. Когда он повернулся к ним лицом, Егор с Дмитрием увидели, что вся грудь его в орденах, а среди наград красовалась медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

– Ох ты! Посмотри, у него не грудь, а иконостас. Похоже, неприятности не заставят себя ждать. Конец моей репутации, – продолжал сокрушаться Егор.

– Слушай меня внимательно. Сейчас быстро выходим из машины и меняемся местами. Понял? Пока сюда никто не пришёл. За рулём был я. Ты сидел рядом, – спокойно и решительно произнёс Дмитрий.

– А как же?..

– Давай, пошли, – и Дмитрий вышел из машины. Егор тоже едва успел выскочить, как владелец красного жигулёнка направился к ним.

...Прошло несколько месяцев. Избирательная кампания закончилась, и Егор получил депутатский мандат. Дмитрий, а его лишили водительских прав на год, по решению суда должен был восстановить повреждённый автомобиль Прохора Георгиевича Сизикова, который оказался не только Героем Советского Союза, но и дважды кавалером ордена Красного Знамени.

Заработная плата у преподавателя спортивной школы очень небольшая, но теперь половину её удерживали, чтобы возместить ущерб пострадавшему. Егор обещал со временем всё вернуть. Но только позже, не сейчас. Нужно сначала восстановить свой повреждённый в аварии автомобиль, а это ведь немалых денег стоит. Машина импортная, отремонтировать нужно на специализированной станции технического обслуживания, а не где попало. Кроме того, на выборы много денег пошло. Да и вещи нужно некоторые купить. Такие, что соответствуют его нынешнему статусу: дорогие очки, часы, ручку, зажигалку. А это тоже расходы.

Дмитрий только молча махнул рукой: мол, ладно, когда сможешь, тогда и отдашь.

Время шло, у Егора появилось множество новых обязанностей. И новых расходов, постоянно требующих дополнительных средств. Про долг Дмитрию забыл. Вернее, не забыл, а всё чаще убеждал себя в том, что точно: это не он, а Димка был тогда за рулём. Убеждал, убеждал, пока полностью не поверил, что это правда. Общаться с другом перестал. Когда тот звонил или заходил, отвечал, что очень занят. Обещал перезвонить сам. Когда освободится. Но никогда не перезванивал. И та великая дружба, которая, казалось, была проверена годами, разменялась, растратилась. Как деньги.

Вот, например, возьмёшь купюру пятитысячную и разменяешь на монеты и купюры поменьше. Один раз купил что-то, второй, третий. А потом смотришь, денег совсем не осталось. Вот так и дружба. Была да растерялась вся. Распалась на части, превратилась в разменную монету.

Прошло ещё полгода. В этот день Егор принимал граждан по личным вопросам. Народу в этот день было много: просьбы, жалобы, нарекания, обращения. Егор порядком вымотался и мечтал только об одном: поскорее закончить всё это и поехать на обед. Обедать он любил в маленьком итальянском ресторанчике, где готовили великолепную лазанью и пасту.

– Закончили? Больше посетителей нет? – спросил он помощника, подняв трубку телефона.

– Последний остался. Пусть заходит?

– Давай.

Дверь открылась, и Егор увидел, как в кабинет вошёл старик. Худой, высокий, в чёрном пиджаке с орденами на лацканах. Егор узнал его сразу. Это был тот самый «пострадавший» во время аварии.

– Прохор Георгиевич Сизиков, – представился вошедший.

– Добрый день, Прохор Георгиевич. По какому вопросу ко мне?

– Дело в том, что есть у меня друг старинный, Семён. Мы с ним с детства вместе. Всю войну прошли и живыми домой вернулись. Он меня там, на фронте, из-под пуль вытащил раненого. На себе тащил. Врачи сказали, что чудом я жив тогда остался, и только благодаря другу. Потом после войны на заводе вместе работали: я – мастером, он – сварщиком. Семьями дружили, в гости друг к другу ходили. Все эти годы просто не разлей вода. Потом жёнку его схоронили. А потом и мою тоже. Дети выросли, разъехались кто куда. Только мы с Семёном вместе и остались. Живём мы в одном дворе, но дома разные. Так вот. Узнали мы, что дом Семёна готовят под снос. Может, оно и правильно, ветхий он совсем, отремонтировать смысла нет. Да и живём-то мы в самом центре города. Но всех жильцов дома расселять должны. И квартиры новые им дают совсем в другом конце города, на окраине. Мы уже старые оба. На другой конец города не наездишься. Вот и пришёл я просить: или меня тоже переселите рядом с ним, или уж оставьте его рядом. Может, можно не расселять его так далеко...

Старик замолк, глядя на Егора с надеждой и ожиданием. Егор хотел ответить, что, мол, нельзя. Есть план расселения, и нарушать его не положено. Он уже приготовился сказать первую фразу, как вдруг случайно опустил руку в карман и нащупал там монету. Достал и, опустив глаза, посмотрел на неё. Это была та самая монета с портретом Екатерины I, которую когда-то ему подарил Дмитрий.

«Откуда она здесь? – мелькнуло в голове. – Я же её в альбом положил. Хорошо помню. Принёс домой – и сразу в альбом».

– Так можете? – услышал он голос Прохора Георгиевича.

– Попробую, – он слышал свой голос как будто издали, – всё, что в моих силах... Приходите через неделю.

– Обязательно приду! – Прохор Георгиевич ответил радостно, бойко, с надеждой. – Спасибо вам. И до свидания.

– Всего хорошего, – отозвался Егор.

Старик повернулся, чтобы выйти из кабинета, а потом, как будто вспомнил:

– А я ведь вспомнил, где видел вас раньше. Авария была. В мой красный жигулёнок иномарка въехала. Потом ещё суд был, и виновник мне деньги выплачивал долго. Дмитрий Соколов, так, кажется? Проклятый склероз,

всё забываю. Так вы ведь тоже там были. Верно? И за рулём сидели вы в момент аварии, а не он. У меня хоть память и плохая, а зрение хорошее...

– Вы это сейчас к чему? – опешил Егор, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

– Просто так, – почему-то весело произнёс старик. – Ведь по всему выходит, что друг ваш тоже в какой-то степени «вынес вас из-под пуль», – и, заметив состояние Егора, добавил: – Да не злитесь вы, господин депутат. Никуда я не пойду и никому ничего не скажу. Человек я старый, мне уже о душе да о смерти думать пора. И рассказал я об этом совсем не для того, чтобы заставить вас действовать. Просто подумал, что если рядом с вами такой человек, как Дмитрий, значит и вы знаете, что такое настоящая мужская дружба. До свидания! – и вышел из кабинета.

Егор несколько минут сидел неподвижно. Потом подбросил монету вверх и поймал, подвинул к себе телефон и набрал хорошо знакомый номер:

– Димон, привет! Прости, ради Бога, что пропал. Всё дела депутатские. Я встретиться хотел, деньги отдать. Должен ведь я тебе немалую сумму. Да и просто отдохнуть, пивка попить, пообщаться. Давно не виделись. Когда? В пятницу? Отлично! Заеду за тобой, махнём на рыбалку, ушицы поедим...

Он положил трубку и ещё раз подбросил монету. А когда поймал, положил на ладонь и стал внимательно её рассматривать. Монета серебрилась на ладони, а императрица Екатерина улыбалась величественной, одобряющей улыбкой.

ПРОЗА

Елена АНИСИМОВА

В мире животных

Небо показывало «В мире животных». Черепахи, крокодилы, рыбы, уже давно вымершие существа, даже не успевшие попасть в Чёрную книгу людей, не спеша проплывали над морем. Утомившись от показа звериного парада, небо задёрнуло экран перистой облачностью и хотело расплакаться, но передумало и расцветило морские барашки бирюзой и лазурью. Барашки оживились и наперегонки бросились к берегу, подгоняя друг друга. Выскакивая на прибрежные камушки, они рассыпались мелкими солёными бусинками, радуя ребятишек. Взрослым, лениво греющимся на лежаках, совершенно не было дела до небесных и морских животных в надзвёздных сферах. Их интересовало только время завтрака и обеда, лечебных процедур, выезда на экскурсии и продажи алкоголя. Детей же интересовало все: изнывающие от жары пляжные собаки и пролетающие птицы, пахнувший йодом воздух и цветные камушки с ракушками... А небо было равнодушно к интересам людей. Небо просто обнимало свою планету...

Колыбель жизни

Кошачьей походкой, перекатываясь с носка на пятку, не торопясь иду к морю. Сброшенная одежда лежит на сумке с дремлющим Масем. Мягким лунным светом месяц игриво прикасается ко мне. Легонько щекоча шею, грудь, бархатно спускаясь по моей коже к морской глади, щедро одаривает серебром... Он по волнам прокладывает лунную дорожку к самому горизонту, предлагая отправиться вместе с ним к таинственно мерцающим звёздам. Чувствуя себя ведьмой, я соглашаюсь на искушающий призыв и погружаюсь в молочную негу... Тёплое с лёгкой прохладцей море поглощает мои ступни, подбирается к ямочкам колен, поглаживает бёдра, увлекая в бездну. Я растворяюсь в волшебном эликсире, напиваясь его магической силой... Меня больше нет... Существует только роскошное морское дно, заполненное энергетической субстанцией, и насмешник месяц, дразнящий серебристо-мерцающими прикосновениями...

Но вечность всё же заканчивается, и наступает время возрождения. Обновлённая и божественная, как новоявленная Афродита, я покидаю колыбель жизни и возвращаюсь в реальность.

Море и месяц

Морские волны изо дня в день, из века в век, приглушая возмущённый шорох своим плеском, стирали каменные грани разрушенных исполинов, превращая их в прибрежные голыши. Море любило их всех: больших и маленьких, светлых и тёмных, неуклюжих и подвижных. И упорно учило быть едиными. А для того, чтобы всем вместе им было комфортно, море тщательно обтирало свои камешки, ласково шепча каждому о покорности судьбе.

Вечернее солнце прощально гладило макушки кипарисов, вдохновлённо тянувших вверх тонкие ажурные ветви. Птицы, спешащие на ночлег,

натягивали на линию горизонта розовые полотна. Сумрак вкрадчиво поглощал побережье, а нетерпеливый месяц уже раскидывал по воде серебряные блёстки млечного пути. Прощальным лучом солнце подмигнуло месяцу и продолжило своё шествие, открывая всё новые дали.

Не заметивший ухода светила, одинокий месяц усердно строил светлый путь к далёким от земли звёздам. Путь был необходим, ведь именно по нему души влюблённых пар, слитые воедино, царственно шествовали в новые миры, созданные Творцом именно для них. Миры, где уже ничто не могло их разлучить. Это право они получили за терпение, веру и преданность друг другу на земле.

Краткие земные мгновения не позволяли месяцу построить надёжный и долговечный мост и, недовольный несовершенством творения, ночной хозяин небосвода сам разрушал его, и расстроенный, спешил удалиться. А море оставалось, по-прежнему шурша прибрежной галькой и волнами...

Ты и я...

Просыпаясь утром, хочется ощутить тяжесть твоей руки на моей талии. Плотно прижаться к твоему разгорячённому телу, раствориться в наполняющей неге и блаженстве... и только после этого открываться наступившему и неизбежному. Каждый новый день — это таинство. Что нас ждёт: успех или разочарование, встречи или расставания, радость, грусть, ожидание? Как ляжет карта у насмешницы судьбы, предсказать сложно. Нам остаётся только надеяться на свои силы и милость богов.

То, что мы с тобой всё-таки проснулись, уже есть дар, и значит, удача с нами. Какими событиями мы заполним этот краткий миг нашего существования? Конечно, начнём с завтрака, потому что так заведено. Обычно по утрам я плохо ем, и ты тоже. Посмеиваясь над зря перепачканными чашками, я скажу, что уже насытилась тобой... Ты улыбнёшься, нежно прикоснёшься к волосам, и мы будем собираться ... и строить своё будущее из разрозненной мозаики настоящего. Так, незаметно, в суете, пройдёт день.

Встретившись вечером дома, мы улыбнёмся друг другу, ведь это самое важное событие — снова найтись в суете и хаосе мира, в котором тени зла следуют за тобой, поджидая урочного часа. Нам повезло, мы можем прикасаться друг к другу, смешивать коктейли и ругать нашу сборную по футболу. Душ, ужин, мягкая кровать — жизнь продолжает нас баловать своей благодатью. Я вновь прижимаюсь к тебе, твоя рука на моей талии...

Неловко повернувшись, просыпаюсь и ловлю уккоризненный взгляд антрацитовых собачьих глаз Масика, подтверждающих, что чудный сон окончен...

Сочи

Жаль, что ты не можешь побродить по ночному Сочи вместе со мной, уверена, ты полюбил бы его так же, как и я. Я покажу свою любимую лавочку с улиткой, мы потёрли бы ухо Ван Гога и груди гарпии. А воздух, наполненный ароматом тропического разноцветия, — крупной и такой нежной магнолии, олеандра всех оттенков радуги, стриженных кустов, развесистых пальм. Мы бы бродили по тёмным улицам в свете причудливых фонарей, и кроме нас на улицах ходили бы только разномастные кошки, задирающие Масика. А спустившись на набережную, мы бы

слушали ритмичные напевы плещущейся воды о диковинных рыбах и могучих альбатросах. Горько-солёный запах моря, смешанный с дурманом олеандра, пьянил бы воображение. Вернувшись с рассветом в дом, мы бы снова слушали серенаду древесных лягушек. Подушечками пальцев я бы ощутила все шероховатости твоей спины и разглядела родинки. Если смотреть на них рассеянным взглядом, то они оживают в потрясающие картины... Жаль, что я не могу погулять с тобой по ночному Сочи...

Днём Сочи совсем другой. Огромное количество людей, неспешно идущих на все четыре стороны, освобождённых от бесконечных проблем, открывающих природе душу и чакры. Жёлтая тротуарная плитка для инвалидов, торопливые маршрутки, кипарисы и пальмы... Мы бы не торопились с тобой гулять. Проснувшись к обеду, потягиваясь и стряхивая сонную лень друг с друга, шли бы в кафе пить ароматный настоящий кофе, который варят на песке. Затем, запасшись провиантом, поехали бы на пляж, в котором есть лестница, ведущая прямо в море... Её широченные нагретые ступени радостно прогревают льнущие к ним тела. А рядом – берег, на котором можно загорать хоть в купальнике, хоть без, и никто не обращает на это внимания.

И, конечно, сразу захочется нырнуть... Ты должен очень хорошо плавать, а мы с Масиком ждали бы тебя на берегу, плескаясь в мягкой морской пене. Потом ты бы рассказывал, как ловят крабов и рыбу, разные интересные истории и забавные случаи. И только незаметно опустившийся вечер напоминал о том, что уже пора возвращаться. В приглушённом свете мы бы шли по терренкуру, восхищаясь величественными деревьями и буйством растительного царства. А в середине пути, поднявшись на смотровую площадку, обнажающую водную гладь до самого горизонта, я бы обязательно легонько прикусила твоё плечо, ощутив губами солоноватый вкус твоей кожи и моря...

Море и люди

Море было равнодушно к людям. Взрослые и малыши, толстые и худые, бледнокожие и обгоревшие на солнце, все они стремились войти в целительную колыбель, совершенно не задумываясь, нужны ли они морю. В отличие от людей мидии, крабы и морские рыбы были его детьми, которых оно кормило, вращивало и оберегало. Вот только неразумные дети моря не понимали, как опасна для них встреча с человеком, бездушно уничтожающего жителей подводного царства...

Теряя своих детей, море начинало плакать. Куталось в серые одеяния дождевых туч, стонало громовыми раскатами, а свирепые штормовые волны разбрасывали ненавистные корабли и утлые лодчонки. И только солнцу удавалось утешить горе, приглаживая грозные буруны ласковыми лучистыми прикосновениями.

А люди были равнодушны к происходящему. Им вообще свойственно быть равнодушными, особенно к другим людям. Продолжая погружать свои тела в исцеляющую купель, толстые и неуклюжие на земле, в воде они становились подвижными и гибкими, обретая лёгкость и грацию.

Море делало каждого пришедшего к нему человека счастливым. Но ни один человек не задумался, что же он сделал для моря...

ПРОЗА

Вадим ГРИЦЕНКО

ПАРХОМЦЕВ И ПСИХОЛОГИЯ

Хорошо бы знать психологию хорошо. И уметь практически её употреблять. Как Коля Пархомцев.

* * *

Январь 1993 года. В стране – бардак, нищета и становление бизнеса. А в сибирском городе Тобольске – три часа ночи и мороз дополнительно. Фонари не горят из-за дефицита грошей в городской казне. Телефонный звонок.

– Вадим? Это Пархомцев. Как дела?

– Никак. Сплю.

– А мы в Тобольске, из Тюмени прибыли. Ты не мог бы нам провести экскурсию по городу?

– Сейчас? Ночью?

– Да, сейчас.

– Ну хорошо, подъезжайте. А что это вдруг вам экскурсия понадобилась?

– Да это не нам, а китайцу.

– Какому китайцу?

– Китайскому китайцу. Приехал у нас покупать лес.

– А по-русски он понимает?

– Нет.

– А как же экскурсия?

– Ты же историк, значит, проведёшь.

Через полчаса я в движущейся машине в компании Пархомцева, двух русских и одного китайца рассказываю об освещаемом луною древнем Тобольске. Китаец, глядя на меня, широко улыбается и постоянно кивает головой. Кажется, он доволен.

* * *

Сентябрь 2008 года. На берегу Обской губы погода пасмурная, но и она не может скрыть буйства осенних красок тундры. По мхам и лишайникам, придавливая заросли карликовой берёзки, мчится восьмиколёсный вездеход ARGO. За рулём – длинное туловище Николая Владимировича. Вдруг остановка.

– Что такое?

– Не знаю. Не едет что-то.

Группа мужчин открывает капот и начинает щупать пальцами машинные внутренности.

– Ремень порвался!

– Что делать?

Тем временем вечереет так, что мрак должен наступить очень скоро. До ближайшего населённого пункта, небольшого ненецкого посёлка, куда, кстати, нет никакой дороги, насчитывается шестьдесят километров. Ещё в восьмистах метрах стоит одинокий недостроенный дом, в котором живёт такой же одинокий Валерий Котлярчук. Всё остальное – приполярная пустыня. Вездеход стоит больше миллиона рублей. Бросить как-то жалко. Такой расклад.

- Надо к Валере идти, – подаёт голос Пархомцев.
- И что толку?
- Валера – хохол?
- Хохол, и что?
- Если Валера – хохол, то у него такой ремень должен быть.
- Откуда у отшельника в ненецкой тундре ремень к канадскому снегоходу?
- Я ещё раз спрашиваю: Валера – хохол?
- Ясное дело – хохол. И что?
- У хохла должно быть.

Через пятнадцать минут хохол Валерий Котлярчук с бурчанием выносит из кладовки ремень вариатора: «Попробуйте, может быть, подойдёт». Ремень подошёл лучше родного.

Едем обратно. Пархомцев похлопывает меня по плечу: «Я же говорил, что у хохла должно быть».

* * *

А вот наш случай с другим Валерой, но примерно там же...
Август 2009-го.

– Вы только лишнего ему не наливайте, а то он спать вам не даст. Шелунов, – инструктировал нас на пристани Сергей, хозяин единственного жилища в урочище Хэ. При этом кран грузил на катер многочисленную поклажу, солнце светило ярко, настроение было радужным. Замечанию хозяина я особого значения не придал. Отмахнулся:

– Да ладно, как-нибудь разберёмся.

Стоящий в сторонке Николай Пархомцев сделал шаг ко мне:

– Ты, Вадим, отнесись к этому серьёзно. Встречал я таких типов. Весь отдых может пойти насмарку.

– Да хватит уже! – недоволен я.

– Ещё раз тебе говорю: не маши рукой! – настаивает Пархомцев.

* * *

И вот спустя почти сутки мы в Хэ. Это короткое название фактически означает огромный участок берега, прилегающую акваторию с низкими, поросшими ольхой островами, и единственный дом, где проживает, окарауливая его своим присутствием, мужчина по имени Валера.

Его внешность, формируемая одеждой и степенью небритости, очень типична для ближайших старожильческих посёлков Кутопьюгана и Нори. Ниже пояса – неопределённого фасона штаны и сапоги-бродни. Выше пояса – выцветшая энцефалитка и обесформевшая шапка-ушанка производства прошлого столетия. Небритость – явная и смачная, как в кино. Ещё у Валеры характерная манера речи, как у наркоманов-анашистов – тихая, с потугой. Но Валера не наркоман, с такой речью он, видно, родился.

А ближайшие посёлки только по местным понятиям ближайшие. До Кутопьюгана – сорок вёрст, а до Нори все восемьдесят наберётся. Так что за хлебом не сбегает, тем более что дорог нет совсем: либо топкая тундра, либо Обская губа с её склонностью маленько поштормить да какой-нибудь кораблик на мель выбросить. Сама природа заставляет смотреть преимущественно на волны, на безбрежное, уходящее за горизонт, к полуострову Ямалу водное пространство, меняющее цвет в зависимости от погоды и освещения.

Как говорится, по телевизору только море.

В такой обстановке как не разойтись? Романтика ведь. Особенно в присутствии рыбы-муксуна, настойчиво просящего, чтоб его съели исключительно в малосольном виде. При этом настроение хорошее, а вера в человечество и его отдельных представителей абсолютна. Да и вообще быть скупым – стыдно. Пусть про Валеру и предупреждали, но я опять наклоняю стеклотару.

И тут после пятой рюмки, неторопливо, как бы выдавливая слова, Валера подаёт голос:

– Мужики! Там за ближайшим лесочком медведь ходит, так вы его не стреляйте. Это мой медведь.

Немая пауза за столом демонстрирует наше недоумение.

– Валера! Мы вообще никого стрелять не собираемся.

Теперь паузу выдерживает Валера. Очень долгую паузу. Когда молчание надоедает, мы продолжаем давно начатую оживлённую беседу. И тут снова не в строку лыко:

– Мужики! Вы только моего медведя не стреляйте. Это мой медведь.

Мы огорчены тем, что беседа перебита.

– Да зачем нам твой медведь! Пусть живёт. Мы хотим только немного рыбки поймать.

– А медведя не вздумайте стрелять. Этого медведя стрелять нельзя.

– Да хрен на твоего медведя!

Мы направляемся спать. Перед свиданием с морфеем разбредаемся по малой нужде. Ветер совсем утих, и слышно, как зудит одинокий комарик. И тут из-за спины:

– Вы, конечно, можете делать, что хотите, но медведя моего не трогайте! Это уже надоело. Поворачиваюсь к Валере:

– Шёл бы ты в люлю!

Валера и трезвый-то говорил не быстро. А сейчас его речь вовсе тянется как липкое дрожжевое тесто:

– Нет, послушай, медведя стрелять нельзя. Я его сам не стреляю и вам не дам.

– Иди ты в задницу со своим медведем! Мне спать надо!

Вот и подушка. После тяжёлых суток путешествия без отдыха сон наваливается быстро. Сладко... сладко...

– Слушай! Медведя моего...

Это уже сродни удару исподтишка. Так хочется спать, а этот тип опять со своей темой.

– Валера!!! У тебя какая-то медвежья болезнь, чтоб ты был здоров. Не попробуешь ли заткнуться?

При этом я с рыком ретируюсь за печку, занимая дальнее лёжбище. Снова начинает окутывать сон. Валера что-то недовольно бубнит, выходя из дома.

Последующие три дня, когда все вокруг перемещаются по разным делам, то перебирая сеть, то готовя пищу, то топя баньку, ослабевший Валера в основном сидит на табурете в кухне или на травке во дворе и, заводя разные монологи, неизменно возвращается к одному и тому же:

– Не стреляйте моего медведя!

Честно говоря, лично мне этот рефрен портит жизнь минимум процентов на пятнадцать. И поневоле вспоминается наставление Сергея перед отъездом:

– Вы только лишнего ему не наливайте!

А тут ещё и Пархомцев ехидно подливает масла в огонь.

– Ну что, Вадим? Я же говорил тебе. Губит, губит нас доброта...

ПОЭЗИЯ

Валерий АКИМОВ

На родине Юрия Вэлла

На первый взгляд он будто бы простой, Но как им жизнь по-мастерски воспета!	Увидеть в яви виденные им Картины, что к себе его манили, Где был поэт с рождения своим... И поклониться там его могиле.
Давно хотелось мне узнать про то, Что вдохновляло творчество поэта	Где будет в дополненье к торжеству Музейный парк ждать
И двигало отдельные слова, Чтоб строчкам стать нетленными стихами,	под открытым небом, Для нас рождённый не по волшебству,
И где живёт о мастере молва, И что сотворено его руками,	Чтоб души тешить в нём не ширпотребом.

Ура! Я здесь! Вбирая аромат,
Пишу в блокнот своё стихотворенье
Тому, кто был и для меня собрат,
На ком не будет никогда забвенья!

Обласочек, обласок...

Просыпается округа.
Слышен звонкий голосок,
Песнь поёт моя подруга:
«Обласочек, обласок,

На весло своё игриво
Повяжу я поясок.
Мне без милого тоскливо,
Обласочек, обласок...

Расставались мы, целуясь,
Горизонт в огне пылал...
Нам от жарких поцелуев
Клюква сладкою была.

Мчи к нему, мой верный облас», –
Солнце нежит ей висок:
«Тут моя родная область,
Обласочек, обласок...»

Ветер дует в грудь упруго,
Чёлн – стремителен и скор.
И ко мне спешит подруга,
Всем волнам наперекор.

Сибирское многоборье

Состязаться мне в охоту,
Я надеюсь на успех:
С палкой, словно по болоту,
Пробегу быстрее всех.

Напрягусь, расправлю спину...
Кто сильнее, кто быстрее?
Много раз тынзян накинута
На заждавшийся хорей.

И дугою брови выгну,
Устремлю вперёд свой взор:
Столько нарт я перепрыгну,
Далеко метну топор.

От реки моё всеилье!
Не в тайге, а на песке
Улечу я, как на крыльях,
Дальше всех в тройном
прыжке.

Сил своих не пожалею.
Хант, а раньше был остяк,
Победить всегда сумею,
Потому что – сибиряк!

Думы старого шамана

То, что схоронят меня, не беда, Буду я с вами везде и всегда,	Править незнанье, в болезнях лечить,
Вам не оставлю и капельки лени, Чтобы в стадах здесь тучнели олени,	Чтобы любили вас власти и боги, С радостью ждали бы нарты дороги,
Чтобы из чумов курились дымки, Семьи хантыйские были б крепки,	Рыбы в озёрах достало б на всех, Не прекращался бы радостный смех,
Чтобы всегда слух ласкал детский топот, Было б кому передать весь наш опыт,	Чтобы в охоте ждала всех добыча, Не забывали б вы наши обычи,
Жизнь постараюсь для вас облегчить:	Словно в трясине добротная гать, Стану и с неба я вам помогать!

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Ханиса АЛИШЕВА

ЩЕДРАЯ ДУША И ЗОЛОТЫЕ РУКИ МОЕЙ ЗЕМЛЯЧКИ АЛЬФЕИ МУХАМЕТОВОЙ

Альфея Мухаметова как художник состоялась на Севере. Но после переезда в Тюмень её талант расцвёл, заиграл новыми красками, заискрился, как снег под лучами зимнего яркого солнца. Здесь она успела подготовиться к юбилею, издать солидную книгу с каталогом картин, организовать и провести не одну масштабную выставку.

Успех творческой личности определяется новыми трудами, умением преподносить этот труд людям, обществу, народу. Самая большая радость для профессора – написать и издать книгу, подарить её близким, друзьям, в библиотеки, для художника – создать произведения искусства, устроить выставку, созвать близких, родных и друзей! Мухаметова Альфея приглашает меня на все выставки, я хожу на них, как на экзамен. Очень волнуюсь за Альфею, переживаю, хочу, чтобы всё у неё получилось.

Для меня Альфея не просто одарённый человек, великий художник, она – моя землячка, моя гордость! Альфея родилась в Юрге, я – в Тюмени. Но мы с ней птенцы, выпавшие из одного гнёзда – так называемых юрт Чечкинских. В Чечкино родились мои родители, и отец Альфеи тоже родился в Чечкино.

«Земля, рождающая краски» – так назвала свою новую выставку Альфея. Я прошлась по большому университетскому выставочному залу, прочла все этикетки. Автор даёт своим произведениям очень точные, ёмкие, красивые названия. Все представленные новые работы красивы, современны, необычны по технике исполнения, вложенному мастерству, материалу, из которого вылеплены, выстроены, обожжены в муфельной печи... Не имею понятия, что такое муфельная печь, но это загадочное название придаёт особый шарм всему увиденному. Чувствуется поворот к татарской тематике: «Старая Казань», «Сабантуй», «Алсу», «И вот явилась я, белая ворона...». Может, автор под белой вороной подразумевает себя?

Явилась миру мастерица, труженица, талантище! «Земля, рождающая краски», «Земля, рождающая героев»! Всё правильно, наша родина – земля в междуречье Тобола и Туры, где расположена родина мамы Альфеи деревня Тарханы (Кала), Чечкино (Тархан), Карбаны (Кызылкаш), Юртобор (Карагай авыл), Нусук (Малое Чечкино), Куртюганы, это земля настоящих Героев Советского Союза и России. Хамит Неатбаков, Анвар Калиев, Валерий Ростовщиков – защитники Отечества. Эта земля родила известных учёных, орденосных тружеников, заслуженных учителей и врачей, почётных граждан Ярковского района, общественных деятелей, уникальных художников.

Уникальным художником назвал Альфею один из уважаемых и известных её коллег, член Союза художников СССР, уроженец Тобольска Юрий Антонович Рыбьяков. Оказывается, в 1960-63 годах он учился в изостудии при Тюменском доме народного творчества, его учителем был Иван Алексеевич Некрасов, тот самый художник Некрасов, который

был и моим преподавателем изобразительного искусства с 1968 по 1972 год в Тюменском педагогическом училище!

С детских лет Альфея Мухаметова увлекалась рисованием и по окончании школы поступила на художественно-графический факультет Нижнетагильского пединститута. Для сбора материала Альфея ездила в г. Салехард, где знакомилась с этнографией, фольклором коренного населения Крайнего Севера. Будучи третьекурсницей, Альфея участвовала в городской выставке студентов, а в 1979 году она была участницей выставки дипломных работ в г. Москве.

После окончания института Альфея попросила направление в г. Мегион и несколько лет работала преподавателем рисования, черчения и труда в городской школе. Альфея Мухаметова мечтала открыть детскую художественную школу. И вот изостудия при музее г. Мегиона, которую вела Альфея Фахриттиновна, переросла в такую художественную школу благодаря тому, что власти развивающегося молодого северного города поверили в силы и потенциал молодого одарённого педагога.

Имя Альфеи Мухаметовой широко известно в Югорском крае, которому она отдала более 30 лет. 17 лет Альфея Фахриттиновна была директором художественной школы, силой своего организаторского таланта и педагогического мастерства довела её до уровня лучшей школы России. Человек удивительной энергии, Альфея Мухаметова все эти годы учила детей, руководила коллективом, занималась активной общественной деятельностью. В итоге многие ученики Мухаметовой стали студентами художественно-графических факультетов пединституты Тобольска, Уфы, Нижневартовска, Тюменского государственного архитектурно-строительного университета, Уральской государственной архитектурно-художественной академии г. Екатеринбурга.

Как бы ни трудна была работа руководителя, организатора, преподавателя, Альфея Фахриттиновна не расставалась с мольбертом. Молодую художницу влекла самобытная культура и быт коренных народов Крайнего Севера. Она выбиралась с детьми на пленэры, водила своих учеников в этнографический музей, вместе с директором музея Викторией Сподиной ездила в стойбища, записывала образцы фольклора. Альфея делала зарисовки – часто на небольших листах бумаги, с помощью обычной ручки или карандаша. Из зарисовок рождались истории – прозрачно-акварельные или чёткие, графичные – о хантыйской жизни, быте и мировоззрении северян.

Искусствоведы высоко ценят работы Альфеи. «Так удивительно тепло о холодном северном крае может рассказывать человек, который искренне любит и дорожит родной землёй. В богатстве орнаментов, символов и удивительной красочности зашифрованы простые и понятные категории: любовь, материнская забота, тепло дома, окружённого холодом тундры, гармония человека и природы. И лица, судьбы, характеры», – пишет доктор философских наук Татьяна Борко.

Север в исполнении художницы уникальный. Альфея сознательно отказалась от использования холодных оттенков, присущих снегам и морозам. Использование тёплых тонов на её картинах помогает ей наиболее полно выразить бережное отношение, любовь к родному краю, где прошли её золотое детство, счастливые годы юности, годы гражданского становления и профессионального роста.

Творчество художницы многогранно, набор художественных приёмов не знает границ. Альфея находится в вечном поиске, открывает

новые методы и способы самовыражения. В творческой коллекции художницы – живопись, графика и декоративно-прикладное искусство. Акварели и монотипии, работы маслом и чёткость графических линий. И всё это только для того, чтобы ярче и полнее отразить красоту природы, богатство души человека, их общую гармонию и духовное единство. Настроение, авторское чувство определяет технику. Особенно волшебно играют краски на полотнах-батиках. Этот мягкий, лиричный метод автор освоила больше тридцати лет назад, и теперь смело экспериментирует, пробуя новые материалы, удивляя сочетаниями цветов и разнообразием тем, соединяя несоединимое, смешивая горячий и холодный батик, работая по войлоку.

Старинный город Тюмень, его особый человеческий колорит, восстановление родственных и дружеских уз с коренными жителями областной столицы оказали благотворное влияние на творчество маститой художницы после переезда её семьи из Мегиона. Многогранный талант Альфеи Мухаметовой отогрелся на юге, расцвёл. Альфея Мухаметова, художник с необычным авторским видением, впервые создала новые для себя образы мусульманского мира.

...Все работы мастера, представленные на выставке «Рисунки нефтью», написаны на одном дыхании, в очень короткий промежуток времени. Как сказали учёные-искусствоведы, они уникальны уже потому, что выполнены с помощью нетрадиционной техники и весьма неожиданного материала, сама выставка получилась необыкновенно стильной и энергетически мощной. Речевой оборот «нефть – чёрное золото» приобрёл в её трудах зримый, почти буквальный смысл: портреты людей, символические картины Севера сияют золотом земли – нефтью. Позднее, уже на другой выставке в музее изобразительных искусств, мы увидели продолжение серии «нефтяных» портретов известных татарских деятелей Хамита Ярми, Диляры Тумашевой, Булата Сулейманова, Минсалима Тимергазеева, Сакины Арангуловой, Валимы Ташкаловой, Рината Насырова, братьев Арангуловых... Очень хотелось бы видеть в этой серии и автопортрет Альфеи...

Признанный мастер графического искусства Альфея Фахриттиновна не случайно взялась за нефть. Сказалась тоска по Мегиону, с которым связана её жизнь с 60-х годов XX столетия, собственные впечатления об этом волшебном и сказочно богатом крае, воспоминания об отце, который много сил вложил в освоение Севера. Она хорошо помнит, как он пришёл домой и рассказывал, что они «нашли в земле что-то жидкое, чёрное и липкое». Картины Альфеи своего рода дань тем, кто открывал и добывал большую сибирскую нефть. На вопрос журналистов, какой сорт нефти Альфея Мухаметова предпочитает использовать в творчестве, художница призналась, что из всех перепробованных остановилась на родной мегионской. По словам А.Ф. Мухаметовой, хорошая работа получается только тогда, когда пропустишь её через сердце.

Альфея научилась применять различные инструменты – от пальцев рук до специальных гребней, для того чтобы «договориться с нефтью». «Сама по себе нефть не пригодна для работы, графика от неё никакая, – рассказывает Альфея Мухаметова. – Но после выпаривания она стала меня слушаться: мы с ней «договорились». Возник необычный творческий азарт. По ночам начала рисовать северные картины, в основном это были сюжеты, – а что ещё могла мне «нашептывать» нефть? Но трудности были впереди.

Оказалось, что делать подготовительный рисунок невозможно – он оставляет следы. Поэтому каждую картину приходилось писать на-бело. И чем писать? Начала руками – так лучше чувствуешь материал. Нефть сохнет долго: около недели. Запах специфический, долго после этого не могу уснуть. Пальцы плохо отмываются. Ошибку тональности трудно исправить, не стирается резинкой – это навсегда!

Порой приходило отчаяние: все это грязь, мазня!.. Но вдруг однажды на бумаге явилось лицо северного «снежного» человека. Оно было живым, играло взглядом, дышало. Остановиться было уже невозможно. Один сюжет за другим стояли в очереди, торопили: рисуй, рисуй! Когда были готовы первые 9 картин, показала их самым строгим критикам – своим детям. Они были в восторге! Потом новые картины оценили друзья».

В 2005 году А.Ф. Мухаметовой было дано право представить Россию на выставке в Венгрии. Среди участников выставки из 18 стран она получила грант в области изобразительного искусства. Персональные выставки художницы прошли по всем северным городам и в правительстве ХМАО.

Во время съезда Всемирного конгресса татар в г. Казани Альфея Мухаметова подготовила персональную выставку. Работы были высоко оценены Конгрессом татар Тюменской области, а одна из картин подарена президенту Татарстана М.Ш. Шаймиеву. В этом же году Альфее Фахриттиновне Указом Президента РФ присвоено высокое звание «Заслуженный работник культуры России».

Один раз в пять лет организуются зональные выставки работ художников. В ноябре 2008 года такая выставка проводилась в г. Челябинске. Альфея Мухаметова представила свою работу из серии «Югра древняя». Дипломом I степени отмечены и эти полотна.

Картины Альфеи Мухаметовой пополнили фонды Тюменского областного музейного комплекса имени И.Я. Словцова.

«Мы стали первым музеем, который получил такие уникальные работы. Картины нефтью теперь есть только у нас», – отмечает оригинальность подарка Татьяна Сергейчук, заместитель директора музейного комплекса им. И.Я. Словцова.

Доцент Альфея Фахриттиновна Мухаметова много лет работает преподавателем живописи и декоративно-прикладного искусства Тюменского государственного архитектурно-строительного университета, который в результате реформирования вошёл в состав Тюменского индустриального университета. Наша великая землячка, художница с мировым именем Альфея Мухаметова – очень коммуникабельный, культурный и доброжелательный человек, её уже хорошо узнали и полюбили многие тюменцы.

Альфеея – поэтесса, она пишет стихи. Эту сторону своего дарования она пока никому не показывает. «Из чего возникают картины? Это – взрыв, это – миг, это – я. Так владеет всем миром, всем светом незаметная жизнь моя», – написала автор в качестве эпиграфа к своей юбилейной книге «Стихии жизни Альфеи Мухаметовой».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Ольга ОЖГИБЕСОВА

*«...Есть в компоте поцелуи,
А в варенье бродит страсть».
Татьяна Малишевская*

* * *

Под окном светёлки жду я –
Что-то милый не идёт...
Закопаю поцелуи
Под забором у ворот.
В гулкой пропасти колодца
Страсть, как кошку, утоплю.
Пусть, проклятая, уймётся!
Не скулит: люблю, люблю...
Мне такой мужик не нужен!
Толку нет и проку нет.

...Налеплю себе на ужин
Я из ярости котлет.
Щедро в борщ добавлю злости.
Ну и знатный же супец!
Пусть теперь приходит в гости,
Если вправду молодец.
Всё б ему глядеть налево!
Что там? – манна или клад?
...В чай добавлю ложку гнева,
А для вкуса капну яд.

*«Художники Китая – мандарины
Стихи, этюды на природе жнут».
Ольга Данилова-Пушкарь*

* * *

Дождусь полдневного затишья
И, позабыв про свой обед,
Пойду, сожну четверостишье,
А повезёт – так и сонет.

В полях, на воле, на природе
Растут поэмы, как сорняк.
А вот в теплице, в огороде –
Не приживаются никак.

Уж я стараюсь так и этак –
Селитра, чернозём, навоз...
Я русским стать хочу поэтом,
Причём надолго и всерьёз.

Из дома выйду спозаранку –
Побыть с природой визави...
А под ногами – хокку, танка
Кричат: «Сорви меня! Сорви!»

Я обхожу их стороною –
Не для моей они души...
Смотрю: у речки под горою
Цветёт китайская гуши...

Восточным ароматом дразнит
И музыкой звучит в ушах...
Но не поддамся я соблазну –
Сорву частушку в камышах!

*Быть может, мне всё это тоже приснилось...
О, это же Бунин Иван!
Зачем он в меня так влюблён?
...Не знаю, что делать мне с этим романом, –
Уже утомилась душа.
Ольга Данилова-Пушкарёв*

* * *

Не знаю: то ль приснилось это,
То ль явью обернулись сны...
За мной писателей, поэтов –
Ну так и ходят табуны!

В туманной темноте аллейки,
Там, где столетний сохнет клён,
Страдает Бунин на скамейке...
Зачем он так в меня влюблён?

Кричат настырные кукушки,
Мне годы длинные сулят...
Ах, чья там тень? Да это ж Пушкин!
И тайной страсти полон взгляд...

Нет, это перебор, однако! –
Бегут, едва погаснет свет,
Блок, Северянин и Булгаков,
За ними поспешает Фет...

Одна лишь я для них – отрада,
И нет других поэтов-дам...
Как мотыльки вокруг лампы –
И Гумилев, и Мандельштам...

Я вроде не давала повод!
Но только наступает ночь –
Шмелёв назойлив, словно овод...
Прочь, окаянный грешник, прочь!

Душа – одна сплошная рана...
Дожить бы, право, до утра...
...Порою чтение романов
Нас не доводит до добра.

*«Не уезжай, я загрущу
И умываться перестану.
Я без тебя убогим стану
И бородищу отпущу».*
Сергей Камышников

* * *

Не уходи! Я загрущу,
Я мыть посуду перестану.
Кастрюли в скупку утащу,
Со зла расколочу стаканы.
Да я такое сотворю!..
Какие шутки, в самом деле?!
Уйдёшь – я тут же закурю!
Причём под мухой и в постели!

Давай-давай, любезный друг...
Смотри, тебе же будет хуже!
Я позову к себе подруг, –
Пускай съедят обед и ужин...
А может, маме позвонить?..
Она по дочке заскучала...
Что? Остаёшься? Так и быть –
Давай попробуем сначала...

*Снимем мокрые пожитки...
Долго грустишь ты красивыми дугами
Писанных, тонких, иконных бровей...*
Сергей Камышников

Воспоминание

Сползли пожитки лялочкой
По розовой руке...
Вы рассердились ялочкой
На бархатной щеке.

Соприкоснулись лицами...
Я был немного груб.
Ах как вы злились мышцами
Помадно-ярких губ!..

От страха ли, от страсти ли –
Не знаю, только вдруг
Вы вздрогнули запястьями
Своих пугливых рук.

И мы взлетели птицами...
И в сумраке ночей
Смеялись вы глазницами
Пылающих очей...

Но всё прошло, и вьюгами
Сменился суховей...
Теперь грустите дугами
Изысканных бровей.

*Начну писать. Такой сегодня план.
Да и на завтра, послезавтра тоже.*

Мила Романова

* * *

Я занята. Мне нынче не до вас.
И надо лишь одну решить проблему:
Что написать – роман или рассказ?
Сонет, а может, всё-таки поэму?

Скорей за стол! Ну а потом решу...
Вот приготовлю ручку и листочки.
С утра я лучше повесть напишу,
А вечером – две стихотворных строчки.

Забуду и родню я, и друзей,
Детей заброшу и отвергну мужа.
Писать! Писать! Что может быть важней?
И что ещё мне в этой жизни нужно?

Всё к чёрту! Кухню, магазин, диван,
Карьеру и супружеское ложе...
Начну писать. Такой сегодня план.

Да и на завтра, послезавтра тоже.

*Совесть вчера приходила.
Встала в углу у комода.
Что-то она говорила
Может быть, важное что-то?
Мила Романова*

Непрошенные гости

Совесть вчера приходила,
Стыд за собой приводила.
Встали в углу у комода,
Будто бы два нищеврода.
Я уже вспомню едва ли,
Что они там лепетали,
Лезли непрошенно в душу...
Кто бы ещё их послушал!
Ну постояли немного,
Засобирались в дорогу.
Их до двери проводила,
Вышли – я тут же забыла.
Право же, лишнее это –
Совесть и стыд у поэта.

*Настолько необычно для мужчин:
Превыше всех утех семья...
Да, удивили вы меня.
Галина Белова*

Не тот мужчина

Удивлена: вы нынче дома?
Не в кабаке, не в казино?
Неужто с девушкой знакомой
Вы не целуетесь в кино?

Да-а-а, я представила картину...
Какой вы, к чёрту, сильный пол,
Коль в выходной идёте с сыном
Гонять в хоккее или в футбол!

Но это странно, в самом деле!
Вы не с друзьями в гараже?
Не на рыбалке? Не в постели
С любовницей в неглиже?

И не пытаетесь украдкой
Слинять, когда зовёт сосед.
И в глупом предвкушенье сладком
Спешите к теще на обед.

Пардон, какой же вы мужчина,
Коль поднимаетесь чуть свет –
Жене без видимой причины
Готовить кофе и омлет?

Что за пример для семьянина:
Не пьёт, не курит и не бьёт?
Не тот пошёл теперь мужчина...
Совсем, товарищи, не тот!

*Почему ты не спишь, Тюмень?
Выпучила свои жёлтые глазищи.
Тебе не спится? Мне тоже...
А за окнами улитки,
И им всем всё равно...
Светлана Печёнкина*

Про глазищи и улиток

Я подхожу к окну
И закрываю плотно шторы.
Там пучит жёлтые глаза
Вечерний монстр-город.
Ты почему не спишь, Тюмень?
И мне не спится тоже...
В кустах мелькает чья-то тень,
Крадётся за прохожим.
Смотрю, дрожа, в квадрат окна...
Но всё в порядке вроде:
То наша местная шпана
Резвится на природе.
Ну поколотят мужика...
Ну оберут до нитки...
И равнодушно, свысока
Глядят на них улитки.
Улиткам, право, всё равно...
И сквозь ночные тучи
Опять Тюмень в моё окно
Глаза настырно пучит.

*«Твои следы метель не замела.
...Тебя и здесь твоя сыскала Муза».*
Владимир Герасимов

Влюблённая Муза

Ты убегал, меняя города,
Меняя адреса и даже лица.
В слезах кричал, что больше никогда
Ты не напишешь ни одной страницы!

Что новым книгам ты уже не рад,
Что стала слава тяжкою обузой...
И ты в конце концов не виноват,
Что лишь к тебе так благосклонна Муза.

Ты отбивался от неё, как мог!
Сопrotивлялся – по-мужски, упорно.
Ты, словно Гоголь, рукописи жёг,
Спуская пепел в унитаз в уборной.

Ты так лечил писательский недуг,
Чтоб никогда уж было неповадно:
Швырнул в окно любимый ноутбук
И растоптал свой «паркер» беспощадно!!!

И вот ушёл – туда, где даль светла,
Взломав тиски порочного союза...
Но нет, метель следы не замела –
Тебя и здесь твоя сыскала Муза.

Ну что с неё, влюблённой бабы, взять?
Теперь тебе такой удел отмерен:
Ты осуждён пожизненно писать,
Как верный раб у Музы на галере.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Антон КОМАРОВ

Три капли

Раз, два, три... Раз, два, три... Светло-жёлтая жидкость медленно скапывала в колбе капельницы и по змеящейся трубке уходила в его тело. Власов отрешённо смотрел на капли, а в его голове тупо стучал какой-то не подчиняющийся его воле и считающий капли счётчик: раз, два, три, раз, два, три... Счёт автоматически обрывался на третьей капле и начинал сначала: раз, два, три. Три капли. Всего три капли...

– Да всего по три капли, – орал Димон, снова разливая водку по пластмассовым стаканчикам. – И закусон классный! Смотри: рыбка копчёная, полкурицы ещё!

– Времени уже много, – отбрыкивался Власов. – На завтра бы надо почитать ещё конспект по философии. И потом, ты-то тут, в общаге, у себя останешься, а мне ещё полчаса переться по морозу до съёмной хаты.

– Ну и нормально! Сам говоришь, что мороз. Сейчас по три капли придем, на душе потеплеет, и никакой мороз не страшен!

– Димон, да мы уже почти два флакона усидели, хватит, уже под завяз.

– Нудный ты человек, Власов! Три капли погоды не сделают, они только в плюс.

– Ну ладно, давай! Но только по три капли...

Приём «трёх капель» закончился шумным походом по комнатам общаги в поисках нового флакона. Как они ломались в комнату к девчонкам на третьем этаже, и вахтёрша вместе с двумя старшекурсниками выволакивали его на улицу, Власов помнил уже смутно.

Качаясь, в расстёгнутой куртке, он шёл по улице. Закуривая, заметил, что руки его плохо слушаются, и сообразил, что забыл перчатки в общаге.

– Ну и чёрт с ними, потом заберу, никуда не денутся. А Димон-то прав – на улице не так уж и холодно.

На пустой остановке Власов решил слегка отдохнуть и спокойно покурить. «Вот сейчас перекурю, и до хаты уже недалеко», – пробормотал он, плюхаясь на скамейку, занесённую снегом. Улица поехала влево, и Власов понял, что он заваливается набок.

– Вот блин, – ему вдруг стало очень весело, – третья-то капля лишней оказалась! Аж набок валит! Ну ничё! Сейчас встану и дальше покандыбаю. И снег-то какой тёплый – руки уже не мёрзнут.

Раз, два, три... Раз, два, три... В голове тупо стучал счётчик. Власов оторвал взгляд от капельницы и медленно перевёл его на кусок серого больничного одеяла, торчащего из боковой прорези плохо проглаженного пододеяльника, под которым лежали его руки с жутко ноющими кончиками пальцев, словно отходящими от мороза. Он пошевелил пальцами, и боль разлилась по рукам, поднимаясь до плеч.

Власов вытащил свои забинтованные, ампутированные по кисти руки из-под одеяла и вспомнил, как это называется: «фантомные боли».

Во флаконе на штативе капельницы закончилась светло-жёлтая жидкость с режущим названием «гемодез», и последняя капля зависла в капельнице, словно не решаясь упасть.

– Третья капля последняя. Всего три капли... Каких-то три капли, – вертелось в голове Власова, а по щекам текли слёзы, которые было нечем утереть.

Костяная нога

– Ну парень, давай, что ли, гипсоваться будем, – бодрым голосом сказала Светка лежащему на кушетке парню с бледным, подёргивающимся то ли от боли, то ли от испуга лицом.

– И как же тебя угораздило? – сочувственно спросила сестра-практикантка Анечка, которая с видом жуткой озабоченности крутилась в гипсовой, больше мешая, чем помогая медсестре Светке, которой только что было поручено наложить гипсовую повязку на сломанную лодыжку молодому симпатичному пареньку лет 18.

– Да вот чёрт его знает, как получилось, – парень, морщась, задирал брючину джинсов на левой ноге. – Быстро шёл, гололёд и вот – бац и готово: рентген перелом показал!

– Ну в общем, как в кино: шёл, споткнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс! – с улыбкой протараторила Анечка, без видимой необходимости поддерживая его за спину.

Светлана между тем начала смоченными гипсовыми бинтами ловко бинтовать травмированную ногу, формируя гипсовый сапожок.

– Доктор сказал, наложить не лангету, а целиком сапожок. Через пару недель на повторный рентген, там, глядишь, и на лангету заменят – ногу помыть можно будет, а потом и совсем гипс снимут, – говорила она, разглаживая неровности гипса на ноге.

– Ой, а ты палочку себе клёвую присмотри! Выйдешь на стрит, прихрамывая – все девки ахнут! – Анечка старательно стряхивала засохший гипс с шикарных джинсов парня. – Да, а как ты пойдёшь-то без костылей?

– Да у меня друг на машине. Я позвонил, вон он уже сидит в вестибюле. Так что допрыгаю до тачки как-нибудь. Слушай, будь другом, позови его сюда, его Сашей зовут!

Когда Саша, поддерживая за талию скачущего на одной ноге товарища, вышел из гипсовой комнаты, Анечка, вздохнув, сказала: «Красивый парень! Надо было познакомиться, да я стеснительная такая – просто жуть! И потом я ведь на работе, да и ему не до этого, правда, Света? А так крутой парень: и фигура, и штотки клёвые!»

– Да уж, – усмехнулась Светлана, – особенно джинсы фирмовые, все в лейблах.

– Постой-постой, – вдруг всполошилась Анечка. – А как же он их снимет-то? Ведь они узкие очень, а закатаны чуть не под колено?

– Чёрт! И правда, надо было снять ему эту штанину. Был бы в одной брючине. И я с тобой заболталась, забыла ему сказать!

– Ты не забыла, а постеснялась, небось, красавчику штаны снять, – резонно заметила Анечка и спросила: – Ну и как он теперь две недели?

– А никак, – вдруг трянула головой Светлана. – Ты сама сегодня говорила о кино «Бриллиантовая рука», помнишь? Так там во второй части она «Костяная нога» называется. Юрий Никулин тоже с ногой в гипсе и с засученной по колено штанине. Его ещё на кране опускают и крюком ему по шее дают, вспомнила?

– Ну вспомнила, – нерешительно сказала Анечка. – Так то кино!

– А у нас не кино, что ли? Ты представь: вот приезжает он домой, заходит в свою крутую, поди, хату и...

– Ой, не могу! Ой, представила! А джинсы дорогие: как резать? – Анечка повалилась на кушетку, давась от хохота.

– В общем, костяная нога получилась, – резюмировала Светка и пошла к двери. – Ну кончай ржать. Пошли в приёмник. Там, кажись, ещё кого-то привезли...

ПОЭЗИЯ

Катя РУБАН

Virginia

Прозрачный вечер тонет в серпантине, Как тонут в первозданной пустоте Глаза и лица. Выцветшая глина. Ты упадёшь на белую постель И маленькой рукой, почти что детской, Нащупаешь невидимую дверь – Кусочек сна, полученный в наследство. Всё кончится, Вирджиния, поверь. И то, что раньше было не по силам, По силам не окажется вдвойне. Куда ты шла, зачем ты здесь любила, Точнее, очаровывала... Нет, У Господа не лопнут перепонки:	Качнутся мягко бусы облепих – И ты родишь красивого ребёнка, Вирджиния, избавясь от других. Молочный лоб и щёки в струйках крови (подай нам, Вечный, хлеба с молоком). И нечисть запоёт у изголовья, И ангел вострубит особняком. Ребёнок побежит по чистой луже, Споткнётся об искусственный цветок, Окажется разбужен, как задушен. На смену небу грянет потолок, И что бы с нами ни происходило – Всё кончится, Вирджиния. Взгляни: На водах азоического Нила Качаются покойники и сны.
--	--

Ruta siberica

Холодно-холодно снегу в сухой траве
В зевах бессмертника стынущие вопросы
ты отложи до весны и ступай ко мне
не по росе
Опирайся на слух и посох
Взгляд по пути не бросай ни на эту тьму
что позади
ни на ту что пребудет дальше
Дом на дороге – обманка
мертвец глядит в пропасть окна
проходящего манит пальцем
Чьи имена ты в карманах перебирал
Есть ли моё среди этих безбожно белых
что не дают ни мерцания ни тепла
Шёл пилигрим и дорога его не грела
Шёл да и вышел и срок твой давно истёк
Алые буквы просыпались из кармана
Серые лютые выли
расцвёл цветок
в снежной пустыне у снежного океана
Холодно-холодно снегу лететь в траву
боязно выстелить лоно земного тела
Ruta siberica вспыхнула на ветру
путь осветила тебе и дотла сгорела

Utopia

Мы спали чутко, воробыно. Качался в лампе огонёк.
Сын фитилька и керосина на волю выбраться не мог.
Косматость бабушкиной шали, клыки, кровавая вода...
Мы просыпались и шептали: река, неси меня туда,
Где поле белое с цветами зовёт косматого домой,
Где он щенком пушистым станет, сопя в корзинке за стеной.
Шумели призрачные воды, в кандее тлела череда
И отступала на восходе видений странных череда.

Дорога славилась камнями и отвергала тормоза.
Дичали дети – сами, сами мечтали время обуздать.
Бесшумно солнце уплывало. Казалось, смерть его легка.
И на закате застывала у лба косматая рука.
Мы грели камешки в ладони и засыпали у реки,
Галопом загнанные кони. Деревья были высоки,
И что-то в воздухе парило, и что-то было в той воде,
За преимущественным илом и пеной цвета каркадэ.
Так, одному приснились розы, другому – дикий виноград,
И сон, не будучи осознан, слезой напитывая взгляд,
Обезобразивал деревья, калечил лица, города.

И тут один из нас поверил.

«Река, неси меня туда,

Где отблеск золота и боли первоначален и лучист,

Где одного придержат двое от череды самоубийств».

Оставив поиск мыслеформы, стань истуканом, пеной стань,
Увидишь: дольний станет горним, поблекнет цвет, сотрётся грань,
Вне истерической сансары рука укроется рукой,
И тварь со временем, ослабнув, уйдут неслышно на покой.

Увези меня

Увези меня в город Райск – незабвенное чудо света.
Я оставляю в вагоне весь незначительный свой багаж:
Стихотворных молитв блокнот и Шмелёва «Господне Лето».
И каблук. Для ступни каблук – столь болезненный антураж.

Увези меня в эту мглу, обнимающую за плечи:
Пусть струится во мне водой и расплавленным янтарём.
Кроме внутренней черноты я не знаю других увечий.
Увези меня в город – сон, напои молодым вином.

Увези меня. Эта блажь... С места сдвинь ледяную глыбу,
Эти гордиевы узлы разруби золотым мечом.
Я смотрелась в твои глаза, то ли женщина, то ли рыба,
и напарывалась на риф округлившимся животом.

Я смотрелась, а ты дрожал. Наше время уходит в Лету.
Если вспыхну святым огнём, это значит – уже рассвет.

Увези меня в город Райск.
А не сможешь – развей по ветру
И красивейшей из теней
Отправляйся за мною вслед.

Молчание

Всё глупости...
А.П. Чехов «Чайка»

Вот тебе, девочка, лавка земных чудес:
птичка-свистулька, рожок, воробей ручной.
Лес не волшебный – вполне себе лес как лес.
 Поговори со мной?
Что ж ты, болезная, хочешь: большой любви?
Пьер раздобреет, Болконский уйдёт в запой.
Лучше присядь, на полу уместившись,
 И поговори со мной.
Так не бывает. Наташа пойдёт в декрет,
будет бороться со стрессом и сединой.
Что, сероглазая, сверлишь земную твердь?
 Поговори со мной.
Так не бывает. Последний из могикан
будет растерзан, закопан, снесён волной.
Дурочка Кора, откладывай свой роман,
 поговори со мной.
Твой героический эпос – собачья чушь.
Лунные камушки, глина, палящий зной –
Бог тебя создал, забыв про отменный вкус.
 Поговори со мной.
Глупая девочка, радужный Индостан –
горка картона, трущобы и перегной.
Мантры – пустышки, а смерть не излечит ран.
 Поговори со мной.
В Лету ли канешь, падёшь ли в священный Ганг –
кто тебя знает, чумная. Укор немой
Гаснет во взгляде, сменяясь на миннезанг.
 Поговори со мной...
Спи, непутёвая. Спи, и увидишь явь.
Серые бездны подёрнулись пеленой.
Утро – мудрёней, а сказки врагу оставь
 и засыпай со мной.
Самое время читать о тебе Псалтырь,
Самое время молитве, пускай ночной.
Буду просить нам бессмертия.
Бог – как ты...
Он помолчит со мной.

Инна ЕРОФЕЕВА

* * *

Лето, что было в наших ладонях,
Тихо струится вниз.
Ворвалось ли в душу оно, напомним,
Иль ускользнуло из?

Фото запомнили солнца блики,
Визу, билет на юг...
Я помню большое ведро клубники,
Загар на плечах подруг.

Белой вуалью июль поспешный
Замер в моей душе
И август. Август, до боли нежный –
В самом конце уже.

И шум моторов в неоне ярком,
И на рассвете тишь...
Лето – словно сорвал с подарка
Бумагу, и ею шуршишь,

Не зная, что там – внутри, под крышкой –
Тайна всегда влечёт...
Три месяца счастья без передышки.
Пошёл обратный отсчёт.

* * *

Билет – и я уже вижу залив.
Туда идут поезда.
Там волны друг другу
 клянутся в любви:
Чистой и навсегда...

Там шторм растреплет мою косу
В ласкающей тишине...
«А хочешь,
 я тебя отвезу
Туда?» – говоришь ты мне.

«А хочешь – будет качаться лес,
Костёр – трещать и искрить,
Ты будешь в платье
 (а может – без)
Рифмами говорить?

А хочешь – будет гитара, чай,
Мясо на шампуре.
И дерзость солнечного луча
На предзакатной жаре?

И крикнет чайка, и прорычит
Где-то вдали мотор,
А то, о чём мы с тобой молчим,
Выпорхнет на простор –
И взгляд твой станет
 лучист и юн,
Словно в семнадцать лет...»

Вот только взрослым
 в шальной июнь
Не продают
Билет.

* * *

Уходит ночь, в которой подшофе
Ты провожал.
Свет фонарей погас.
Стоп вечеринкам
в культовом кафе –
Теперь там ланч
для поскучевших нас.

Скамейки перекрасили.
Лишь я
Дословно помню,
что ты там писал...
Но о таком не говорят мужьям.
Да и жене ты вряд ли рассказал.

Повсюду домофоны.
Не вбежать
Как раньше: из жары –
в пустой подъезд.
И целоваться,
целоваться не спеша,
Пока не выгонят...
Пока не надоест...

Две пачки сигарет, и в каждой из –
Нет по одной. На этом эпилог.
Но в ящике с бельём
(где самый низ)
На память –
тридцать восемь тонких «Vogue».

Всё изменилось
в круговерти дней:
От взглядов – до фамилий
и «ай-ди».
Ты стал серьёзнее, чем был,
а я – мудрей,
Но всем известно –
дважды не войти
В ту реку, что когда-то ты и я
Преодолели, будто бы игру...

Боюсь, что тонких
«Vogue» среди белья
Лишь тридцать семь
Останется
К утру.

* * *

Время хитро: не воротишь вспять.
Стрелка бежит вперёд.
Есть время дружить и время
стрелять.
Или наоборот.

Есть время решать и ставить
ребром,
Чтоб слово – будто бы плеть.
Есть время об этом рыдать потом
Или не пожалеть.

Есть время решиться
на крик тому,
Кто целую жизнь молчит,
И должным не быть никогда,
никому,
Стать чьим-то или ничьим.

Есть время не спать
и встречать рассвет

Огнём на пустой стене.
Есть время, чтобы ответить «нет»
Или сгореть в огне...

Есть время сидеть
на кухне и пить
Один за другим фужер;
Время при нём впервые ходить
В утреннем неглиже.

Есть время на рану в груди
и месть –
Как лезвием ножевым.
И времени после немало есть,
Чтоб мир ощутить живым.

Есть время любить
и держать пари,
Словно в последний раз.
Но лелеять обиды свои внутри
Времени нет у нас.

* * *

Заменяли скамью, на которой я
Проводила всё лето до сентября.
На которой и юность прошла моя,
И взросленье даже.
Там болтала я ножками после игры,
На мальчишек глазела, которые – прыг! –
Становились за лето «царями горы»
И многоэтажек.

Я на этой скамейке читала вслух
Свои первые строчки. Дрожанье рук
Замечали подруги, их тесный круг
Мне сулил удачу.
Но – взрослели... И стала строка черствей.
Зачерствевшая дружба прошла. За ней
Во дворе стало меньше больших семей,
Куда больше – тачек.

А потом на скамейке меня ждал тот,
Кто собой озаглавил семнадцатый год.
В этот год, как учили нас, переворот
В феврале обычен...
И шумел старый тополь, фонарь искрил,
И я верила в то, что мне хватит сил
Разлюбить даже тех, кто и не любил,
А имел привычку.

Всё. Теперь вспоминаю я ту скамью,
А блестящую новую – не признаю,
Листья с тополя медленно падают,
Ляжет снег чуть позже...
Как дурна была юная голова,
Как взрослела, права была и не права...
Всё скамейка запомнила. Здесь слова
Ни к чему, похоже.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Екатерина ПИОНТ

У дедушки Даля

Пеку блины для внуков и прислушиваюсь, что творится в комнате. Там Соня и Саня играют в «семью». Сестрёнка старше четырёхлетнего брата на два года.

– Саша, тебе пора на работу, у нас денег нет.

– А чё я да я... а ты только играешь с куклами...

– Саша! Это не куклы, это дети!

– Чьи?

– Как чьи, наши, конечно! Какой бестолковый! Я их воспитываю, а не играю!

– А почему тогда я их не воспитываю?

Тишина.

– А почему тогда я их не воспитываю, а?! – повторяет уверенней Саша, повысив голос.

Соня глубоко вздыхает.

– Да потому что ты мужчина! Ты сильный! Тебе всегда некогда. А я женщина, слабая, уже все давно знают об этом, один ты...

– А ты же меня толкнула вчера, и я упал, помнишь?

– Помню, помню... это один раз, а один раз разрешается быть сильной всем.

Обдумав её слова, уже через минуту Саша хвастается:

– Смотри, какие у меня мышцы на руках! Видишь?

– Вижу, вижу, – машинально произносит Соня, увлечшись куклами.

– Ж-ж-ж – доносится из комнаты.

– Соня, я поехал.

– Куда?

– На работу тороплюсь, пока пробок нет.

Является ко мне на кухню в образе мужчины-добытчика, рукава закатаны до локтей, беспрестанно вытирает лоб.

– Ф-у-у, кафе открыто?

– Проходите, садитесь, наверное, вы после работы, очень устали?

– Да, большая куча работы, даже дышать некогда...

Услышав наш разговор, прибегает Соня, недовольная тем, что Саши долго нет с работы.

– Я так расстроилась, так расстроилась, уже не знаю, где искать тебя, – беря блинчик, сетует она.

– Так, Саша, нельзя!

– Нет, лъзя.

– Нельзя!

– Лъзя.

– Такого нет слова, надо говорить «можно»!

– Нет, лъзя.

– Бабуля, скажи, что нет такого слова!

Я перевернула блин, обдумывая: вроде встречалось... вот попала.

– Нету ведь, бабушка?

– Подожди, Сонечка, у меня блин горит...

Через минуту беру словарь Даля: вот оно родимое – «лъзя»!

– Было такое слово – «лъзя», но сейчас не употребляют его.

– Вот видишь, я выиграл! Скажи, бабушка, что я выиграл!

– Да ты нас просто поразил! Молодец.
 Саша показывает сестре язык.
 Я показываю им словарь.

– Это слово я нашла у дедушки Даля.
 – Дедушка Даля? Так его зовут? – спрашивает Соня.
 – Нет, зовут его Владимир.
 – Как президента Путина! Он тоже умный?
 – У Владимира Даля особый ум...
 – А почему Даль, он далеко, значит?
 – Это такая фамилия. А вообще-то он действительно далеко, потому что давно умер, но люди до сих пор пользуются его трудом.
 Молча доедают. Затем наперегонки бросаются к книге:

– О, какая большая! И здесь все-все слова, какие есть на свете?
 – Нет, здесь так и написано, что это словарь живого великорусского языка.
 – Живого?! – в голос.
 – Да, и в нём нет слов, которые произошли от иностранных, и нет, конечно же, нынешних, новых слов, ведь тогда их не было...
 – А каких, например?
 – Компьютер, да и оно иностранное...
 – Компьютера не было?! – переглядываются испуганно, округлив две пары чёрных глаз.
 – Бедный дедушка Даль, он компьютера никогда не видел, – жалостливо тянет Сонечка.
 – И телевизор не смотрел.
 – Телевизор?! – ещё больше поражаются они.
 – Да. А вы думали, что всегда всё было? Нет, раньше люди жили совсем по-другому, вот будете учиться...
 Задумались.

– Скучно было, – сокрушается Соня, – да?
 – Как сказать, каждый чем-то занимался.
 Книжки читали, на лыжах катались, собирали марки, значки, даже открытки...

– А дедушка Даль слова собирал?
 – Верно. Он ездил в разные места России, расспрашивал народ, кто какие слова помнит, ему помогали и другие люди. На создание этого словаря у писателя ушла почти вся жизнь, зато мы и сейчас пользуемся им.

– А почему?
 – Потому что в нынешних словарях нет многих старых слов, они исчезли.
 – Как?! – встречает Саня. – Их что ли украли?
 – Просто их перестали говорить.
 – И они умерли, как умирают люди, когда с ними никто не разговаривает и не приглашает в гости? От одиночества? – печально вопрошает Сонечка.
 – Вы не поверите, но так оно и бывает, но...
 – А я знаю, знаю! – они все ушли в словарь дедушки Даля, а не умерли! – радостно восклицает Санёк. – Вот, это я сам придумал! Они такие жили, жили и стали никому ненужные, потом... потом дедушка Даль их забрал к себе, построил для них домик, и всё!
 – Видите, какой добрый и мудрый дедушка Даль.
 – Да... и они до сих пор живые, – молвит Соня. – А почему дедушка Даль умер, а они живут?

– Доброе дело человека живёт очень, очень долго.
– Миллион лет! – расщедрился Саня.
– А недоброе быстро умирает, потому что злое и сидит одно в уголке, и никто с ним не хочет дружить, – делает вывод внучка. – Хорошо, что бабушка Даль спас слова! А они помогают людям?
– Конечно. Вот у тебя плохое настроение, и тут тебе кто-то скажет: «Соня, ты хорошая девочка», у тебя настроение изменится?
– Я обрадуюсь.
– Выходит, слова живые, они очень многое значат для человека. Словом можно даже убить...
– Бабушка, бабушка, я знаю как! если взять вот... все слова, и стукнуть словарём, например... случайно!.. – выпаливает Саша.
– Ну уж ты, Саша, погорячился! Во-первых, бить нельзя...
– Саша! Что за глупости ты болтаешь, одним словом можно, да, бабушка?
– Умничка, Соня, даже обычное слово, сказанное грубо или в паре с другим, может стать убийцей. «Не хочу тебя видеть!», «Ты мне не друг!», «Убирайся вон!»... Чувствуете? Поэтому прежде чем сказать, надо хорошо подумать. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь...
– И не попугай! – добавляет Саша.
– Я знаю ещё! – тянет руку Соня: – Семь раз отмерь, один – отрежь!
Нам Татьяна Михайловна в садике на занятиях часто говорит.
– А они бывают весёлыми? – переключает нас на мажор Саша.
– Ещё бы, слово «солнышко» – весёлое или грустное?
– Весёлое! – хором.
– А дождик грустное, даже плачет, – роняет Соня. – А ласковые есть?
– Родные мои, лапушки...
Довольные, улыбаются.
– А больные?
– Больные? Есть. Когда их неграмотно пишут или произносят.
– Представляете, у нас в группе Алёна говорит «здрате», это значит слово «здравствуйте» у неё заболело? – спрашивает Соня.
– Оно покалеченное всё!
– Бедное, а где для слов больница?
– Подумай.
– Здесь! – открывает рот.
– Верно. Наш язык может все слова вылечить.
– Язык во рту – это как будто доктор в больнице! – догадывается она.
– А у меня, слушайте! А у меня, когда я был совсем маленьким ещё, слова часто простывали, и я говорил «коска», «собаська», – потешается над собой Саша.
– А ещё я знаю, слово «я» – это зазнайка! – уже из своих запасников достаёт Соня. – А вежливые есть?
– Ну разумеется.
– А, знаю: «спасибо», «пожалуйста»... А подружки? – не отстаёт она.
– Скажи, как часто начинается сказка?
– Жили-были.
– Вот, эти два слова с давних пор дружат и часто ходят под ручку.
У слов всё как у людей.
– А... а хулиганы слова есть?! – не останавливается Саня.
– О, с ними надо осторожнее, а детям их нельзя произносить...
– Да, бабушка, я знаю, нельзя ни за что! – откликается Соня, приняв грозный вид.

– Гоша в садике говорит, а я нет... – опустив голову, бормочет Сашуня, вспыхнув ушами.

– Ты тоже, я слышала однажды! – выдаёт тайну сестра.

– Нет, я больше не говорю... и Гоше скажу, чтобы он тоже перестал. Я ему скажу, чтоб он их... арестовал!

Все смеёмся.

– Да, здорово придумал, их нельзя выпускать изо рта.

– А если они сами выпрыгнут? – в глазах Саши ожидание. – А, бабушка? А если они непослушные? Бывает так?

– На этом свете всё бывает...

– А на другом? – не уступает Саша.

– Где инопланетяне, что ли? – недоверчиво морщится Соня.

– Бабуль, а слово «ипланитане» есть у дедушки Даля? – опережает Саша.

– Он выбил слову передние буквы! – негодует Соня.

– Нет, это оно просто чихнуло! – быстро находится он.

– Инопланетяне? А вот мы вместе потом и посмотрим. Ух, да у меня всё пригорело уже... ой-ёй...

С этого дня ни одно впервые услышанное Соней и Саней слово не остаётся не проверенным.

Уже с порога несётся:

– Бабушка! Посмотри, а у дедушки Даля...

О чудо!

Перед сном Инге надо было рассказать четыре сказки. Почему четыре – ей одной лишь ведомо: «Три поросёнка», «Маша и медведь», «Красная шапочка», «Золушка» – вот без чего она не засыпала.

Когда я прочитала ей «Дюймовочку», последовательность прослушивания сказок не изменилась, просто «Дюймовочка» теперь, как мышка в «Репке», завершала всё действие. Сказка о малюсенькой девочке ей очень понравилась, и после её окончания она ещё какое-то время лежит с восторженными глазами.

Теперь время засыпания отодвинулось минут на десять.

Все эти сказки она уже знает наизусть, и поэтому когда я что-то добавляю, даже несколько новых слов, внучка сначала замирает на мгновение, затем прищуривает глаза и смотрит на меня, не моргая, как учительница на уроке, поймав ученика на отсебятине. И, не прерывая меня, чуть приоткрыв рот, внимательно слушает, что я там новенького сообщу помимо того, что ей известно, и вернусь ли на то место, откуда ушла в сторону. И совсем уже по-учительски награждает меня одним-двумя кивками головы, облегчённо вздохнув, когда я благополучно выхожу на проторённую тропинку повествования.

Но стоит мне пропустить что-то, она тут же нажимает на стоп-кран, и я, ойкнув, возвращаюсь назад в лес или избушку, и оттуда снова ощупью продвигаюсь вперёд, на сияние глаз моей внучки.

А вот что произошло с «Дюймовочкой».

Я уже рассказала ей про жабу с сыночком и про подземного слепого кавалера и дошла до места, где Дюймовочка улетает с ласточкой от крота. Глаза мои начинают слипаться, но в предчувствии скорого завершения я радостно подлетаю вместе с нашими любимыми героями к старинному замку...

– А крот? – вдруг неожиданно останавливает меня внучка. – А что с кротом стало, когда он узнал, что невеста сбежала от него?! – недоумеваю, как я могла оставить такой факт без внимания, она категорически потребовала ответа от меня, словно я в этой истории тоже замешана.

И действительно, я как-то не подумала, а ведь положение покинутого жениха-крота ужасно...

– Он же полюбил её!.. – не то доказывает, не то уговаривает меня внучка.

Вот тебе и отрицательный герой...

«Ура! Так ему и надо!» – помню, радовались мы в детстве.

А это голубоглазое трёхлетнее создание, которое и слова-то не произносит ещё толком, вдруг прониклась к брошенному жениху. И потому начинается параллельная сказка, как крот очень переживал, но старая мышь в конце концов успокоила его и обещала женить на соседке-кротихе... Кажется, я подобрала убедительную кандидатуру, внучка дала согласие на продолжение истории.

– А тем временем, – незаметно зевнув, продолжала я, – ласточка с Дюймовочкой на спине подлетели к яркому цветку, в чашечку которого птичка и посадила крошку.

Глаза мои смыкались, и я уже сама, подобно ласточке, уносились в сон и оттуда смотрела на себя, на внучку. Картина была, как при замедленной съёмке. Язык не слушался меня. Буквально по слогам я произнесла:

– И тут она увидела прекрасного эльфа.

При этих словах Ингуля неожиданно подпрыгнула с криком:

– Нет!

И опрокинула меня с высоты сна на землю.

Я, отряхнувшись от дремоты, взяла себя в руки и твёрдым голосом произнесла:

– В чём дело?

– Оттуда! – отчаянно воскликнула она.

– Оттуда?... – протянула я, прослушивая, пробуя на язык это новое слово.

Но внучка ещё громче, даже агрессивно выкрикивала это «оттуда», словно кидалась в меня какой-то неведомой диснеевской зверюшкой.

– Откуда? – неуверенно переспросила я.

– Нет!.. Нет... – уже всхлипывала она обречённо и смотрела на меня с укоризной.

Я села, закусила губу и стала размышлять. Сон улетучился. Напрягла свою память, но что-либо приблизительно похожее на «оттуда» вспомнить не могла...

– Оттуда, отуда... – шептала я, поглядывая на расстроенную, недоумевающую внучку. Наконец решила сделать дубль два:

– Ласточка с Дюймовочкой подлетели к цветку, – трепещущим приглушённым голосом произнесла я и остановилась.

Представив всю эту картину с сидящим в цветке эльфом с прозрачными крылышками, я непроизвольно вымолвила:

– И вдруг о чудо!

Я ещё только ставила восклицательный знак, как внучка выдохнула счастливо:

– Да!

Это можно было сравнить с рождением ребёнка: наконец-то всё решилось! Вот тебе и «о чудо...» – два крохотных словечка. Как я не придала им значения? Оказалось, это не просто слова, а действительно чудо...

Только минут через двадцать Инга смогла уснуть. Ангельское личико её было умиротворённым, золотистые волосы рассыпались по подушке, сторожа сон... О чудо!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей КОЗЛОВ КОГДА УСТАЛИ СНЕГА...

О книге Андрея Шацкого «Первозимье»

Со стихами выдающегося русского поэта Андрея Шацкого я познакомился ещё задолго до того, как познакомился с самим поэтом, хотя нас связывает многолетняя дружба и совместные проекты. Стихи Андрея пришли ко мне со страниц толстых литературных журналов и сразу стали «моими», так же как когда стали «моими» стихи Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Глеба Горбовского... Андрею Шацкову удаётся то, что удаётся очень немногим, правильнее сказать, единицам – он умеет совмещать в триедином пространстве стиха народность, интеллектуальность, историзм. И – главное – находит в этих трёх определяющих золотое сечение. Его стихи трогают до глубины души, тревожат сердце, легко становятся песней или ораторией, они корнями в Куликовом поле, но вздымаются в бездонное русское небо...

«Первозимье» – поздняя, во многом выстраданная книга поэта. Она рождалась буквально на моих глазах. С одной стороны, первый снег приносит в этот суетный мир очищение, с другой – у Шацкого «усталые снега», бесснежные зимы, и «Реквием задержавшейся зиме», и снег в своём падающем множестве и множественном значении застывающего на полгода Евразийского пространства.

И мне осталось – верить в снегопад,
Который начался подобно чуду,
Чтоб тихо падать сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду!

Настоящая, живая поэзия врывается в сознание читателя с такой силой, что делает его не только сопричастным пейзажу или переживанию автора, его боли и радости, она вызывает стойкое ощущение собственного чувства. Да, это сказал, пропел другой человек, но сказал так, как будто это сделал ты сам, как бы хотелось сказать тебе. И ты либо погружаешься в наш русский Сугробистан, в кондовую Избанию... Либо, как всякое живое существо на этой планете, ждёшь нового витка жизни, ждёшь весны...

Зима не уходит. Под Рузой сугробы в лесу.
И ночью за окнами светят морозные звёзды...
Вот-вот Благовещенье. Пасха, глядишь, на носу.
Но грают вороны и рушат грачиные гнёзда.
И грозен пра-птицы зимой замороженный зрак.
И северный ветер несёт и несёт свои хлопья.
Никак не наступит весна, не наступит никак!
И смотрят грачи в леденящую даль исподлобья.
Мне в суетном марте хватило метелей сполна,
И ждать половодья отбило любую охоту.
Когда же медведи очнутся от вечного сна?
Когда же возьмутся капли с утра за работу?

Потому что:

И будет март! И станет жизнь ясней
В небесной сфере и в земной юдоли.
И поменяет загнанных коней
Моей судьбы Вершитель на престоле,
Который серафим и херувим
Несут на крыльях огненного света...
Настанет март! И будет Третий Рим
Палить снега из Ветхого завета
В багряном зное Масляны костров,
Вещающих кончину зимней стужи.
Настанет март – и посреди дворов
Заплещут отражённой синью лужи.

Как раз в этом отрывке ярко наблюдается умение поэта сочетать глубинный, вселенский смысл бытия с почти пасторальным пейзажем. В книге после зимней части есть и март, и апрель, и май, и лето, и осень... Наверное, её с таким же успехом можно было назвать «Времена года», но поэт останавливается на «Первозимье», потому что это его ощущение болящего, тронутого вселенским холодом и смертями близких людей сердца. Именно того сердца, которое выплёскивает на бумагу чудесные строки. В последней своей части «Первозимье» – это реквием. Совсем недавно поэт потерял взрослого, ещё совсем молодого сына... Стихи, посвящённые сыну, заставили плакать тех, кто впервые увидел их в Интернете, в «Литературной газете», потому что подлинная боль, зарифмованная или отлитая в прозу, становится болью общей, становится болью читателя.

Я бы много мог сказать о знании поэтом русской истории, о тех словах и символах, что перетекают из глубины веков в его строфы. О настоящем – непроходимом Православии, когда из строфы смотрит на тебя любящий лик Богородицы, когда по русским полям идёт великий молитвенник Земли Русской святой Сергей Радонежский, или скачут свозь лес сакмагоны, впереди дружины Дмитрия, которому предстоит стать Донским... И есть в этой книге стихотворение, которое Андрей Шацков привёз из родного нам Тобольска. Дышит в этой книге наша Сибирь.

Многие знают, что после смерти сына поэт хотел замолчать. Выплакав боль и душевный свет в «Первозимье», он и сейчас не оставляет мысли об этом обете. Но сам мир Божий закликает его: пой! Ведь находит он в себе силы почти ежегодно радовать читающую Россию выходом в свет редактируемого им альманаха «День Поэзии», редакция которого удостоена Государственной премии... И хотя, как пишет сам Андрей Шацков, «время вышло», мы будем терпеливо ждать новых стихотворений, новых книг...

А пока... пройдитесь по «Первозимью», подержите в руках первый усталый снег, вдохните русских просторов, погрузите себя в Слово... Время вышло, но время жить, время любить, время ждать, время читать и наполняться живым словом никто не отменял. И пусть «Холода... Россия... Первый снег... Исповедь печальная поэта». Но есть высшая весна, как пасхальная песнь, которую вы тоже найдёте в этой книге. Время вышло, но время ещё есть...

Время вышло

Время вышло. Хлопнув дверью, вышло.
На пороге пальцем помяня,
Грустью глаз замороженных, вишня,
Проводи в далёкий путь меня.
Ты прости, прощай – грядут морозы.
Вороньём на Русь слетелась мгла...
Далеки июньские стрекозы.
Яуза от стужи замерла.
Всё в былом и ничего не надо?
Память половицей не скрипит?
Низкая железная ограда.
В ожиданье сына мама спит.
А в стране, что залегла по пояс
В зимние, холодные снега,
Ты живи, ничем не беспокоясь.
Лишь живи – и вся тут недолга!

Владимир ХОХЛЕВ

СПАСИБО ЗА КЛЕВЕРНОЕ ПОЛЕ

Роман о том, что ад – это количество совершённых человеком при жизни грехов, а рай – это любовь.

Сергей Козлов. Сорок дней.

– М.: Сибирская Благовонница, 2017. – 608 с.

Это роман о жизни после смерти и о любви, которая преодолевает всё. Когда автор касается этой почти запретной темы, на ум приходят те, кто входил в эту воду до него. Скажем, Ричард Матесон с его экранизированным романом «Куда приводят мечты» или Юлия Вознесенская с книгой «Мои посмертные приключения». Есть и другие. Но сразу оговоримся, что роман Сергея Козлова, обозначенный как «русская исповедь», резко отличается от аналогичных попыток заглянуть на тот свет. Во-первых, потому, что по степени откровенности он действительно исповедь, во-вторых, потому, что Козлов находит собственные художественные решения. Нет, это не хождение по кругам ада и не восхождение по лестнице к небесам. В отличие от Данте Сергей Козлов не оперирует символическими цифрами, его ад – это количество совершённых человеком при жизни грехов. Его рай – это любовь и путь к Богу.

При всей сложности романа, который восходит своей основой к трудам Григория Богослова, Игнатия Брянчанинова («Слово о смерти»), Филофея Лецинского, Николая Сербского, Паисия Святогорца и отца Серафима Роуза, он рассчитан на самый широкий круг читателей. Это подтверждается успешными продажами книги на православных ярмарках, в сетевых и обычных книжных магазинах. Увлекательный сюжет держит читателя до конца. Кто-то пропускает цитаты из трудов святых и богословов, кто-то находит в них ответы на собственные вопросы о смысле жизни.

Удивительным и мелодичным рефреном проходит через весь роман клеверное поле.

«– Спасибо тебе за клеверное поле, – вдруг сказал ангел.

– За что? – удивился я.

– За клеверное поле и звёздное небо над головой. Если бы я был на Его месте, я бы так и поступил, – улыбнулся он. – Я сейчас это понял.

– Это называется вкус жизни...»

И разумеется, автору, как, впрочем, и в других его книгах, удаётся передать завораживающие пейзажи и просторы России. Они ненавязчивы, как излишне подробные описания, скорее, больше похожи на полотна импрессионистов. Но думается, каждый читатель откроет их для себя по-своему.

Рядом с главным героем ангел-хранитель и бес, который продолжает искушать даже тогда, когда герой оказывается на пороге смерти. Сергей Козлов исповедовался в этом произведении, но его исповедь каждый может применить или примерить на себя. В конце концов ни один критик, ни один литературовед не сможет определить процентное соотношение действительности и художественной реальности. Просто в этот текст верить... Подтверждение тому – плачущие над этой книгой зрелые мужчины.

Большинство читателей проживает «Сорок дней» романа за один день или одну ночь, в зависимости от того, когда открыли первую страницу... А в конце книги, на добавку, два пронзительных рассказа «Обычная история» и «То не вечер», которые уже можно было встретить в толстых литературных журналах.

Эдуард АНАШКИН

МЕЖДУ ОТЧАЯНИЕМ И НАДЕЖДОЙ

О книгах Леонида Иванова

Обычно мы ценим книги новенькие, не секунд-хэнд. Да и в подарок куда приятнее получать такую и ощущать себя первым её читателем. Но если подумать, то книга ценна именно тем, что она читана и даже перечитана. Что она становится не твоей личной собственностью, а эстафетой идей, заложенных в ней. Что через эту книгу, читанную многими до тебя, ты как бы знакомишься со многими другими её читателями и ощущаешь некую читательскую общность. За что и люблю я книги библиотечные.

Книгу Леонида Иванова я взял не в библиотеке, мне её прислали из Москвы друзья-коллеги по перу, но тем не менее она именно эта эстафета добра и надежды. Уже по тому, как она зачитана, видно, что эта книга очень нужна людям. Леонид Иванов – известный журналист и писатель не только в Тюмени, где живёт, но и в России. Он автор многих книг, но я сейчас говорю вполне конкретно о его книге «Палата 206», ставшей своего рода бестселлером среди людей, кому поставлен страшный диагноз – рак. Не буду скрывать, и я частично принадлежу к этой категории как состоящий на учёте в Самарском онкоцентре. Часто приходится бывать в больнице, проходить УЗИ, сдавать анализы и ещё многое другое сделать и пройти, чтобы попасть на приём к врачу. Ожидание, чтобы побывать у врача, это не место для встреч: контингент от детей до пожилых людей со страшным диагнозом – рак. А потому прочёл книгу Иванова не только как читатель и писатель. Но сначала об авторе.

Уроженец Вологодской глубинки, куда были сосланы его родители-финны, Леонид Иванов с детства рос в любви к литературе. Много читал с детства, как говорится, «баловался пером», пробуя себя в прозе и журналистике. Однажды прочитал произведения нашего великолепного прозаика, сибиряка-кубанца Виктора Ивановича Лихоносова. И они так поразили юношеское воображение, что и доселе Леонид Кириллович считает Лихоносова своим крёстным отцом в литературе.

В молодом возрасте стал литературным сотрудником газеты-районки, то есть прошёл суровую, но очень поучительную литературную школу. По собственному опыту работы в районной газете знаю, сколь суровую проверку на человеческую и творческую прочность там проходишь. Хотя писатели насторожённо относятся к журналистике, говоря, что она может испортить талант писателя. Но мало кто знает, что Михаил Александрович Шолохов считал кадровым писательским резервом именно журналистов как людей, знающих жизнь, и тружеников пера. Вся жизнь Леонида Иванова связана с журналистикой. Приметы его биографии явно проглядывают в одном из его персонажей «Палаты 206». Хотя думаю, что в каждом из персонажей, которых выписывает читатель, есть так или иначе автобиографичность.

Несмотря на то что журналистика требует человека всего и полностью, Леонид Иванов все эти годы и как писатель не простаивал. Свидетельством тому публикации в литературно-художественных альманахах и журналах. В 2009 году увидела свет его книга очерков и рассказов «Первый парень на деревне», в 2010-м – повесть «Леший», в 2011-м – «Палата 206» и книга «Будем жить!», в которую автор включил две повести и несколько рассказов, в 2012-м – «Покойники – народ смиренный»,

а в 2013-м – двухтомник «Избранное». Леонид Иванов – лауреат Всероссийских литературных премий «Белуха» и «Левша», Международной литературно-педагогической премии «Добрая лира» и так далее.

Повесть «Палата 206» изначально не была рассчитана уже самим тиражом в пятьсот экземпляров на какой-то всероссийский читательский охват. Такие книги расходятся больше в литературном кругу, когда автор дарит их коллегам да библиотекам на литературных вечерах. «Палата 206» получила неожиданный для автора даже с учётом актуальности поднятой проблемы онкозаболеваний всероссийский резонанс. Леонид Кириллович стал получать письма из разных регионов России, куда его книга той или иной оказией попадала, что говорится, сама проторивая себе дорогу к читателю. Люди, в основном те, кто пережил онкозаболевание и кто болеет им, делились с автором самым сокровенным и благодарили его, что он не просто поднял проблему тотального роста онкологии в России, но и помог больным не впасть в отчаяние и продолжать бороться за свою жизнь. Писали автору не только больные, но и врачи. Просили прислать хотя бы один экземпляр книги, чтобы давать читать своим пациентам как психотерапевтическое средство.

Впрочем, эту книгу следовало бы прочитать и здоровым людям, чтобы могли вовремя остановиться и задуматься о своей жизни. Отрешиться от суеты и не упускать из вида главное в жизни – саму жизнь. Православные отцы говорят, что Бог посылает нам болезни вовсе не как наказание, но и для вразумления. «Палата 206» доверительно и увлекательно рассказывает нам о нескольких днях жизни пациентов, волею судьбы оказавшихся в одной больничной палате. Все они люди очень разные по судьбе, возрасту, социальному и финансовому положению. Здесь они все равны. И разделение на «северян», то есть пациентов из северных районов, за лечение которых доплачивают богатые северные регионы, чтобы северянам давали второй завтрак, воспринимается не иначе как с улыбкой. Потому что перед лицом страшного недуга все равны, словно некто свыше решил уравнять их, таких разных, но таких равных перед диагнозом, который звучит почти как приговор, не подлежащий обжалованию...

Читаешь книгу и время от времени ловишь себя на мысли, что в нашем современном человеческом обществе, где люди, обаянные погоней за материальными и статусными благами, как-то стали забывать о некоем изначально человеческом равенстве, такие недуги неслучайны. Смерть и рак уравнивают всех – бомжа и монарха, напоминая людям о том, что все мы живём под одним небом, и не суть важно, ездим в иномарках или стоим на остановке трамвая.

Кто-то скажет, что назвать эту повесть энциклопедией современной жизни в России будет слишком патетично. Но я бы именно так её и назвал. Потому что через судьбы пациентов перед нами предстаёт современная Россия. Перед нами люди из самых разных социальных слоёв современного российского общества, с самыми разными судьбами, характерами, житейскими ситуациями... Успешный бизнесмен Дмитрий Иванович, недавно перенёсший операцию по удалению рака и вновь погружившийся с головой в бизнес-проблемы, хотя его «взаимоотношения» со страшным диагнозом ещё до конца не решены.

Молодой сельчанин Ильдар, которого диагноз застал, как гром среди ясного неба, став страшным ударом и ему, и его любящей и любимой жене Айгуль. Ильдар попадает в большой город из глубинки, и его стресс от известия о болезни усугублён его бытовой и материальной неустроенностью,

и даже какой-то сельской детской наивностью. Талантливый успешный журналист Вадим – тоже со своими проблемами. Овдовевший и оставшийся одиноким несмотря на наличие сына и дочери дядя Коля – славный старичок с чувством собственного достоинства, не желающий быть детям и внукам в тягость. Бравый военный Фёдор, заработавший болезнь во время военных сборов, но несмотря ни на что не утративший боевого духа, за что прозван другими большими энеджерджайзером.

Медсестра Ниночка почти по-матерински относится ко всем пациентам. Во всех них, больных раком, она словно видит свою бабушку, умершую от этого диагноза. Смерть бабушки до того поразила в своё время Ниночку, что она решила стать врачом, чтобы найти лекарство от рака. Но жизнь внесла свои коррективы, и Нина стала медсестрой, помогающей онкобольным. Крепкий русский сельский мужик Степан – добротный хозяин, на каких во многом стоит современное русское село. Думающий о будущем, строящий дом для своей семьи и именно в это время узнающий свой страшный диагноз...

И как бы по другую сторону – врачи-хирурги, мастера своего дела, которые делают своё дело и как могут морально поддерживают своих подопечных, несмотря на финансовые махинации начальства из числа нуворишей от медицины. Вчитываясь в судьбы этих и других героев повести, ты словно видишь распахнувшуюся перед тобой Россию, переживающую тоже некий постперестроечный «диагноз», что сродни онкозаболеванию...

Заслуга автора повести «Палата 206» в том, что он не позволяет ни своим героям, ни читателям впасть в уныние и отчаяние. И хотя в номере палаты подспудно звучат два трагических символа – груз двести и палата номер шесть, это не повод для уныния. И высшая степень надежды – это преодоленное отчаяние! А потому из палаты, где проходит граница между жизнью и смертью, между надеждой и отчаянием, по воле автора, диктуемый художественной логикой повествования, раздаётся смех, а вовсе не безысходные рыдания. Смех, свидетельствующий о том, что душа и дух людей, телесно отягчённые болезнью, не сломлены.

Читатель поначалу вправе впасть в недоумение: «Какое веселье? Как можно смеяться, одной ногой стоя в могиле?» Но ведь порой мы начинаем в полной мере ценить жизнь лишь тогда, когда осознаем, что не бессмертны! Не потому ли автор «Палаты 206» Леонид Иванов продолжает получать от благодарных читателей письма и звонки, судя по которым книга его давно перешагнула границы России? Письма приходят из Казахстана, Белоруссии, Прибалтики, Польши...

Ну а теперь логично будет сказать, что книга написана отнюдь не только средствами художественного воображения. Дело в том, что Леонид Иванов пишет во многом о себе, дважды перенёсшем операцию по удалению онкологии. Уж кто-кто, а он-то знает, как трудно не упасть духом и не впасть в отчаяние при таком диагнозе. Эта книга написана им во многом и для себя тоже! И в этом её уникальность!

Вспомните книги фронтовиков о войне, того же «Василия Тёркина!» На войне тоже, как в онкоцентре, проходила линия, где бок о бок ходили смерть и жизнь, надежда и отчаяние. И все понимали: в любой момент «пуля пролетела и ага». Но разве это повод сидеть в окопе и безутешно рыдать? Нет! Это повод с удвоенной и утроенной силой любить и ценить жизнь в каждом её проявлении, находить в ней жизнеутверждающие моменты. Когда человек ощущает, насколько коротка и хрупка жизнь человеческая, с ним происходит поистине волшебная метаморфоза от понимания, что никакие

материальные блага с собой на тот свет не заберёшь. И предстояние перед вечностью открывает в человеке те неведомые ему самому силы, которые прежде дремали.

А потому книгу «Палата 206» я бы посоветовал прочесть не только тем, кто так или иначе связан с раковыми заболеваниями, но и здоровым людям, чтобы научиться ценить жизнь.

Ведь даже в слове ОТЧАЯНИЕ явно звучит старинное слово ЧАЯНИЕ, то есть надежда.

И вот у меня в руках новая книга Леонида Иванова «Суббота – банный день». Уверен, тот, кто откроет эту книгу – непременно дочитает её до конца, испытывая самый разный спектр чувств человеческих – от негодования и горечи до умиления и гордости за широту души русского человека. Да, наша сельская глубинка серьёзно больна. Но она больно не неизлечимо, если живут в ней люди, подобные героям этой книги.

Две старушки, единственные жительницы неперспективной брошенной деревни, встречают Рождество при свете керосиновой лампы. Они не ропщут на судьбу и на забывших дорогу к ним детей и внуков. Бабушки им ещё и помогают, отдавая пенсию и те дары окрестных лесов, что собирают, несмотря на нездоровье и преклонные года. При свете керосиновой лампы, приготовив нехитрый ужин, с истинно православной кротостью ждут Рождественского света. Обсуждают свои дела земные, поминая добрым заботным словом детей и внуков. И уже вроде готов читатель впасть в отчаяние при виде такой кротости, что так не соответствует картине разорения земли русской. Но нет, не даёт своим читателям отчаяться Леонид Иванов! Не даёт и всё тут! И вот уже мужики из соседнего села на свой страх и риск подключают свет старушкам. Этот свет приходит к ним, как рождественское чудо.

А вот городской внук приезжает спустя какое-то время в деревню, где вырос и куда годами глаз не казал. Даже не смог приехать на похороны бабки и деда. Поминает вместе с односельчанами, помнящими его ещё мальчуганом, бабушку и деда, всю жизнь беззаветно любивших друг друга. Первой умерла бабушка, а через сорок дней, затосковав по жене, ушёл из этого мира и дед. Парень ходит по опустелому дому, как неприкаянный. Легко осудить его такого, родства не помнящего. Но это было бы слишком просто и совсем не по-русски. И вот уже взгляд внука натывается на амбарную книгу, он раскрывает её и...

Глотая слезы, читает многолетнюю переписку деда и ревнивой бабушки. Когда они ссорились, бабушка переставала разговаривать с мужем, и они начинали общаться «СМС-ками» в амбарной книге – сколь сердито-трогательными со стороны бабушки, столь же снисходительно-терпеливыми со стороны деда. При этом принимали официальный тон и называли друг друга не иначе, как «сударь» и «сударыня». Что ж, милые бранятся – только тешатся. Но какая трогательная картина любви двух близких людей раскрывается перед внуком. И современный, приученный к айфонам парень берет ручку и в конце дописывает своё объяснение в любви к деду и бабке...

Тема возвращения блудных детей – едва ли не сквозная для этой книги. Городской сын приезжает на могилу матери, безуспешно ждавшей его многие годы. А мать умерла. И вот он с ожесточением и презрением к самому себе и своей городской занятости колет дрова, которые не мог поколоть матери при её жизни. Ведь так и умерла старушка за колкой дров от сердечного приступа. Но ни разу за все годы не помянула при односельчанах сына недобрым словом, любила и ждала его. И помощи односельчан, друзей сына, не принимала – чувство достоинства мешало. Впрочем, друг

сына всё равно находил возможность хотя бы украдкой пробраться в сарай соседки, чтобы наколоть ей дров...

Взрослый мужчина вспоминает, как в детстве они мальчишеской ватагой обижали сельского доброго юродивого, и без того обиженного судьбой. И как однажды отец, прежде сроду не поднимавший на него руки, отодрал его ремнём, когда мальчишка вместе с другими обидел юродивого. Выяснилось, что аналогично, не стовариваясь, поступили все отцы обидчиков, преподав мальчикам едва ли не самый главный жизненный урок сострадания к малым сим... Невозможно читать эти рассказы без спазма в горле.

В персонажах Леонида Иванова так или иначе побеждает доброта и свет, пишет ли он об онкобольных или сельчанах. Русская глубинка – та почва, что питает замечательную по языку и доброму взгляду на мир прозу Леонида Иванова. В его замечательных рассказах неперспективность, навязанная русской глубинке правителями, побеждается широтой русской души и состраданием к слабым, которые извечно есть в душе каждого русского человека.

Эта книга – логичное продолжение таких книг Леонида Иванова, как «Первый парень на деревне», «Будем жить!» и, как ни странно прозвучит, книги «Палата 206». Тяжело больная русская глубинка предстаёт здесь вовсе не обречённой, пока живут в душе русского человека сострадание к слабым, забота о ближнем, понимание дальнего, снисходительность к заблудшим...

В жизни ничего случайного не бывает. Об этом думал я, читая рукопись новой книги Леонида Иванова – книги пронзительных рассказов о буднях русской глубинки, насельником которой являюсь и я сам. Глубинки, которую также не назовёшь пышущей здоровьем, если деревни вымирают, а обустроившиеся в городах дети годами не ездят проведать родителей в село. Какая-то душевная онкология, иначе не скажешь!

Как ничего случайно нет в том, что будущий писатель Леонид Иванов – и сам детище этой самой русской глубинки, о которой так пронзительно пишет в этой книге. Неслучайно однажды в детстве Лёня Иванов прочитал прекрасную прозу Виктора Лихоносова, а потом познакомился с великим Василием Беловым. Они и стали для Леонида Иванова художественным и нравственным ориентиром.

Помогла автору этой книги и журналистика, которой отданы были многие десятилетия. Помогла работа в районной газете, а потом и в федеральных изданиях. К чему все эти разговоры, что журналист пожирает писателя? Михаил Александрович Шолохов, да и не он один, был уверен, что непосредственное знакомство с жизнью, которое даёт журналистика, писателю никакая не помеха, а наоборот – огромное подспорье.

Уверен, тот, кто откроет эту книгу – непременно дочитает её до конца, испытывая самый разный спектр чувств человеческих – от негодования и горечи до умиления и гордости за широту души русского человека. Да, наша сельская глубинка серьёзно больна. Но она больна не неизлечимо, если живут в ней люди, подобные героям этой книги.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валерий ЕРМОЛАЕВ

ТАВДИНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

«Царская» дорога

Был я мальчишкой. Как-то в летние каникулы наш учитель географии и организатор многочисленных походов по тавдинским весям Михаил Иванович Григорьев взял с собой на покос троих ребят: меня, моего брата Коляя, что на год младше, и нашего общего друга Вовку Серова. Радости нашей не было предела: помочь любимому учителю, да провести недельку на дикой природе! Полдня в кузове грузовика вместе с другими покосниками мы добирались до сенокосных угодий – через деревни Большая Пустынь и Новоселовку, которая тогда ещё была живой, мимо озёр Источного и Среднего, через красивейший девственный Средненский бор – до болота, по которому уже пошли пешком со всеми пожитками.

Час ходьбы по топкой тропе в пошворе (так в наших краях называют сырое моховое болото на торфяниках) в знойном июльском мареве, наполненном дурманом багульника и полчищами комаров, и вот мы на берегу маленького, поросшего по берегам узкой полоской смешанного леса озера с таинственным названием Таймеево. Здесь уже многие годы находился стан, который до вечера покосники шумно и сноровисто обжили: покрыли свежими ветками шалаши, выкопали небольшой колодец-копанец, натащали сушняка и соорудили артельный костёр. Мужики отбивали косы, ходили на свои участки приглядеться, какова нынче выдалась трава, делали пробные прокосы.

Ребятишки, а их кроме нас было ещё несколько, успели перезнакомиться за общими работами, потом искупаться в озере и даже закинуть удочки в прозрачную, с темно-коричневым торфяным оттенком воду. Тут оказалось, что ловится только золотистый, с тёмной спинкой голян, да с огромной охотой, даже на голый, без приманки крючок! И хотя рыба голян была здесь довольно крупной и жирной, все ж мелковата сама по себе для настоящей ухи. Мужики к ночи вытащили из укромного места лодку-долблёнку и поставили сети. Уха – карасья – была задумана на завтра.

Утром все разошлись по чистому болоту, и начался сенокос. Нам, городским пацанам, всё было в новинку. С желанием и прилежанием учились косить, ворошить, грести, ставить копны. Болото звенело от мерной работы кос, гудения обзолённых жарой кусачих паутов, переклички косарей и, обычно ближе к вечеру, женского пения. Где-то с другой стороны обширного болота иногда доносились неясные голоса и урчание какой-то техники: Михаил Иванович сказал, что там косит колхоз соседнего района, здесь как раз проходит граница.

За три дня с косьбой на этом краю болота мы управились, и на следующее утро, захватив только инструмент – косы-литовки да грабли, – отправились за учителем вокруг озера на новый участок. Для этого надо было перейти по тропке небольшой пошвор, за которым снова начиналось чистое место с сочным травостоем.

Посреди пути, поперёк тропы, нам встретилось что-то вроде старой широкой дороги – в виде просеки через редкий низкорослый соснячок, обычный для пошвора. На ней угадывались заросшие параллельные колеи. Богатые мхи основательно нивелировали впадины, а кое-где из них уже поднимались молоденькие сосёнки и скупое озеленённое листвой прутики берёзок. «Бригадир» объявил «перекур», мы улеглись на мягкие кочки. Запахло дымком сигареты «Прима», которые учитель всем другим предпочитал. И тут мы услышали от Михаила Ивановича историю, запавшую с тех пор в память и имевшую продолжение в моих краеведческих поисках во взрослые годы:

– Мы сидим на старом заброшенном зимнике, несколько лет назад он ещё использовался для вывозки леса, заготовленного в делянках заключёнными. Там, за болотом, – Михаил Иванович показал рукой в западном направлении, куда уходила просека, – на озере Каранино был лагерный пункт. Только старожилы говорят, что этот зимник существовал задолго до появления здесь лагерей и что эта был один из участков зимней дороги из Тобольска в Екатеринбург... Трудно сказать, соответствует ли это действительности, хотя вполне возможно, ведь из Тобольска на реку Тавду через огромные Эскалбинские болота – пространства, известные ещё как Заболотная Венеция – исстари шёл зимний путь на Урал. Выходил он к большой деревне Городище. Именно по нему в начале апреля 1921 года пришли в деревню из Тобольска мятежники и учинили расправу над советскими активистами – расстреляли восемнадцать человек. Они покоятся в братской могиле в центре деревни.

Из Городища дорога шла через реку – тут и сейчас летом паромная переправа – в бывшее волостное село Кошуки. Если провести прямую линию от Кошуков на запад, в направлении Екатеринбурга, нынешнего Свердловска, то она пройдёт как раз через эти болота. Куда дальше она вела, к Сибирскому тракту или ещё как, не знаю, – Михаил Иванович помолчал, докурил сигаретку и продолжил свой рассказ. – Слышал я ещё одну легенду, связанную с этим зимником. Когда я сам был мальцом, то не раз косил с дедом своим на этом же болоте: здешние покосы издавна принадлежали моей родной деревне. Однажды он мне и поведал об этой дороге, да ещё о том, что, мол, по ней из Тобольска в Екатеринбург провезли в 1918 году то ли последнего царя самого, Николая, то ли его семью только. Рассказывал мне дед об этой «царской», как он называл, дороге и тогда с опаской, да и теперь, ребята, не стоит лишний раз об этом болтать, – сухо закончил говорить наш любимый учитель. Мы встали и молча пошли по тропе на наш отдалённый покос...

Много лет прошло с того памятного сенокоса, настали времена, когда появилась какая-то возможность узнать о трагических событиях, связанных с убиением последней царствующей семьи. Читая книги, статьи, публикации документов, я пытался найти истоки легенды о «царской» дороге в тавдинских краях. Увы, выходило так, что все передвижения царя, его семьи и свиты в тобольскую ссылку и оттуда в дом Ипатьева в Екатеринбурге, где большевики уготовили им расстрел, состоялись через Тюмень, по главному Сибирскому тракту, что и сейчас проходит в нескольких десятках вёрст южнее. Получается, что всё это легенда – «царская» дорога. Наверное. Опять же, по пословице, дыма без огня не бывает. Может, не всё ещё нам пока известно о тех окаянных днях?

А на Тавдинской земле царь всё же побывал. 26 апреля 1918 года Николай с женой и дочерью Марией на подводах, под усиленным конвоем были отправлены из Тобольска в Тюмень. Единственная ночёвка в пути была

в селе Бачелино, что расположено в месте впадения реки Тавды в Тобол. Под царскую семью был отведён большой двухэтажный дом. Остальные члены семьи – наследник Алексей, дочери Ольга, Татьяна и Анастасия из Тобольска были отправлены пароходом 20 мая.

Девушка Анастасия

Уже молодым парнем, перед самой службой в армии, пришлось мне пару месяцев поработать в колхозе. Тогда с городских предприятий было принято посылать на сельхозработы «с шефской помощью». Подшефным нашего завода был колхоз «Знамя» с центральной усадьбой в селе Кошуки. Определили на работу меня к трактористу Володе Бухову, только-только пришедшему из армии, но уже успевшему жениться и получить хороший трактор ДТ-54. Добрый оказался парень, мы с ним подружились. Пахали в две смены окрестные поля: он, естественно, управлял трактором, а я – плугом. Моя должность почему-то называлась «прицепщик», хотя прицеплялся и отцеплялся плуг раз в смену, а главной моей задачей было управлять глубиной вспашки.

О, работа мне нравилась! Часами кататься, сидя на отполированном стальном седле, следи за пахотой, и – гляди на окрестные красоты, думай свои юные думки, пой, сочиняй стихи! Главное – не упасть в борозду. А это не раз случалось, особенно в ночную смену, когда натанцевавшись на деревенских танцульках, напровожавшись местных красавиц, не выспавшийся, засыпал я под монотонный ход вспашки... Потому Володя на каждом круге проверял, в седле ли городской повеса, чтобы не запахнуть помощничка!

Как-то мы выехали пахать в ночь, но только поднялись от МТС в горку – трактор заглох. Ночь светлая, тракторист, чертыхаясь, копается под капотом, но что-то не получается, и он в сердцах говорит мне, бестолково стоящему рядом:

– Нагрешил, парень, сегодня, вот царевна на нас и сердится, в поле не пускает.

– Какая... царевна? – не понял я.

– Анастасия!

– ?

– Вон за оградкой лежит, под белым камнем, видишь? – Володя показал в темноту. Я вспомнил, что как раз на горке находится кладбищенская роща. – Поговаривают старики, что похоронена здесь дочь царя Николая. Заболела и умерла как будто бы в дороге, когда везли их из Тобольска. Церковь-то по пути только наша оказалась, в ней отпели, при ней и похоронили, – Володя махнул рукой в сторону кладбища, ограда которого была в нескольких метрах от дороги, на которой мы застряли, и то ли шутя, то ли серьёзно предложил: – Сходи, перекрестись на могилке, авось и заведёмся.

Так я узнал о легенде, связанной с одной из могил на скромном погосте села Кошуки. Она самым прямым образом дополнила историю о «царской дороге», что поведал нам учитель Михаил Иванович на сенокосе несколько лет назад.

Посмотреть на необычную могилку я отправился, само собой, только днём. У самой ограды из штакетника, отделяющей кладбище от дороги, над невысоким, поросшим травой бугорком лежал серый прямоугольный камень со следами скола сверху. Видимо, памятник имел какое-то вертикальное продолжение, давно варварски отломанное. На камне еле заметно угадывалась вырезанная надпись. Я почистил ладонью и палочкой буквы и прочитал: «Здесь покоится девушка Анастасия Роман. 1899-1918».

1918 год – год гибели царской семьи! Неужели?!.. Ведь у царя на самом деле была дочь Анастасия, а «Роман» в надписи на памятнике – это «Романова» в сокращении?

Ни в тот день, ни на протяжении многих лет ничего определённого об этом мне выяснить не удалось ни от жителей села Кошуки, ни от школьных историков, ни от местных краеведов. Я прекрасно осознавал, что вряд ли советские органы оставили бы в целостности такую могилу, особенно в свете их действий по уничтожению любых следов трагедии в Ипатьевском доме. А тут могила дочери царя! Но... люди хотели верить в то, что в Кошуках похоронена именно царица Анастасия – и верили, тайно ухаживали за могилкой, приходили к ней паломниками из отдалённых мест.

Долго ли, коротко ли, но наступили времена прояснения многого в нашей истории, разъяснилась и загадка могилы «девицы Анастасии». Кажется, полностью открылись перипетии мрачных событий ссылки и гибели последнего венценосца и невинных детей его. Как уже упоминалось выше, вряд ли достоверна народная молва о возможном проезде опального царя по «царской» дороге через наши палестины. Знаем мы теперь, что и год рождения младшей дочери его Анастасии не 1899-й, как выбито на могильном камне, а 1901-й. А главное, нашлись и документальные свидетельства, позволившие понять истоки нашей печальной легенды.

Довелось мне поработать в архиве с метрическими книгами Кошукской церкви Рождества Христова, счастливо сохранившимися почти без утрат за время с начала XIX до двадцатых годов XX века, совсем недавно ставшего прошлым. В книге за 1918 год нашлась запись, прояснявшая историю с могилкой «царь-девицы». Первым попытался развенчать легенду тавдинский краевед Валентин Александрович Кучин, опубликовавший в местной газете своё мнение на этот счёт, опиравшееся на эту метрическую запись.

Вот что записал священник Кошукской церкви: «16 марта 1918 умерла от чахотки, 18-го погребена Минской губернии Новогрудского уезда Городичанской волости села Бронники крестьянская девица Анастасия Иосифова Роман, 18 лет, и похоронена на Кошукском приходском кладбище». Семья переселенцев из Белоруссии с фамилией Роман прослеживается по метрическим книгам как жители села Кошуки с 1916 года. И в наши дни эта фамилия бытует среди жителей города Тавды.

Таким образом, могила рано ушедшей из жизни простой крестьянской девушки приобрела легендарную известность в силу совпадения (можно сказать – мистического) года смерти, имени, фамилии, даже места, если верить народной молве о маршруте следования царской семьи через Кошукскую волость.

Знаток тавдинского прошлого, ветеран Великой Отечественной войны Леонид Михайлович Решетников как-то рассказывал мне, что сразу после войны он посещал знаменитую могилку и помнит, что тогда памятник на ней был почти целый и представлял собой квадратный в основании камень с вырастающим из него большим крестом, каменным же, покрытым рельефной резьбой... Теперь, когда, как говорится, легенда развеяна, должно бы ожидать и охлаждение интереса к ней. Ан нет! В последние годы за легендарной могилкой уход стал ещё внимательнее: всегда поправлена она, украшена цветами, а рядом с камнем появился деревянный православный крест. В новой ограде кладбища как раз напротив могилы оставлена калитка, и часто около неё можно увидеть паломников и автомобили с номерами разных регионов.

Выходит так, что легенда о могиле девицы Анастасии, дочери царя, жива.

Александр ЯРКОВ

ДНЕВНИК ПОЛИТРУКА (К 75-летию Сталинградской битвы)

В моих руках оказался уникальный документ Сталинградской битвы – дневник старшего политрука, старшего лейтенанта Тихонова, обнаруженный в... Канаде. Найденный нашим соотечественником, сразу оценившим находку, дневник отправился к его родственникам в Тюмень.

В чём его уникальность? Дневники в тот период под страхом военного трибунала вести вообще запрещалось. Политрук по должности и партийной принадлежности обязан был приказ исполнять и, более того, пресекать любые попытки бойцов и младших командиров вести дневниковые записи. Не подчинился комиссар, доверяя сокровенное... Сокровенным были трогательные строчки любви к дочерям Гале и Тане, жене Люсе и ещё одной любимой женщине (кто же возьмётся судить человека в той ситуации, да ещё через 70 лет?). Сокровенными были и нелицеприятные оценки собственного командования, бездарно растраниживавшего людские жизни и материальные ресурсы (а это реальность как следствие уничтожения военного командования в 1937-1938 годах). В 1942 году, попадись дневник советской контрразведке, не миновал бы политрук Тихонов изгнания из партии и службы в штрафбате. Ничего, пронесло.

А обстановка была тяжелейшая: **6.7.42 г.** *Сдан Севастополь. Идут тяжёлые бои на Курском направлении, в результате которых наши части отошли.*

Между тем политрук Тихонов шёл своей военной дорогой, в которой присутствовали и вполне «мирные» сюжеты: **10.7.42 г.** *Приехали на Дон, в станицу Вешенскую. Поспели вишни, на которые мы набросились.*

Летом 1942 года войска вермахта усилили наступление на южном направлении с целью захвата Кавказа. Но на пути встал Сталинград. Битва в этом городе длилась 200 дней и ночей (с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года). Началась она неблагоприятно для нас: оборонительная операция продолжалась в течение четырёх месяцев.

17.7.42 г. *Узнали, что штаб 38-й в Ендовской. Это ещё 150 км на восток, но вдоль Дона. Глядя на карту, можно предположить два возможных направления, по которым противник может нанести удар. Это либо Ростов, либо Сталинград. Болтают, будто бы открылся второй фронт. Ах, скорей бы. Но это пока что разговоры, т.к. газетами или радио не подтверждено. Итак, сняли свою переправу на Дону в х. Рубежном. Вчера последний раз дважды переплыл Дон. Едем в Ендовскую, в штаб.*

24.7.42 г. *Сегодня едем в Калач-на-Дону, который расположен в самом узком месте между Волгой и Доном. До Сталинграда 75 км. Очень ответственный участок. Противник готовит удар на Сталинград, чтобы отрезать юг от севера. В боях на юге решается сейчас судьба родины. Отечество в опасности.*

28.7.42 г. *38-й армии больше нет. Остатки дивизий переданы в 21-ю армию, а штаб 38-й армии образовал штаб 1-й танковой армии. Почему-то кажется, что здесь, на Сталинградском фронте, врагу будет нанесён удар, или во всяком случае продвинуться вперёд, за Дон, ему не дадут. Стоим в х. Дмитровка, население – украинцы. До Сталинграда 45–50 км.*

7.8.42 г. *Стоим в х. Дмитровка и по сути бездействуем. Группировка противника, прорвавшаяся через Дон у Цимлянкой, движется вперёд*

и, очевидно, будет угрожать Сталинграду. Недавно нас всех взволновал приказ т. Сталина № 227. «Ни шагу назад» – вот его смысл. Куда же дальше, в самом деле, отходить! Тем более что в приказе сказано о многих горьких истинах: ресурсов у нас не больше, чем у немцев, организованность плохая, дисциплина плохая. Будем учиться у врагов дисциплине. Сами не могли догадаться, что болтовня о дисциплине и практическое её внедрение – вещи разные. Ну а немцы меньше болтают, а больше делают. И расплачиваемся мы за это кровью, и кто знает, какие жертвы впереди. По сути юг уже отрезан от Москвы, так как ж.-д. сообщения уже нет. Может быть, под Сталинградом будет так же, как у Ленинграда! Ну а как будет на Кавказе? Чёрт его знает, как велика угроза!

15.8.42 г. *На базе 1-й танковой армии образован Юго-Восточный фронт. Как надо понимать, сейчас задача ЮВФ – сдержать наступление противника, идущего на Сталинград со ст. Котельниково. Мы стали фронтовым батальоном. Стоим в Горной Поляне. С горы видна Волга и Сталинград. Туда всего несколько километров. Каждый день в воздухе происходят бои. Но по всему видно, что Сталинград сейчас – это не главный объект немецкого нападения. Поэтому и авиации тут немного, почти нет. По сути Сталинград не подвергался ещё бомбёжке. Главные силы, в том числе и авиация противника, заняты сейчас на Кавказе. Там он движется очень быстро, так быстро, что сердце болит. Бои идут в районах Минеральных Вод, Черкесска, Краснодара, Майкопа. Завтра будут уже бои в районе Грозного. Никак не вмещается в голове мысль о том, что наша страна, великий Советский Союз, народ, который стоит на голову выше всех остальных – может быть покорена Германией. Нет и нет! Что-то должно произойти, на что-то наше правительство и т. Сталин ещё рассчитывают, хотя наши шансы на выигрыш бесспорно уменьшились и продолжают уменьшаться.*

Ситуация взята под контроль, когда 12 сентября оборона города была возложена на 62-ю армию (командующий генерал-лейтенант Василий Чуйков) и 64-ю армию (командующий генерал-майор Михаил Шумилов).

12.9.42 г. *Над Сталинградом сегодня стоит непрерывный гул. Ревут моторы самолётов, визжат и ухают бомбы, поют «катюши», не прекращается артиллерийская стрельба. Противник у самого города.*

21.9.42 г. *А вот сегодня бои идут уже на улицах города. Переправы и левый берег обстреливаются миномётным огнём. Вчера мы переехали ещё дальше в тыл, в с. Красный Сад. Строим КП для штаба фронта. Неужели этим проклятым собакам удастся взять город? Кажется, ещё немного продержаться нашим – и враг будет окончательно обескровлен. Какие потери они несут, и всё же лезут вперёд.*

В городе развернулись ожесточённые бои, а символом мужества и героизма стал дом, удерживаемый в течение двух месяцев гарнизоном сержанта Павлова, где двадцать четыре воина девяти национальностей стойко отражали атаки противника. За беспримерный подвиг гвардии сержант Яков Павлов удостоен звания Героя Советского Союза.

Так и оказался политрук со своими бойцами в горниле битвы – в районе Сталинградского тракторного завода, ещё некоторое время продолжавшего ремонтировать танки, доукомплектовывая уходящие на ближайшую передовую – в нескольких кварталах – экипажи своими рабочими.

10.10.42 г. *Мы получили боевую задачу: минировать острова на Волге против Сталинграда и восточный берег. Оборона. Не дать возможности*

переправиться через Волгу, если бы он это задумал. А дела серьёзные. Центр города занял противник и вышел в этом месте к реке. Идут большие бои в заводской части города.

Не будем осуждать политрука Тихонова за его преданность идеям большевизма – это его судьба и обстоятельства, но видно, был он умелым психологом, коль использовал в работе с бойцами не только передовицу газеты «Правда», но и пронзительные стихи И. Уткина: «Если будешь ранен, милый, на войне...»

14.10.42 г. *Был на участке нашей 3-й роты. Она минирует острова Спорный и Зайцевский. С левого берега видно всё. Сегодня как никогда действует в этой части его авиация. Действует нахально, в большом масштабе. На наш зенитный огонь как бы не обращают внимания, хотя огонь сильный. На другой день узнаём, что в районе СТЗ противник вышел к Волге. Нас торопят с минированием берегов, приведена в готовность оборона. Утром начал бомбёжку дорог и населённых пунктов на левом берегу. Только мы собрались на политинформацию, как из-за облаков посыпались на Лебяжью поляну бомбы. Попадали в щели и на землю. Хорошо, что расположились в лесочке у села, а то бы попало. Полоса разрывов прошла от нас в 80–100 м, в селе разрушено несколько домов, есть убитые и раненые. Уже начинают шутить – куда ни поедем, комиссар обязательно попадёт под бомбёжку или обстрел. Правда, теперь я уже не комиссар – заместитель по п/ч. Не знаю, как коснётся нас, инж. части, вопрос о переводе на командную работу. (Насчёт бомбёжки я вспомнил рассказ ст. лейт. Рыбкина о нашем пребывании в Сталинграде, на переправе. Он рассказывает: «Погода стояла тёплая, солнце. Пошёл наш комиссар выкупаться на Волге. Вдруг налёт авиации. Бомбы попали вблизи и на берег, и в реку. Все мы попрятались под ж.-б. мостом. И тут вспомнили: а где же комиссар? Выглядываем после бомбёжки, а комиссар доплывает до затонувшей баржи. И оттуда кричит: «Рыбкин, пусть кто-нибудь принесёт мне мыла». А бомбы совсем недалеко падали. Вот такой у нас комиссар».*

Главную роль в контрнаступлении советских войск должен был сыграть Юго-Западный фронт во главе с генералом Ватутиным, одним из опытных, хотя и молодых военачальников. Николай Фёдорович блестяще оправдал оказанное ему доверие. Ныне его имя носит одна из улиц города Тюмени. 9 ноября 1942 года залпами семи тысяч орудий и реактивных установок ознаменовано начало наступательной операции войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов.

11.11.42 г. *Штаб батальона стоит на левом берегу Волги в 15–20 км от города. Наши роты все в разных местах. Третья против СТЗ в свх. Лебяжья поляна. Она минирует острова против тракторного. Первая рота расположена ниже по течению, как раз напротив центра города, в районе Красной слободы. Минируют левый берег на участке Бобров – Красная Слобода. Вторая рота – ещё ниже, на острове Серпинском, который образован двумя разветвлениями Волги. Она минирует берег напротив Бекетовки. Тут, во второй роте, спокойнее всего. Они даже минирование производят днём, чего совершенно невозможно делать на участках первой и третьей рот.*

22.11.42 г. *В приказе № 345 от 7 ноября 42 г. т. Сталин говорит: «Недалёк тот день, когда враг узнает силы новых ударов Красной армии». Настроение у людей приподнятое, всем хочется скорей за Волгу, за Дон, к родному Днепру.*

23 ноября войска двух фронтов встретились в районе города Калач и посёлка Советского, завершив окружение 330-тысячной группировки фельдмаршала Паулюса.

30.11.42 г. Наступление идёт успешно. Оборванцы румыны тысячами сдаются в плен. Мы тоже продвинулись за Волгу. Наставили мы тысячи мин на островах и восточном берегу Волги, а оказывается, в наступление пошёл не фриц, а наши части. Но переправа в районе Светлого Яра работает плохо, и немудрёно – идёт лёд. В ожидании очереди ночуем на берегу в санитарной машине. Машин, боеприпасов, людей очень много. Какая досада! В такой важный момент переправа не обеспечивает нужд наступающих частей.

16.12.42 г. 7.12. получили приказание нач. штаба ВПУ немедленно выступить из Красноармейска. В распоряжение 4КК в Верхне-Курмойрский (на Дону) в 5.00 8.12 пришли на погрузку. Погрузка длится всю ночь (вместо положенных двух часов), и только 9-го утром выезжаем. 12.12 мы (штаб) выехали на машине в Генераловское. В Генераловском частые следы бомбёжки – воронки, почерневший снег, разбитые дома. Ехать нужно обратно в х. Сазонов. Из Сазонова вместе со штабом 4КК переезжаем дальше в колхоз 8 марта, так как очевидно, что противник продолжает наступать. Так как в колхозе 8 марта все дома заняты штабом, решаем отправить людей в х. Верхне-Кумский. Числа 25-го прибыли в Нижне-Кумский. Ничего не делаем. Мин нет. Некоторые населённые пункты враг оставляет без боя. Уводит, гад, свои силы к более выгодным рубежам. Разминировать тоже нечего. Скучно.

27.12.42 г. Вчера узнали о наступлении наших войск юго-восточнее Нальчика. Успешно идёт наступление в средней части Дона. 49 тысяч пленных! На нашем участке юго-западнее Сталинграда тоже части продвигаются вперёд. Сколько мы уже сидим без дела! 20 дней. За счёт увозимых с поля боя оружия наши бойцы уже полностью вооружились.

31.12.42 г. Продолжаем двигаться вперёд, вслед за передовыми частями. Люди идут пешком. Тяжело. Поднимает дух то, что враг бежит, что его громят. Проходим знакомые сёла, вновь освобождённые – Красноармейск, Верхне-Кумский, Генераловский, Верхне-Яблочный. Затем прибыли в Захаров (7 км от Котельниково).

1.1.43 г. Хутор Майорский. В ночь под Новый год легли спать в 9 часов вечера. Но ночь была бурной – вызовы, приказания. В 24.00 были на ногах. Поздравили друг друга с Новым годом. Зато утро 1.1.43 встретили за столом. Выпили по две рюмки водки. Была хорошая закуска. Завтра едем дальше.

2.1.43 г. К обеду прибыли в Баклановскую. Кое-где торгуют частники. Килограмм хлеба – 100 рублей. В городе пусто.

9.1.43 г. В 14.00 был закончен мост. Сначала прошло два лёгких танка, затем – тяжёлая артиллерия на тракторной тяге. На постройке моста был сегодня с утра до обеда. Погода прояснилась. Вчера над самым мостом появился низко-низко транспортный самолёт. Только он вынырнул из низких туч, как зенитки открыли огонь. В ту же минуту самолёт загорается и идёт на посадку. Сел он на правом берегу над самыми домиками, где мы обогревались. Все бросились к самолёту. Запыхавшись, взбираемся по виноградникам (вот оно, цимлянское вино!) наверх и видим картину: широкая полоса, по которой прополз самолёт, усеяна коробками сигарет, мешками с мукой и кофе и другими вещами, высыпавшимися из разбитого самолёта. Круги сыра покатались вниз с обрыва к самому Дону.

Из-под горящих обломков вытаскивают трёх лётчиков со сплюснутыми в лепёшку черепами. Двое остались живы и пытались спастись бегством, но были схвачены. К самолёту сбежались гражданские. Одна,

не старая ещё женщина, крестьянка, причитала: «Слава Богу, теперь и я увидела, как их, сволочей, сбивают. Так им и надо». Лейтенант Мотов мне рассказывал, что один старик по этому поводу сказал: «Ну теперь и помирать можно: видел, как фрицев убивают».

22.1.43 г. С 10.1.43, то есть вот уже месяц, мы в резерве. Сначала стояли в Цимлянкой, затем – в хуторе Ряске. Задача – готовить одну роту парашютистов-минёров для действий в тылу у врага. В Ряске пока что занимаемся боевой подготовкой, живём по хатам, устроились хорошо, так как в этом хуторе больше нет военных. Начал восстанавливаться колхоз. Работает школа. Машет крыльями ветряк. Народ живёт хорошо. Зерна полно у всех, скота тоже. Немцы не успели здесь похозяйничать как следует. А всё колхозное добро пошло по рукам.

2 февраля шестая армия противника полностью капитулировала. Советским войскам удалось перехватить стратегическую инициативу и позже удерживать её до конца войны. Поэтому считается, что победа на берегах Волги зажгла звезду Великой Победы, ознаменовав первый в 1943 году перелом Второй мировой войны.

Среди воинов-сталинградцев было много сибиряков. Почти каждая дивизия, сформированная в то время на территории Тюменской области, направлялась на Сталинградский фронт. Без преувеличения можно сказать, что каждый второй тюменский участник Великой Отечественной носит или носил гордое имя сталинградец.

Те, что постарше, спешили в военкомат или обращались к командирам частей и дивизий с требованием выдать оружие и зачислить в действующую армию. Среди них был и тюменец Анатолий Малов: «Одни нас гнали в шею, другие сочувственно говорили: «Подрасти, сынок. Получишь паспорт – приходи». К тому времени и войны-то уже не будет, считали мы. Поэтому на войну пошли по комсомольскому билету. Неведомо было нам, что Сталинградская битва продлится двести дней и ночей».

Символично, что именно в период сражения на Волге родился почин приобретения самолётов на личные сбережения людей, живущих в тылу. Активное участие в нём приняли и жители Тюменской области. С 1941 по 1945 год на их средства было закуплено четыре самолёта – «Тоболяк», «Ямальский комсомолец», «Тюменский мопровец», «Вагайский путеец».

«В 15 лет, окончив 7 классов вечерней школы, я начала работать на обувной фабрике, где шила тапочки для госпиталей, шубинки из местного сырья, текстильные ботинки на деревянной подошве для шахтёров, полуботинки и ботинки для местного населения, кирзовые сапоги для фронта», – вспоминала о событиях в тылу во время Сталинградской битвы жительница г. Ишима Н.В. Степанова.

Время безжалостно: по данным Тюменской областной общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов, на территории области проживает около 160 участников Сталинградской битвы, из них в городе Тюмени – 28. С каждым днём стремительно уходят люди, которые выстояли. Помня о них, Илья Эренбург, отвечая на вопрос, почему немцы не взяли Сталинград, хотя были в нескольких сотнях шагов от цели, сказал так: «Немцы «почти» взяли Сталинград. Они его не взяли и не могли взять: это «почти» было живой стеной, и стена не дрогнула. Другой народ не выдержал бы такого испытания. Но Россия – это Россия».

Вячеслав СОФРОНОВ

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ПРОШЛОГО

Мы и наши предки тобольские купцы Корнильевы и их родство с царствующим домом

Как-то мне пришлось наткнуться на одну даму, – Чоглокову Агриппину Степановну, которая, будучи вдовой, вышла замуж за одного из сыновей известного тобольского купца Василия Корнильева, – Якова Васильевича. Поначалу просто сделал выписку о появлении в семье Корнильевых некой Агриппины и вполне мог забыть о ней, поскольку интересовал меня именно род Корнильевых. Но потом, когда события стали разворачиваться вопреки всяческому здравому смыслу, появился интерес и к жене Якова. Розыски те себя вполне оправдали, поскольку открылось, что прежний муж Агриппины Степановны (в документах – Стефановны), – Наум Чоглоков, – был одним из ближайших родственников правящей династии Романовых и в Тобольск попал в ссылку за немалые грехи во время правления Екатерины II. Как позже выяснилось, его вполне можно отнести к плеяде русских авантюристов, которыми была так богата Россия, особенно в XVIII веке.

Но начну излагать события своих архивных поисков не спеша и по порядку. Итак, семья Корнильевых проживала в приходе Богоявленской церкви и принадлежала к верхушке людей торговых и состоятельных. И хотя Корнильевы не являлись дворянами, но имели бумажную фабрику на речке Суклем и стекольную в селе Верхние Аремзяны и приписных крестьян, на них работающих. В исповедальных росписях они чаще всего значились как «фабриканты».

О размахе их предпринимательской деятельности говорит хотя бы такой факт: вместе с ними в исповедальных росписях в качестве «дворовых людей» записано было на конец XVIII века 28 человек! Ума не приложу, где они проживали, если учесть, что всех их нужно было содержать, то есть кормить, одевать, обеспечивать водой, дровами и всеми прочими жизненно важными элементами быта. Скорее всего, то были фабричные рабочие и их дети, родственники, которые какое-то время проживали при своих хозяевах.

Но вернёмся непосредственно к Якову Корнильеву. Если в 1800 году он сообщил на исповеди, что ему 23 года и живёт он с братом Дмитрием Васильевичем (тому 37 лет), а также детьми Дмитрия при матери, купеческой вдове Марфе Ивановне Корнильевой (она шла первой в списке как глава семьи) и той 57 лет. А уже в следующем 1801 году в тех же списках прихожан, явившихся к исповеди, значится жена Якова – некая Агриппина Степановна (Стефановна).

В «Метрической книге» Богоявленской церкви наряду с рождёнными и умершими прихожанами фиксировались браки (венчания), совершённые в том или ином году. Из этой записи узнаём, что 13 июля 1800 года в Богоявленском приходе купец Яков Васильев Корнильев сочетался повторным браком с вдовою, подполковницкой женой Агриппиной Степановной Чоглоковой.

Теперь, по прошествии многих лет, могу честно признаться: для меня тогда фамилия Чоглоковых абсолютно ничего не значила. Мало ли их встречается в делах, объём которых доходит зачастую до тысячи

страниц. Интересовали меня прежде всего купцы Корнильевы, и потому я упорно отыскивал каждую запись, касающуюся их. А что Чоглоковы, что Петровы, есть – и хорошо. Но каким-то непостижимым образом фамилия Чоглокова попадалась и много позже, словно он сам подсовывал мне то или иное дело, где имелась именно его фамилия. Нет, это не мистика, а что-то другое, определение чему я вряд ли смогу дать.

Как-то мне написала известная исследовательница истории Сибири, доктор исторических наук, человек сугубо православный, – Марина Михайловна Громыко. Она очень тепло относилась к моим историческим розыскам именно с христианских позиций, заметив, что при этом упоминаются имена умерших и, скорее всего, забытых их потомками людей, а это уже само по себе дело благое. Недаром в традиции православной церкви заложено поминать во время службы имена не только живущих (за здравие), но и умерших (за упокой).

Конечно, священнодействием мои розыски назвать нельзя, но согласусь, при прочтении архивных документов иногда произносил записанные вслух имена, хотя чаще про себя. Если это дело благое, значит, Богу не противное, а уж дальше судите сами, случайно или под влиянием свыше попадались мне при просмотре документы, казалось бы, к цели моих поисков никакого отношения не имеющие...

Нещастный Наум Чоглоков

Так или иначе, но мне захотелось узнать, что за человек был муж этой самой Агриппины Степановны. Короткое упоминание о нем нашёл в дореволюционных биографических словарях, но этого мне показалось мало. И как только набрал силу Интернет и там появились различные публикации по истории России, а иногда и целые документы, переведённые в «цифру», то вырисовалась подлинная судьба этого человека. И судьба, я вам скажу, очень непростая, а в чём-то даже поучительная. Таким образом, мои скромные розыски вывели меня на дорогу общероссийскую, чего явно не смог бы сделать, не займись поисками документов в Тобольском государственном архиве.

Наум Николаевич Чоглоков (в ряде документов – Чеглоков) происходил из рода древнего и именитого, но к восемнадцатому веку обедневшему. Род их восходит к выходцам из Чехии, перешедших на службу аж к самому Александру Невскому! В летописях довольно часто упоминаются военачальники, защищавшие границы российского отечества. Чоглоком зовётся сокол с хохолком на голове. Но такое прозвище в старину давали людям вспыльчивым и задиристым, что уже говорит само за себя. В одной из публикаций указывается, что род Чоглоковых имел представителей с тюркской кровью¹.

Несмотря на ратные заслуги, постепенно род Чоглоковых обеднел, и отец Наума Николай оказался при дворе волей случая как хороший танцор. Но ему повезло, и он женился на Марии Симоновне Гендриковой (1723–1757), двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны. А предки Гендриковых были в родстве со второй женой Петра I – Екатериной. Так что дети Чоглоковых, в том числе и старший сын Наум Николаевич, выросли при императорском дворе и жили в роскоши, не испытывая ни в чём особых затруднений.

¹Гельбиг. *Русские избранники. Русская старина. 1886. IV. С. 70; Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. С. 43–163.*

Однако с воцарением императрицы Екатерины II положение их изменилось, и Наум Николаевич был зачислен в чине полковника вольноопределяющимся на войну с Турцией. В боях он вряд ли участвовал, но попав на Кавказ, в Грузию, начал строить интриги против командующего русским экспедиционным корпусом генерала Готлиба Тотлебена. Впрочем, сам генерал, отличавшийся точно такой же тягой к интригам и даже предательству, был в своё время присуждён к казни за измену, но прощён императрицей, а затем направлен в Грузию.

Из дошедших до нас показаний очевидцев, Чоглоков собирался сделаться ни больше ни меньше как царём, то ли грузинским, то ли ещё каким, за что и был арестован. Суд поступил с ним довольно гуманно и сослал на жительство в Тобольск. Но и тут он не сошёлся в чём-то с не менее задиристым, нежели он сам, губернатором Денисом Ивановичем Чичериным, и тот спровадил племянника умершей императрицы в приполярный Берёзов².

Мне удалось найти документ всё в тех же исповедальных росписях, где сообщается, что в 1787 году Наум Николаевич Чоглоков, записанный как «нещастный» – так в Сибири именовали всех ссыльных – и как «бывший полковник», проживал в приходе Сретинской (Никольской) церкви вместе с законной женой Агриппиной Стефановной и престарелым слугой Гавриилом. Чуть позже совместно с ними проживали мать и тёща его – Мария Стефановна Тарашкина, вдова отставного прапорщика, вместе с двумя своими детьми. Выходит, девичья фамилия Агриппины Степановны была Тарашкина. Невольно хочется вспомнить созвучную в чём-то фамилию печально известной княжны Таракановой, неудавшейся наследницы на царский престол. Так что племянник императрицы Наум Чоглоков, невзирая на свои амбиции и высокое происхождение, породнился с дочерью прапорщика. Поступок по тем временам неординарный, но не нам его судить. После смерти Екатерины II Чоглоков вернулся из ссылки в Новгород, а возможно, в одно из своих имений под надзор полиции, где вскоре и умер 6 января 1798 года.

Трудно сказать, что досталось после смерти несостоявшегося грузинского царя его законной супруге, кроме звания «дворянской жены», но и его она вскоре утратила, выйдя замуж за младшего сына купцов и фабрикантов Корнильевых – Якова. В те времена в Сибири не существовало не только крепостного права, но и не было особого различия между дворянами и простыми смертными, чем эта страна от прочих регионов и отличалась.

Переменчивая Агриппина Степановна

...Но вернёмся в год 1801-й. Итак, наряду с прежними членами семьи Корнильевых среди них появляется жена Якова (ему 24 года) – Агриппина Степановна. Теперь она тоже Корнильева. Но вот возраст её меня, не скрою, смутил: ей 50 лет!!! Для меня это был своего рода шок, я долго не мог понять, как может мужчина в 24 года взять в жены женщину в два раза старше себя. Предположил, что Яков мог быть инвалидом или вовсе умалишённым, но когда выяснились родственные связи прежнего мужа Агриппины, – Наума Чоглокова, то допустил и такой вариант, что Корнильевы решили породниться со знатной вдовой. Хотя до конца ответить на этот вопрос вряд ли кто сможет.

²Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906.

А вот дальше самое интересное. Ещё не зная, какой сюрприз меня поджидает в дальнейшем, начал просматривать все последующие записи, поскольку меня интересовали именно Корнильевы. И что я обнаружил. На следующий 1802 год Яков показал, что ему 25 лет, а Агриппина Степановна все те же 50. Ну думаю, ошиблась женщина, с кем не бывает.

Смотрю за 1803 год – Марфе Ивановне Корнильевой (матери Якова) 60 лет, самому Якову – 26, а жене его Агриппине... 41! Сходил за увеличительным стеклом и принялся более внимательно изучать эту загадочную цифру. Нет, 41 год и все тут. Думаю, единственное объяснение в таком случае: дьячок или священник ошибся при записи, мог не расслышать или просто перепутал.

Заказываю связку тех же «Росписей» по Богоявленской церкви Тобольска за 1804 год. Между запросом и временем исполнения, когда дело принесут из фондов хранения, часть которых в те годы находилась в здании рентереи, уходило обычно несколько дней. Служащие архива время от времени могли и посетовать, что их гоняют за этими делами, будто им больше заняться нечем. Дела действительно порой оказывались тяжеленными, и потому я с радостью брался помогать в их доставке, испытывая едва ли не суеверный трепет, оказавшись между полок, где хранились бумаги, часть из которых пережила и грандиозные пожары, и наводнения, и смену режимов и жару, и сибирский холод. Ощущение ни с чем не сравнимое. Хорошо понимаю археологов, извлекающих из земных пластов древнюю утварь, а то и людские захоронения тех далёких эпох...

Эти несколько дней, пока я ждал новые папки с «Росписями», чего только не передумал о загадочной Агриппине Степановне. Словно то была моя возлюбленная, чьи следы были мной по недоразумению нечаянно утеряны, а тут вдруг забрезжила возможность встретиться с ней вновь. Когда наконец-то толстенный том «Исповедальных росписей» за 1804 год положили передо мной на стол, дрожащими руками развязал тесёмки, стягивающие его крест-накрест, заглянул в лист прежних пользователей и обнаружил, что до меня, не считая архивных служащих, проводящих когда-то его регистрацию, никто его не открывал и тем более «моей» Агриппинушкой не интересовался. Ну прямо Колумб, первым увидевший полоску земли.

Нахожу нужную страницу и читаю: Марфе Ивановне 61 год, старшему её сыну Дмитрию – 41, Якову 27, а жене его Агриппине Степановне 42 года. Никакой ошибки быть не могло. Цифры написаны чётким разборчивым почерком и служители церкви ошибиться или не расслышать её возраст никак не могли.

Дальше пошло, как по накатанному: в 1805 году Якову 28, а жене его Агриппине 43 года. В 1806-м Якову 29, Агриппине 44. В 1807-м Якову 30, жене его 45 годков. В 1808-м Якову 31, Агриппине 46 лет. В 1809-м Якову 32 года, а имя Агриппины... в записях отсутствует. Забеспокоился, словно о живом человеке: уж не умерла ли она? Если верить самой первой записи, ей должно быть уже немало лет, вдруг ушла, не попрощавшись, в мир иной.

Но в записях за 1810 год Агриппинушка присутствовала и честно показала свой возраст – 48 лет, тогда как Якову исполнилось 33 годика. И за 1811 год ей, согласно своим собственным, неведомым нам подсчётам, исполнились очередные 49 лет, а Якову – 34.

Я бы на его, мужнином месте, идя навстречу пожеланиям любимой жёнушки, уж точно накинул бы себе лет этак десять, коль для неё вопрос

возраста был столь принципиальным и болезненным. Но он почему-то на такой подлог, а можно поставить вопрос иначе – подвиг! – не решился и продолжал жить, как все окружающие, упорно указывая свой истинный возраст, точно мы, мужчины, не в состоянии понять и оценить женские усилия по сохранению уходящей молодости. Ну как их можно не любить после таких вот вполне безобидных ухищрений в борьбе с неумолимой природой? Одно слово – женщины со всеми их недостатками и достоинствами...

И ещё. Имя Агриппина, как явствует из словаря, произошло от мужского фамильного имени Агриппа. Так, Плиний Старший утверждал, что это довольно древнее имя обычно давали детям, выходящим из материнского чрева вперёд ногами! Вот те на... Значит, наша героиня вполне оправдала данное ей имя? Она вела себя не как все другие и шла наперекор предназначенного ей судьбой пути. У неё, как и положено, всё наоборот! По крайней мере с возрастом. И хотя я не очень верю в магическую силу имён и всё, что с ней связано, читателям своё мнение навязывать не хочу и не буду. Однако наш случай с Агриппиной Степановной, хотим мы того или нет, иначе и объяснить невозможно.

Но вернёмся к архивным розыскам. Мы вплотную подошли к 1812 году... Началу доблестной войны с Наполеоном и пришедшей с ним в Россию многоязычной армией в полмиллиона человек. А что же наша Агриппина Степановна? Как она проявила себя в общенародной борьбе? Проявила! И ещё как!!

В записях все той же Богоявленской церкви за 1812 год в семье Корнильевых значатся: Марфа Ивановна – 69 лет, её старшему сыну Дмитрию Васильевичу – 49 лет, Якову Васильевичу – 35 лет, а Агриппине Васильевне... Вот ведь ни за что не догадаетесь! И я бы не догадался, если бы не довёл своё расследование, которое лично меня никаким боком не касалось, до его логического завершения.

Да и записей за последующие годы в архиве могло не оказаться или бы пришлось вдруг заняться какими-то своими более важными на тот момент делами, и выходит, изменил бы своей вновь явленной привязанности в лице безвестной мне Агриппины Степановны, урождённой Тарашкиной, дочери сержанта.

Но дела за последующие годы оказались в полной сохранности и записи на нужной странице не залиты водой, не пострадали от времени, а вполне объективно и непредвзято хранили на толстенных пожелтевших от времени листах ручной выделки информацию, которой на сегодняшний день набегало двести с лишним лет. Признаюсь, ждал чего-то эдакого от своей героини, помнить о которой буду наверняка ещё очень долго и каждый раз улыбаться, вспоминая о её вполне безвинных проделках, и ожидания мои оказались вполне оправданными.

Вот только интересно, думала ли она о том, что какой-то любопытствующий субъект сунет свой нос в её личные дела? В результате чего они станут достоянием гласности, как было принято говорить в те перестроечные годы, когда и велось моё затянувшееся на долгий срок расследование.

Вряд ли Агриппина Степановна задумывалась на этот счёт. Её заботы в то время были совсем о другом: а что скажут окружающие её люди, узнав о такой разнице в возрасте между ней и мужем? Видимо, для неё это было необычайно важно, коль она пустилась на подлог, подчеркну, после исповеди (!), то есть покаяния в своих больших и малых прегрешениях и подлог ни перед кем другим, а перед Матерью-церковью. Вот что значит

для женщины назвать свой возраст. И батюшки, наверняка знающие, сколько ей лет на самом деле, потворствовали в том и, затаив в бороде усмешку, записывали названную ею цифру. Кому от этого худо? Главное, чтобы все были довольны, а уж Бог за такую малость точно простит...

Но не будем томить читателей по поводу того, какой вклад внесла наша героиня в ополчение против иноземного нашествия. Да и читатели наверняка догадались, какой именно вклад она могла сделать. Да, всё верно: в 1812 году Агриппина Степановна вновь помолодела и против её имени указан возраст ровно 40 лет!!! Достойный вклад сибирских женщин в победу над врагом. Вот вам, французы, получайте подарок из Сибири!

Скажите, разве могут европейские вояки справиться с таким народом, у которого женщины молодеют, а не старятся каждые десять лет? Неувядаемая нация! Без всяких лекарств и подтяжки морщин, словно по мановению волшебной палочки. Мужчины, те имеют право на старость, а женщины должны всегда оставаться молодыми. Пусть не совсем молодыми, но разве 40 лет – это возраст? Ещё и парочку детей родить можно, коли очень захотеть. Сейчас подобных примеров сколько угодно.

Жаль, что Агриппине Степановне не пришла в голову такая мысль. Впрочем, потом я обнаружил её довольно часто участвующей на крестинах младенцев разного пола в качестве крёстной матери. Так что и там она преуспела. Я бы с удовольствием соорудил ей памятник с красноречивой подписью: «Нестареющей женщине-сибирячке». Может, кто когда и додумается, и будет стоять у Дворца бракосочетаний или напротив роддома подобный монумент в бронзе со ссылкой на нашу героиню. Даже если и без ссылки, всё равно хорошо!

Но пора заканчивать нашу далеко самую не печальную повесть о семействе тобольских купцов Корнильевых, жизнь которых была совсем не скучной. Особенно после того, как среди них появилась такая ярчайшая звезда в лице Агриппины Степановны, побывавшей замужем за одним из многих российских авантюристов – Наумом Чоглоковым. Может, от него она получила бациллу неуспокоенности, свойственную далеко не каждому человеку? Так ли это важно? Она оставила пусть небольшой, но свой след в истории, наверняка не думая о том.

А теперь перенесёмся в год 1813-й. «Купецкой вдове» Марфе Ивановне исполнилось 70 лет, Дмитрию Васильевичу – 50, Якову Васильевичу – 36, а его любезной жёнушке – 41 годик. Чего и следовало ожидать. Остановиться она просто не могла и почти сравнялась в возрасте со своим мужем. Всё остальное не так важно. Своего она добилась. Теперь не стыдно и честным людям в глаза смотреть, никакого неравенства или там дискриминации.

Хотя наверняка такого слова Агриппина Степановна и не слышала. А если бы услышала, и ей объяснили, что оно значит, то несказанно удивилась: какая такая дискриминация? У нас полное равенство! Ещё десять лет, и она может оказаться даже моложе собственного мужа. Дело за немногим – прожить ещё десятилетие и показать всё тот же возраст – 40 лет!

Ох как мне хотелось хоть одним глазком глянуть на эту госпожу Чоглокову-Корнильеву, урождённую Тарашкину. Но такой возможности у меня, к сожалению, не имеется. И её портрет, если он вообще существовал, не дошёл до нас. Зато в семье Менделеевых сохранился портрет старшего брата Якова Васильевича, – Дмитрия. Его дочь, – Мария Дмитриевна, – вышла замуж за учителя Ивана Менделеева, появившегося в Тобольске в первые годы XIX века, и стала матерью 17 детей,

выжили из которых лишь 14. Её любимцем был «последыш» – Дима, известный нам как учёный с мировым именем – Дмитрий Иванович Менделеев. Он продолжил род Корнильевых и оправдал его незаурядность. Но не будем отвлекаться, а вернёмся к нашей героине.

Увы, но продолжения повести об этой, на мой взгляд, тоже далеко незаурядной женщине не последовало. Повествование обрывается на самом интересном месте – на 1814 году. В «Исповедальных росписях» за этот год нет упоминаний ни о купечкой вдове Марфе Ивановне, ни об её младшем сыне Якове, ни о жене его Агриппине. Просмотрел документы почти за десять лет вперёд вплоть до 1824 года. Но Корнильевых нигде не обнаружил.

Зато за 1814 год есть записи о явившемся к исповеди фабриканте Дмитрие Васильевиче Корнильеве в возрасте 51 года, а также его зяте, – титулярном советнике Иване Павловиче Менделееве (31 г.), его жене Менделеевой Марии Дмитриевне (23 г.); их дочери Марии (3 года) и насчитал дворовых людей при них – 21 человек. А вот все другие члены семьи, упоминавшиеся ранее, увы, отсутствуют. Нет ни Марфы Ивановны, ни Якова Васильевича, ни Агриппины Степановны. И в дальнейшем никаких записей о них в документах Тобольского архива найти не удалось.

Но мне не хотелось прекращать их поиски. Если умерли, то найти запись о смерти. Потому отложил «Исповедальные росписи» и начал пролистывать год за годом «Метрические книги» Богоявленской церкви в надежде отыскать хотя бы дату их смерти. Но не нашёл на этот счёт ничего... Посмотрел записи за ближайшие годы по Верхним Аремзянам и бумажной фабрике на речке Суклемке – нет! Пролистал все другие городские приходы – результат тот же. Агриппина Степановна вместе с мужем и его матерью исчезли. Да, неожиданно появилась она в моей жизни и столь же неожиданно исчезла. Это тоже женская особенность – исчезать тогда, когда заблагорассудится, и никого о том не извещать. Принимай таких, какие есть. На то они и женщины. Что тут ещё можно сказать?

Можно предположить, что навряд ли в 1814 году в Сибири случилась неведомая нам эпидемия и выкосила подряд нескольких членов семьи, которые до того умирать никак не собирались. А может быть, они переехали в другой город? Наткнулся в документах, что в городе Таре жил кто-то из рода Корнильевых. Сделал запрос. Ответ не обнадеживал: ничего не найдено. То же самое в Омске и Тюмени. А дальше... широка страна моя родная....

После долгих поисков понял: всё бесполезно, и дальнейшие розыски своей героини на этом прекратил. Остаётся одна надежда, что какой-нибудь исследователь наткнётся на этот славный род и опубликует свои записи. А потом волей случая они попадутся мне на глаза, и я смогу закончить свою короткую повесть. Но может, так, как вышло, даже лучше? Почему-то уверен, что эта женщина-загадка, будь на то её воля, хотела бы, чтобы её история осталась неразгаданной.

Иван и Марья Менделеевы и их тобольское воссоединение

...Но это далеко не все сведения о роде купцов и фабрикантов Корнильевых. Я дал лишь выборочно отдельные места из своих выписок о них и сделал акцент на возрасте, который в те давние времена никто не считал чем-то обязательным и указывался многими произвольно. То одна ветвь, пошедшая от одного из нескольких братьев – Василия Яковлевича Корнильева. Именно на его печатном станке издавался первый в Сибири журнал со странным для сегодняшнего уха названием: «Иртыш, превращаю-

щийся в Иппокрену³». К нему от старшего брата перешла и стекольная фабрика в селе Верхние Аремзяны, которой долгое время управляла мать Д.И. Менделеева, а сам Дима провёл там в детстве не одно лето. Считается, что именно там он впервые увидел использование различных химикатов при выделке стекла, что и способствовало его выбору стать в дальнейшем химиком.

Если о самом учёном написана масса книг, то о его родителях известно достаточно мало. А как с этим «бороться»? Лишь открыв новые документы, изучив их жизнь и тем самым способствовать уменьшению «белых пятен» в этом плане.

Потому считаю своим долгом привести впервые выявленные мной документы о них, которые до этого нигде не публиковались. Посвятить этому отдельную книгу не представляется возможным, а вот поместить наряду с другими достаточно значительными документами вполне уместно.

Начну с того, что приведу полностью брачную запись о венчании Ивана Менделеева и Марии Корнильевой в том виде, в каком она имеется в «Метрической книге» Богоявленской церкви Тобольска.

«23 июля 1809 года в приходе Богоявленской церкви венчан иереем Ефимием Морковитиным Тобольский гражданский учитель Иван Павлов Менделеев купца Дмитрия Корнильева с дочерью девицей Марией первым браком при диаконе Василии Лепёхине и при причетниках Афанасии Ситникове и Александре Морковитином.

При сём браке были поручатели: тысяцкой титулярный советник Иван Андреев Набережник и потяжанин⁴ гражданский учитель Семён Гаретовский».

Поясню, Марии Менделеевой было на момент замужества 18 лет, мужу её Ивану Павловичу – 27. Следовательно, год его рождения – 1782-й, а Марии Дмитриевны – 1791-й. Всё правильно, первая запись о семействе Корнильевых, которую мне удалось обнаружить в фондах Тобольского архива, относится к 1792 году, где Марии указывается 1 годик. Таким образом, разница в возрасте во вновь образованной семье Менделеевых, 9 лет. Уже в 1811 году у них появится первая дочь Мария.

Мной уже был приведён акт венчания Ивана и Марьи (прямо как в сказке) Менделеевых в 1809 году. Жить они начинают отдельно от семьи Корнильевых. При них проживает прислуга из двух человек из числа приписанных к стекольной фабрике крестьян. Жили они в том же приходе, что и отец Марии, а это на тот момент был самый дорогой и престижный район Тобольска. Купить дом или снять там квартиру они вряд ли могли на жалование учителя гимназии. Скорее всего, то были квартиры для учителей и, надо думать, холостых, находящиеся рядом со зданием и содержащиеся за счёт учебного заведения. Но после рождения в 1811 году дочери, кстати, тоже Марии, они снимают или перебираются в другой дом. И здесь, как и у всех нас сегодня, возникает вопрос оплаты жилья. Напомню, что описываемые события происходят в преддверии войны с Наполеоном. И тогда Иван Павлович вынужден занять деньги, но не у частного лица, а в государственной структуре, название которой для человека, не сведущего в истории, будет не очень понятным. Это так называемый Приказ общественного призрения. Создание такого ведомства

³Иппокрена – волшебный источник, появившийся на горе Геликон из того места, где Пегас ударил о землю копытом. Чудное свойство этого источника состояло в том, что всякий пивший из него получал дар говорить стихами.

можно назвать первой попыткой государства решать накопившиеся в стране социальные вопросы, которых ранее правительственные структуры вообще не касались. В нём же имелся благотворительный фонд, который пополнялся не только за счёт вносимых в него пожертвований, но и посредством выдачи денег под проценты при внесении взамен определённого залога. Вот Иван Павлович и решился обратиться к его услугам, заложив имеющиеся у него в наличии ценные вещи.

Непредвиденные обстоятельства семейного быта

В Тобольском архиве находится специальный фонд, где хранятся дела данного учреждения под номером № 355. Приведём выписки из него, относящиеся непосредственно к теме нашего исследования. Дело было начато 8 августа 1812 г. и закончено 13 мая 1714 г., когда Иван Павлович сумел наконец-то внести все взятые им в долг деньги. Оно так и называется: «Прошение титулярного советника Ивана Менделеева о выдаче ему заимообразно денег 400 рублей впредь на три месяца 1812 года».

А вот текст самого прошения.

«Покорнейшее прошение.

По стечению домашних обстоятельств нужно мне денег четыреста рублей; известно же мне, что оный приказ выдаёт свои суммы из процентов. Поэтому и прошу покорнейше приказ обществу придержать написанною суммою меня на три месяца одолжить под залог: золотой табакерки в 20 (двадцать) золотников; крупного жемчуга 6 (шесть с половиной) золотников и золотого креста в 3 (три) золотника. Следующий от суммы процент прошу удержать при выдаче. К сему прошению титулярный советник Иван Менделеев руку приложил. Августа 8 дня 1812».

Ниже стоят подписи оценщиков, где табакерка оценивается в 200, жемчуг в 260 и крест в 30 – всего на сумму 490 рублей. Менделееву выдают на три месяца 400 рублей. Тут же указан процент, который будет удержан из суммы – 1 рубль 33 копейки.

То есть через три месяца, а именно 8 ноября этого же года, он должен вернуть полученную сумму плюс проценты. Ещё раз напомним: война с Наполеоном в самом разгаре, и 26 августа по старому стилю (7 сентября по н.с.) произойдёт знаменитое Бородинское сражение. Но в тихом и мирном Тобольске она, судя по всему, не особо ощущается. Однако за такой короткий срок деньги на столь значительную по тем временам сумму ему найти не удалось, и просрочив срок платежа на несколько дней, Менделеев 13 ноября просит отсрочки ещё на четыре месяца, соответственно с ростом процентов. Проходит ещё полгода, но денег вернуть долг у него так и нет. Не знаю, можно ли было оставить сданные под залог ценности в счёт невыплаченного долга, позволяли ли совершить такую сделку правила Приказа общественного призрения, но Иван Павлович этого не делает. А 30 апреля 1813 года он пишет ещё одно прошение об отсрочке на год: «...поелику же ныне в наличии не имею оного количества денег, по причине непредвидимых и непредпологаемых мной обстоятельств...»

Возвращён долг в 1814 году, мая 13-го дня. Проценты составили 15 рублей. Трудно сказать, какие денежные затруднения вынудили Менделеева пойти на такой шаг. Закладывать личные вещи унижительно для любого.

⁴*Точного определения этого слова найти не удалось, возможно, младший свадебный распорядитель, помощник от слова «тянуть».*

Может, с рождением дочери пришлось сменить квартиру на более обширную и соответственно более дорогую. Трудно сказать.

1814 г. мая 13-го дня. Заложенные в Тобольский Приказ общественного призрения вещи, состоящие из золота и жемчуга, и обязательство получил титулярный советник Иван Менделеев.

Если перевести дореволюционные меры веса на ныне употребляемые, то при расчёте что 1 золотник приравнивается к 4,26 грамма, а Иван Павлович сдал вещи с общим весом в 29 золотников, получится 123,54 грамма. Если мы попытаемся понять, в какую сумму были бы оценены эти вещи на сегодняшний день, следует 123,54 грамма умножить на цену 1 г золота на ежедневно проводящихся торгах. Понятно, чёткой цифры мы не узнаем, поскольку неизвестно, какой пробы было то золото, но думается, не ниже современной 750-й. А у него цена 1 грамма в ломбарде (на торгах выше) составляет около 1253 рублей. Умножаем на 123,54 грамма и получаем не ахти какую значительную на сегодня цифру – 154 796 рублей, то есть получается, по сегодняшним меркам приличный дом, а тем более благоустроенную квартиру на те деньги купить было невозможно. Значит, всё ушло на сугубо бытовые расходы? Вот и ответ на вопрос – быт наших предков для честно зарабатывающего своё государственное жалование человека являлся столь же обременительным, как и для нас с вами. Единственное объяснение того кризисного состояния, в котором оказалась молодая чета Менделеевых при достаточно состоятельном отце невесты (всё же фабрикант!), – взлёт цен в связи с начавшейся войной с французами, что опять же нашему поколению пришлось познать на собственном опыте.

И ещё одна небольшая ремарка по этой семье: в 1814 году вместе с Менделеевыми в «Исповедальных росписях» значится «тесть его фабрикант Дмитрий Васильевич Корнильев – 51 год». И ни одного человека «дворовых людей». Сам собой напрашивается вывод, что, видимо, и фабричные дела обстояли не на самом высоком уровне. А за 1815 год мне не удалось найти ни в одной из городских церковей записей, касающихся семьи Корнильевых или Менделеевых. Значительно позже, занявшись изучением дел, касающихся непосредственно служебной деятельности Ивана Павловича Менделеева, хранящихся в Национальном архиве Татарстана, узнал, что он в 1815 г. получил назначение на должность директора гимназии в Тамбов, затем в Пензу и лишь через 13 лет, в 1828 году, их семья вернулась обратно в Тобольск.

Приведу выписки на этот счёт опять же из Тобольского архива на этот счёт. ...1828 год.

«Директор Тобольской гимназии коллежский асессор Иван Павлович Менделеев – 48 лет, его жена Мария Дмитриевна – 39 лет, дети их: Ольга – 14, Екатерина – 12, Апполинария – 9, Елизавета – 6, Иван – 5, Мария – 1 год, тесть его Дмитрий Васильевич Корнильев – 66 лет. Дворовые: девка Татьяна Иларионова – 20 лет, девка Марфа Петрова – 15 лет».

Как видим, тесть И.П. Менделеева уезжал из Тобольска вместе с семьёй дочери и с ней же вернулся обратно. Это лишний раз подтверждает, что родственников в живых у него никого не осталось. С его смертью род Корнильевых по мужской линии из числа тех, кто проживал в Тобольске, прервался. Остался его сын Василий, но он уехал в Москву, где и жил до смерти и после себя наследников мужского пола тоже не оставил.

А вот и акт о его смерти: «1830 года дня 2 ноября мещанин Дмитрий Васильевич Корнильев 79 лет умер от старости с покаянием. Похоронен на общем кладбище». Интересная формулировка: умер от старости!

Понимай, как хочешь. Очередной пример, когда возраст человека в метриках указан ошибочно. Если взять более ранние данные из «Исповедальных росписей», то получается, что родился Дмитрий Васильевич в 1763 году. Следовательно, в 1830 г. он умер в возрасте 67 лет!

И ещё хочется пояснить фразу «похоронен на общем кладбище». Дело в том, что до петровских реформ захоронения по православной традиции как в городах, так и в сельской местности производились возле приходских храмов. В Тобольске хоронили усопших возле храмов вплоть до начала XX века. Но со времён указа Екатерины II о строительстве в Завальной церкви специального храма и отведении участка под кладбище (оно и стало «общим кладбищем») хоронить близ приходских церквей стали значительно реже и в большинстве своём духовенство. Так что Дмитрий Васильевич Корнильев похоронен на Завальном кладбище и, скорее всего, согласно традиции, рядом со своими предками.

Можно предположить, что более поздние захоронения семьи Менделеевых (Апполинарии и Ивана Павловича) были произведены рядом с родовыми захоронениями Корнильевых. Но после варварского разграбления «господских могил» воинствующим пролетариатом и снятия кладбищенских чугунных плит с последующей сдачей их на металлолом вряд ли нам удастся сказать на этот счёт что-то более определённое, кроме как предположить...

Дело довершилось уничтожением чертежей с планом Завального кладбища, после чего сотни, если не тысячи могил стали неизвестными.

Гавриил Степанович Батеньков – загадка рождения

Другая довольно занимательная и даже в чём-то поучительная история, которую мне хочется обстоятельно изложить, это элемент случайности, приводящий зачастую к выяснению чего-то ранее вам неизвестного и даже, если хотите, к микрооткрытиям. Не знаю, возможны ли в наши дни макрооткрытия, как, к примеру, открытие Колумбом Америки. Но случай с Колумбом как раз относится к тем примерам, когда ищешь одно, но открываешь что-то совершенно другое, но тоже довольно важное. Пусть не для мировой науки, но хотя бы для вас лично.

А всё происходило вполне обыденно и повседневно. Как уже писал ранее, пролистывал том за томом «Исповедальные росписи», желая выявить все записи, связанные с семьёй Корнильевых. Добрался до списков Сретенской церкви. В наши дни это единственный из неотреставрированных храмов, и известен он больше как Пятницкая церковь. Это довольно распространённый случай, когда в одном веке храм носил название, допустим, Преображенского, а затем по ряду причин стал именоваться как-то иначе. Так вот, среди прочих прихожан мне бросилась в глаза фамилия Батеньковых.

А именно Гавриил Батеньков являлся единственным декабристом из числа сибиряков, причём после ареста судьба его сложилась довольно трагически: он двадцать лет (с 5 июля 1826-го по 31 января 1846 года) провёл в заключении в Петропавловской крепости. Единственный из всех арестованных мятежников! Остальные после непродолжительного ареста были направлены в Восточную Сибирь или в иные «места не столь отдалённые». И хотя я никогда не относил себя к почитателям тех давних событий, из которых советские идеологи соорудили культ для поклонения и почитания, но тут случай совершенно особый. Он родился в Тобольске, и этим всё сказано. Мне захотелось узнать о Гаврииле Батенькове как можно больше.

Просмотрев энциклопедические издания и специальные, посвящённые декабристам, я пришёл к выводу, что все они довольно противоречивы и точными датами и именами о детстве и юности Гавриила не располагают. Нашёл книгу его собственных воспоминаний и удивился ещё больше: Гавриил Степанович писал какие-то совершенно фантастические воспоминания, которые и легли затем в его биографию, неоднократно воспроизведённую десятками исследователей его жизни. Не могу судить о том состоянии, в котором находился вышедший после двадцати лет одиночного заключения человек, но они совершенно, подчёркиваю – совершенно не соответствовали тем фактам, что были мной обнаружены на основе изучения данных, хранящихся в фондах Тобольского архива.

Итак, в «Духовной росписи» (другое название «Исповедальных росписей») за 1802 год прихода Сретенской церкви с пометкой «военные» имеется следующая запись.

«Прапорщик Стефан Герасимович Батеньков – 68 лет,

жена его Анастасия Андреевна – 34 года,

дети их: Гавриил – 8 лет, Пелагея – 1 лет.

У них живёт мещанин Андрей Иванович Прянишников – 64 года,

Жена его Матрёна Михайловна – 60 лет.

Дворовые их люди:

вдова крестьянская Христина Патрикеева – 42 года,

дети её: Михаил – 20 лет, Екатерина – 18 лет.

У них живут: вдова мещанская Евдокия Назаровна Прянишникова – 66 лет,

мещанин Михаил Иванович Руковишников – 35 лет,

жена его Мария Фёдоровна – 23 года».

И внизу приписка: были у исповеди 4 марта 1802 года. Поясним, что праздник Пасхи (Воскресение Христово) был в тот год 25 апреля, а на исповедь принято было ходить до неё, чаще в Великий пост или перед ним. Тогда и делались записи в «Исповедальных росписях».

Как видим, указаны имена с отчеством отца и матери Гавриила, их возраст, а также записана его сестра Пелагея. И хотя Степан (Стефан) Герасимович был всего лишь прапорщик и явно не дворянин, но у него были «дворовые люди», что по сути дела приравнивало их к крепостным. И что самое главное, мы можем хотя бы предположительно определить год рождения известного тоболяка-декабриста.

Читающий эти строки наверняка спросит: а что, неужели ранее эта дата была неизвестна? Как же тогда писались многочисленные биографии о нём? Это же так просто – открыть церковные метрики и узнать день и год его рождения! Оказалось, не очень-то и просто.

Так, в 1989 году в Иркутске начался выпуск серии книг «Полярная звезда», посвящённых личностям легендарных декабристов. Был среди них и Г.С. Батеньков. В первом томе вышеназванной серии «Сочинения и письма Г.С. Батенькова» во вступительной статье некто А.А. Брегман пишет:

«Гавриил Степанович Батеньков родился 28 марта 1793 года в г. Тобольске. Он был двадцатым ребёнком у шестидесятилетнего отставного обер-офицера Степана Батенькова. Имени матери установить не удалось, но известно, что она была из мещанско-купеческого рода сибиряков Урванцевых. Отец декабриста женился на ней после смерти первой жены».

Отчасти с ним можно согласиться – имя отца удалось установить по отчеству самого Гавриила, то есть Степан, а вот матери, – Анастасии Андреевны, – почему-то нет. И во всех биографиях Г.С. Батенькова отсутствуют даты смерти родителей и имена братьев и сестёр.

Как будто бы их совсем не было. Но он сам писал на этот счёт, что был «двадцатым ребёнком»!!! Как же так? Где остальные девятнадцать чело- век? Но самое любопытное, что все биографы называют разные даты его рождения: одни 23, другие 26, а некоторые и вовсе 28 марта 1793 года.

Забегая несколько вперёд, скажу, что мне при всём желании не удалось найти в метрических книгах Тобольска не то что даты, а самого факта регистрации, проводящейся во время крещения Гавриила Батенькова. Нет и всё! Просмотрел, потратив невероятное количество времени, все приходские книги за разные годы. И ничего. Записей о крещении Гавриила Батенькова в последние (90-е) годы в последние годы XVIII века просто не существует. Если я ошибся и пропустил её, могло случиться и такое, то пусть кто-то найдёт и покажет мне эту запись. Может быть, его крестили в другом городе или селе, документы которых, честно признаюсь, не просматривал.

Но давайте рассмотрим сперва без особой спешки и по порядку все архивные записи, связанные с семьёй Батеньковых, касающиеся их Тобольского периода жизни.

Начнём с 1792 года, поскольку это наиболее ранняя запись, которую мне удалось выявить в Тобольском архиве.

Всё тот же приход Сретенской церкви. Год 1792-й.

«Андрей Иванович Прянишников – 56 лет,
жена его Екатерина Михайловна – 50 лет,
мать его вдова Евдокия Корниловна – 85 лет,
слуга их вдова Христина Параскеевна – 33 года,
дети её: Михаил – 11 лет, Екатерина – 8 лет,
зять их прапорщик 2-го батальона Стефан Герасимович Батеньков –
52 года,
жена его Анастасия Андреевна – 29 лет,
дети их: Николай – 11 лет, Пелагея – 1 год».

Что мы можем узнать из этой записи? Семья Батеньковых живёт у родителей его жены – мещан Прянишниковых, поскольку Степан Герасимович указан, как зять. Кроме этого, у Прянишникова живёт ещё десять человек «посельщиков», то есть квартирантов, которых в общий список не стали заносить. Среди них «мещанская дочь девица Быстрова», «брат Андреев родной Алексей» с семейством, «цеховой Кропивин» с женой и тещей, а также «ученик его цеховой Василий Истомин».

Мы можем установить и девичью фамилию Анастасии Андреевны (матери Гавриила) – Прянишникова. Андрей Иванович и Матрёна Михайловна – её родители (дед и бабушка Гавриила), поскольку в росписях указывается: «зять их прапорщик 2-го батальона Стефан Герасимович Батеньков», который младше своего тестя всего-то на четыре года. Проживают они совместно и с ними же живёт престарелая мать хозяина дома – Евдокия Корниловна Прянишникова 85 лет (1707 г. р.), которая Гавриилу приходится прабабушкой.

Отсюда не трудно установить примерные годы рождения Прянишниковых: Андрея Ивановича – 1736 г.р. и Матрёны Михайловны – 1742 г.р. В более ранних документах нашлась и дата их бракосочетания (венчания).

«В 1756 г. в приходе Христорожественной церкви венчаны 12 января 1756 г. посацкий Андрей Прянишников (1 брак) с посацкого человека Михаила Чоботникова дочерью Матрёною» [12]. Таким образом, установлена и девичья фамилия бабушки Гавриила Батенькова – Чоботникова.

Попутно отметим, что фамилия Прянишниковых в Тобольске для XVIII века являлась весьма распространённой. Сведения об этом почерпнуты всё из той же «Переписной книги Тобольска» за 1710 год. Так, в приходе Богородицкой церкви находим: «Двор купленной отставного архиерейского сын боярского Петра Григорьева сына Прянишникова сказал себе 50 лет у него жена Анна Степанова дочь 50 же лет сын архиерейской сын боярской Данило 25 лет брат родной Алексей 60 лет».

Как видим, тесть Батенькова, – Андрей Иванович Прянишников, – был человеком довольно состоятельным, коль скоро содержал большой дом, где могло разместиться несколько семей. Разница в возрасте между тестем и зятем всего четыре года, а между мужем и женой Батеньковыми разница довольно значительная – 23 года! Почти четверть века. Вполне возможно, что это второй брак Степана Герасимовича, но его выросших детей с той же фамилией я не обнаружил. Это к тому, что Г.С. Батеньков писал, будто бы вырос в многодетной семье, где был «двадцатым ребёнком у шестидесятилетнего отставного обер-офицера». Неверно и то, что отцу его было 60 лет, если принять за дату его рождения 1793 год.

Скорее всего, женился Степан Батеньков, исходя из возраста их старшего сына Николая, выйдя в отставку. А это могло быть примерно в 1780 году.

В церковных записях за 1793 год в семье Прянишниковых и Батеньковых вновь родившихся детей нет. Кроме того, на жительство к ним переехала родственница: «вдова купецкая жена Евдокия Назаровна Прянишникова – 59 лет», а также ещё несколько подворников-квартирантов.

Но и в 1794 году у Батеньковых по-прежнему двое детей: Николай – 13 лет, Пелагея – 3 года. Лишь в 1795 году среди прихожан, бывших у исповеди, указан сын Батеньковых Гавриил:

3-го батальона прапорщик Стефан Герасимович Батеньков – 55 лет, жена его Анастасия Андреевна – 32 года, дети их: Гавриил – 1 год, Пелагея – 3 года.

Поясним, что запись сделана до празднования Пасхи, которая в тот год отмечалась 12 апреля. Но нет старшего Николая, видимо, умершего. Выходит, Гавриил родился не раньше 1794 года, и год рождения совсем не 1793-й, как указано во всех посвящённых ему биографических публикациях, а скорее всего, 1794-й или 1795-й?!

Казалось бы, чего проще удостовериться в этом, просмотрев графу «рождение» всё в тех же церковных метриках. Но тут возникла едва ли не главная загадка биографии Батенькова, разрешить которую до конца мне так и не удалось.

Решив определить на основе подлинных документов точную дату рождения Гавриила, начал просматривать церковные метрики с датами рождения и смертей прихожан Сретенской церкви за ближайшие годы. И что же я там нашёл? Всё что угодно, но имени Гавриила в семействе Батеньковых в просмотренных мной записях не было! Зато обнаружил такие вот записи о родившихся детях Батеньковых.

За 1793 год 8 февраля среди родившихся записана: «У третьего батальона у прапорщика Стефана Батенькова родилась дочь Анна. У неё были воспитанники: второго батальона адъютант Пётр Ковригин, мещанина Михаила Уроткова жена его Мария Петровна».

Вот те на, вместо Гавриила находим Анну! Но где же он сам?!

В 1794 году у Батеньковых ни в графе «рождены», ни в графе «умерли»

никто не значится. Зато в 1795 году 25 мая 2-го батальона прапорщика Стефана Батенькова родился сын Пётр. У него были воспитанники: мещанин Иван Петрович Пятков, мещанина Ивана Уроткова жена Мария.

Так что имя Гавриила ни в 1793, ни в 1794, ни в 1795 годы не значится. Не удалось найти записей о смертях Анны и Петра Батеньковых, хотя их имён за 1795 год в «Исповедальных росписях» нет. Зато в 1795 году появляется Гавриил в возрасте 1 год.

Что же получается? Не крестить Гавриила просто не могли. Тогда должна быть запись об этом. Или же его окрестили в другом приходе? Но нет его за ближайшие годы и в других приходах Тобольска. Может, мать родила его вне города? Но где? В деревне? В другом городе? Вряд ли женщина в положении поедет куда-то от мужа, из родительского дома... Судя по метрикам, Батеньковы никуда не отлучались и все эти годы безвыездно проживали в своём приходе.

Но если даже предположить, что рождение Гавриила не зафиксировано по какой-то причине, что составляет один шанс из тысячи, то твёрдо можно сказать: в марте 1793 года в семействе Батеньковых никто родиться не мог. Поскольку Анна Андреевна ранее ноября - декабря не могла родить в силу законов природы (8 февраля 1793 года у неё родилась Анна), стоит к февралю прибавить девять месяцев. То есть ранее сентября, если ребёнок родился семимесячным, или при благоприятных условиях – октября 1793 года Анастасия Андреевна никого при всём её желании воспроизвести на свет никак не могла! Об этом говорит и тот факт, что за 1794 году в росписях имя Гавриила отсутствует.

Предположим совсем немислимое – родившегося сына Петра переименовываю в Гавриила. Хотя лично мне неизвестны случаи, когда после крещения ребёнка ему вдруг через какое-то время давали другое имя. Подчеркнём, что запись за 1795 года должна быть сделана, как указывалась ранее, до 12 апреля (празднования Пасхи), то есть понятно, почему Пётр не был занесён в «Исповедальные росписи» за 1795 год.

Если мы подойдём к решению этого вопроса, принимая во внимание крёстное имя Гавриила Батенькова, то должны поинтересоваться, на какое число приходится день его небесного покровителя – архангела Гавриила. В справочных изданиях и церковных календарях на этот счёт сообщается, что имя Гавриил дают обычно детям, родившимся в конце марта, поскольку день архангела Гавриила празднуется во время праздника Благовещения, а он по старому стилю был 25 марта или 8 апреля по новому стилю.

На мой взгляд, тут более приемлемо другое предположение, а именно – Гавриил был приёмным сыном в семействе Батеньковых (!). А почему бы и нет? После смерти их сына Николая в 1794–1795 годах умирает двое новорождённых, семья в отчаянии... Нет никого по мужской линии, кто бы продолжил их род. Выход напрашивается сам собой – взять приёмного ребёнка из другой семьи. Это мог быть кто-то из крепостных или дворовых людей, а мог быть ребёнок родственников, просто знакомых.

Понятно, что на одних предположениях не опровергнешь общепринятые истины. Но цель нашей работы – показать, что с биографией Г.С. Батенькова не всё ладно, не всё подтверждается документами. А это уже многое. Возможно, кто-то из исследователей найдёт новые документы, которые и прольют свет на биографию декабриста-сибиряка. Главное – указать направление поиска.

А теперь приведу некоторые факты о семье Батеньковых, почерпнутые мной из биографии Гавриила Степановича и ранее не опубликованные, – из Тобольского архива.

Интересно и то, что в более поздних росписях, соотнося указанный в «Исповедальных росписях» возраст Гавриила, легко вычислить и год его рождения. Во всех случаях получается... 1793 год!

Так, в 1803 году на исповеди всё в том же Сретенском храме были:
«Стефан Герасимович Батаньков – 70 лет,
жена его Анастасия Андреевна – 40 лет,
Гавриил – 10 лет, Пелагея – 15 лет».

Прочие родственники и «посельники» мной здесь не указаны. Как видим, судя по записям, год рождения Гавриила должен быть 1793-й и приходится на март месяц.

К 1799 году Батеньковы и Прянишниковы по неизвестной нам причине из прихода Сретенской церкви перешли в приход Андреевской церкви.

За 1804 год в приходе этой церкви Гавриил в 11 лет значится в росписи как «государев школьник», то есть ученик государственного учебного заведения. Какого именно, выясняется в записях за 1806 год, где он указан как «кантонист». Кантонистами в начале девятнадцатого века звали учеников полувоенных школ, в которых солдатских детей обучали сопутствующим военному делу профессиям. Из них выходили шорники, цирюльники, музыканты и т.п. Кантонистские школы просуществовали в России с 1805 по 1856 год.

В некоторых изданиях о Батенькове сообщается, что «после смерти отца Батеньков был определён в Военно-сиротское отделение Главного народного училища». В Тобольске в начале XIX столетия была открыта геодезическая школа, помещавшаяся в здании Главного народного училища. В одном из дореволюционных изданий упоминается, что некоторое время военно-сиротское отделение из-за отсутствия собственного помещения также размещалось в здании Главного народного училища⁵, то есть Главное народное училище и военно-сиротское отделение лишь размещались в одном помещении, но при этом подчинялись разным ведомствам. Нигде не говорится о том, что Гавриил Батеньков окончил именно геодезическую школу, поскольку документов на этот счёт не сохранилось. Знания геодезии могли ему пригодиться во время военной службы, когда после окончания в 1812 году 2-го кадетского корпуса в Петербурге и получения чина прапорщика он был зачислен в 13-ю артиллерийскую бригаду, участвующую в разгроме французской армии. И после своей отставки из армии Батеньков, надо полагать, далеко не случайно поступил в институт корпуса инженеров путей сообщения, где и получил звание инженера 3-го класса.

Не совсем верна и фраза биографов Батенькова, где говорится: «После смерти отца Батеньков был определён в военно-сиротское отделение Главного народного училища», поскольку Стефан Герасимович Батеньков умирает около 1808–1809 года, а Гавриил уже с 1804 года числится как «государев школьник». Таким образом, исследователи жизни и деятельности сибиряка-декабриста довольно поверхностно изучили его биографию, прибавив к имеющимся уже «белым пятнам» и другие. Но обратимся в более ранним записям, когда Гавриила ещё не было на свете.

Я не установил точную дату и причину смерти отца Гавриила Степановича, но на основе записей в «Исповедальных росписях» после 1809 года исчезает имя отца Батенькова, а мать значится как

⁵ ГУТО ГА в Тобольске. Ф.75, оп. 1, д.12.

«вдова прапорщицкая Анастасия Андреевна Батенькова – 45 лет». Следовательно, Степан Герасимович скончался в 1808-м или 1809 году. Там же упоминается, что с Анастасией Андреевной проживают «дети её: кантонист Гавриил – 16 лет и Пелагея – 19 лет».

В 1811 году Гавриил последний раз записан как побывавший у исповеди в Тобольской приходской церкви. Затем уже среди прихожан имя его не встречается: «умершего прапорщика Стефана Батенькова жена Анастасия Андреевна – 40 лет; Гавриил – 17 лет, Пелагея – 19 лет; мать её вдова мещанская Матрона Михайловна Прянишникова – 65 лет; отпущенница их девица Екатерина Фёдорова – 24 года». Если вычислить год рождения Гавриила, исходя из того, что в 1811 г. он указал, что ему 17 лет, время его рождения приходится на 1794 год.

После отъезда Гавриила на учёбу в Петербург в Тобольске остались его мать Анастасия Андреевна Батенькова и её дочь, сестра Гавриила – Пелагея. Батенькова Пелагея Степановна между 1814 и 1815 гг. выходит замуж за мещанина Старцева. Об этом говорит следующая запись за 1815 год. «Анастасия Андреевна Батенькова – 44, вдова прапорщика; зять её мещанин Пётр Григорьевич Старцев – 23; жена его Пелагея Стефановна – 23 года». А в 1816 году муж Пелагеи – Пётр Григорьев Старцев значится как вдовец, то есть единственная сестра Гавриила умерла. Детей, судя по всему, у неё не было.

Удалось мне отыскать и дату смерти матери Батенькова, но уже в другом приходе. 13 февраля 1819 года в приходе Богородице-Рождественской церкви «вдова поручица Анастасия Андреевна Батенькова 46 лет умре». (Почему поручица, то есть муж её, должен иметь воинское звание поручика, совершенно непонятно). И в графе, где указывается причина смерти, короткая запись – чахотка. Она была похоронена на городском Завальном кладбище. Могила её, как и многих тоболяков, погребённых до 1917 года, неизвестна. А церковь Рождества Богородицы, в которой отпевали одинокую женщину, оставленную сыном-мечтателем, похоронившую многих детей, эту самую церковь после революции разобрали на кирпичики. А из кирпичиков тех сложили городской детский сад № 1. И вряд ли посещавшие его дети, да, думается, и их родители, знали, где подрастало молодое постреволюционное поколение. В те годы интересоваться историей Родины было занятием небезопасным.

На этом заканчиваю изложение архивных выписок, касающихся семьи и загадки происхождения нашего незаурядного земляка. Но архивы – далеко не единственный источник данных для исторических розысков по своей родословной. Приведу другой пример, касающийся всё того же Г.С. Батенькова, когда для этих целей можно использовать личные документы интересующей вас личности. К ним прежде всего относятся письма Гавриила Степановича, находящиеся на хранении в Российской национальной библиотеке, архивах Томска и других фондах. (В альманахе «Полярная звезда» опубликовано 207 документальных свидетельств из эпистолярного наследия Г.С. Батенькова)⁶.

К сожалению, из довольно многочисленной подборки документальных свидетельств эпистолярного жанра к Анастасии Андреевне, своей матери, в Тобольск любящий сын потрудился отправить одно-единственное письмо, которое датируется 25 ноября 1813 года. Отправлено оно из Дармштадта, где Батеньков в то время находился со своей

⁶ Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 5-6.

частью на отдыхе после знаменитого сражения с войсками Наполеона под Лейпцигом. Может быть, были и другие, но до нашего времени они не дошли.

Начинается письмо таким обращением: «Милостивая госпожа матушка!» Далее сын описывает свои впечатления о последнем сражении и просит её «меньше заботиться о нём» и чаще писать, ибо её письма «служат большим утешением в сердечной об вас тоске».

В конце письма он просит: «Засвидетельствуйте почтение моё бабушке и матушке крёстной. Сестрице не пишу я для того, что мало имею времени, но пусть прочтёт она письмо моё к Петру Афанасьевичу». Это лишний раз подтверждает, что у родителей Гавриила никогда не было «двадцати детей», иначе он наверняка бы передал приветы и кому-то из них. А его сестра Пелагея была жива, но видимо, замуж ещё не вышла, тогда бы он наверняка передал поклон и её мужу. Любопытный факт, что в «Комментариях» к письмам Батенькова составители сетуют: «Имени сестры декабриста установить не удалось», что опять же говорит о их невнимании к одному из крупнейших российских государственных архивов, находящемуся в Тобольске.

Составители сборника в комментариях к письмам считают, что названным Гавриилом человеком был Пётр Афанасьевич Меркушев – чиновник в Енисейской губернии; исправник в Ачинске и Минусинске; впоследствии окружной начальник в Минусинске. Но какое отношение он имел к семейству Батеньковых, при этом не уточняется.

Далее передаются приветы: «Василию Марковичу, Марку Алексеичу, Степаниде Корнильевне, Марку Петровичу, отцу Андрею, а особливо Петру Алексеичу Ковригину, Наталье Антоновне и Авдотье Антоновне, а сестрица пусть уведомит обо мне Молокова».

Здесь должен признаться, что пытался перечисленные в письме имена сопоставить с имеющимися в архивных документах именами родственников и ближайших знакомых Батеньковых, но чего-то определённого на этот счёт сказать не могу. Ни одно из имён к его прямым родственникам отношения не имеет. Единственный из них, Пётр Ковригин, был восприемником при обряде крещения родившейся в 1793 г. дочери Батеньковых Анне. Довольно редкое отчество у некой Степаниды Корнильевны (Корниловны), но... в записях за 1792 г. встречается лишь Евдокия Корниловна, которой на тот момент 85 лет. Тогда в 1813 году ей должно было бы исполниться 106 лет! Но если даже допустить, что она в это время ещё жива, вряд ли её правнук мог перепутать имена Степаниды и Евдокии.

Специально не стал заниматься отысканием имён и фамилий восприемников детей Батеньковых в исповедальных росписях за те же годы, поскольку то не было главной целью моей архивной работы. А вот документы из Тобольского архива, несомненно, дают новые имена и факты из биографии Гавриила Батенькова. Но вопросы остаются, когда хочется разобраться во всём до последней запятой. И пример «белых пятен» в биографии Г.С. Батенькова – один из многих. В очередной раз подтверждается известная истина: в науке, в том числе исторической, не может быть твёрдой уверенности ни в чём. А может, это и хорошо?

Виктор БУЛАНИЧЕВ

Забытые имена

Крестьянский поэт Спиридон Дрожжин

*...Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная –
Там родина моя...
С. Дрожжин «Родина»*

Во время путешествий по Волге мне посчастливилось побывать во многих старинных русских сёлах и деревнях, больших и малых, красивых и не очень. У всех у них своя многовековая история – частица нашей, общей, российской. Некоторые поселения так потрепала жизнь, что они до сих пор не восстановились и представляют печальное зрелище, но большинство имеют вполне достойный облик. На улицах стоят крепкие красивые дома. На центральной площади села обязательно возвышается белокаменная церковь. Старинные здания удачно гармонируют с современной архитектурой. Палисадники ухожены, в каждом дворе плодоносящий сад, крепкие хозяйственные постройки. Видно, уважают жители себя и любят своё село. Удивительная чистота, порядок и умиротворение во всём. Особенно красивы волжские селения вечером, когда при закате солнца остывает день, и всё погружается в полумрак. Появившиеся на небе звёзды освещают ровным светом волшебную гладь Волги. Хорошо в это время сидеть на берегу реки, у костерка, в хорошей компании, пить душистый, заваренный на травах чай, неспешно беседовать, вспоминать историю, даты, имена людей, прославивших эти места. Вспомнили мы и русского поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина, уроженца этих мест, читали стихи и восхищались его природным талантом.

Не всем русским поселениям везло в истории. Многие канули в Лету во время войн, пожаров, из-за вымирания населения или административных преобразований. Есть в России небольшая река Шоша – правый приток Волги, в устье которой находится знаменитый комплекс отдыха руководителей нашего государства «Завидово». Комплекс расположен на месте старинного русского села Шоша, где Юрием Долгоруким была построена крепость Городок, запиравшая вход в Шошу – путь к Волоколамску. Позже, но ещё до нашествия Батыя, здесь возникло два монастыря: Богородский и Воскресенский. Потом Воскресенский монастырь был преобразован в приходской храм, давший второе имя селу – Воскресенское. В 1937 году при строительстве Иваньковской плотины монастырские постройки и село Шоша были затоплены.

На другом берегу Шоши, напротив бывшего села, располагалась деревня Низовка, через которую когда-то пролегал тракт Москва – Петербург. В деревне Низовке родился крестьянский поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин, здесь же он прожил большую часть своей жизни и умер.

Родился он 6 (18) декабря 1848 года в семье крепостных крестьян. В школе учился неполные две зимы, потом одиннадцатилетнего сына мать отправила на заработки в Санкт-Петербург. Следующие годы жизни Дрожжина прошли в скитаниях по России. Он сменил множество профессий. С 1860 по 1871 год жил в Петербурге, упорно занимался самообразованием. Здесь он познакомился с произведениями Н.А. Некрасова,

А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Л.Н. Толстого и других известных русских писателей. В шестнадцать лет написал первое своё стихотворение. В 1867 году начал дневник, который вёл до конца своей жизни.

Первая публикация Дрожжина появилась в журнале «Грамотей» в 1873 году. С этого времени Дрожжина стали печатать во многих изданиях: «Дело», «Слово», «Семейные вечера», «Русское богатство» и других. Его стихи печатали и на родине в журнале «Тверской вестник» и альманахе «Зарницы».

Из-за бедственного материального положения и под влиянием встреч с Львом Николаевичем Толстым в 1896 году поэт возвращается на родину. Здесь он полностью посвящает себя литературному труду. В 1903 году участники «Кружка писателей из народа» организовали вечер, посвящённый 30-летию поэтической деятельности С.Д. Дрожжина. Одним из организаторов вечера был Иван Алексеевич Бунин. В своём приветственном слове он назвал Дрожжина «самым даровитым поэтом-самоучкой».

В этом же году Академия наук назначила Дрожжину пожизненную пенсию, а в 1910 году присудила премию за сборники «Заветные песни», «Новые русские песни», «Баян». В 1915 году Спиридон Дмитриевич получает почётный отзыв имени А.С. Пушкина за сборник «Песни старого пахаря».

К концу XIX века С.Д. Дрожжин становится самым известным русским крестьянским поэтом. Летом 1900 года его посетил австрийский поэт Райнер Мария Рильке, переведивший его стихи на немецкий язык.

В первое десятилетие XX века одна за другой выходили книги поэта. В 1905 году Дрожжин был избран почётным членом «Общества любителей российской словесности», получил несколько литературных премий.

Октябрьский переворот Дрожжин встретил в Низовке, вскоре покинул её, занявшись общественной работой. В 1919 году он был избран председателем съезда пролетарских писателей Тверской губернии, а в 1924-м – почётным членом «Всероссийского союза поэтов».

Умер поэт 24 декабря 1930 года и похоронен в селе Шоша. В 1937 году, после заполнения Ивановковского водохранилища, его прах и дом были перенесены в посёлок Новозавидовский, где был открыт дом-музей.

Дрожжин – один из самых плодовитых крестьянских поэтов, выпустивший более тридцати поэтических сборников. Для стихов раннего периода характерно воспевание красоты и грусти сельской жизни. Дрожжин-поэт испытывал разнообразные влияния, но его неповторимую поэтическую индивидуальность, его голос мы чувствуем и узнаём сразу.

Многие стихи дооктябрьского периода пользовались огромной популярностью в народе, стали песнями, записывались для граммофонов, проникли в фольклор. Известные в то время композиторы А.С. Чернявский, В.И. Ребиков, В.Р. Бакалейников, Ф.О. Лашек, В.А. Зиринг писали на его стихи песни, которые с успехом исполняли Ф.И. Шаляпин, Н.В. Плевицкая, А.Д. Вальцева и другие исполнители.

В конце жизни в его стихах повторяются прежние мотивы, которые пересекаются с новым пафосом социалистического утверждения.

Творчество самобытного русского крестьянского поэта мало известно, и многие, кто соприкоснулся с ним, проявляют неподдельный интерес к его поэзии. К сожалению, в настоящее время довольно сложно найти произведения поэта и побольше узнать о его жизни и судьбе. Мало известно и о его личной жизни, но его творчество по-прежнему остаётся актуальным.

Стихи Спиридона Дрожжина

Родина

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная –
Там родина моя.

Покрытые соломою
Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят.
И словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идёшь, идёшь – и края нет
Далёкого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

1871 г.

Сельская идиллия

Пришла пора весенняя,
Цветут цветы душистые,
Слетаются-собираются
Все пташки голосистые.
Поют в полях, поют в лесах,
С куста на куст порхаючи:
Заслушалась красавица,
Про друга вспоминаючи.
Стоит, глядит задумчиво
Куда-то в даль незримую
И звонким колокольчиком
Заводит песнь любимую;
Далёко эта песенка
В родных полях разносится,
Звенит, душой согретая,
В другую душу просится.
Всё в этой песне слышится:

Любовь, глубоко скрытая,
И счастье далёкое,
И горе пережитое.
Под вечер добрый молодец,
Окончив пашню чёрную,
Пустил коня и к девице
Пошёл дорогой торною.

Никто не знал, что сделали
С красавицей девицею
Певуньи-пташки вольные
С весною-чаровницею.
А ночка, ночь весенняя,
Все тайны, что проведала,
Хранить и ясну месяцу,
И звёздам заповедала!

1875 г.

Родине

Как не гордиться мне тобой,
О Родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою недвижим я,

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На тёмные леса.

Как хороша ты в тёплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ

Среди свободного труда
Все силы отдаёт!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всём в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

1904 г.

Летний вечер в деревне

В деревне, чуть заря вечерняя займётся,
Играет молодёжь, сплетаясь в хоровод,
Звучит гармоника, и песня раздаётся
Такая грустная, что за сердце берёт.
Но грусть сроднилась с крестьянскою душою,
Она всегда в груди измученной живёт
И разгоняется лишь песнею родною.
Отпряжён от сохи, средь поля конь усталый
Пасётся в табуне. Вхожу я тихо в дом,
Чтоб за ночь отдохнуть и чтоб на зорьке алой
Проснуться и опять с товарищем-конём
На поле целый день трудиться с силой новой,
Взрывая борозды, иль срезав рожь серпом,
Душистые снопы возить на ток готовый.
А тёплый вечер так порой душист и ясен,
Когда разносится народной песни стих,
О как её язык и звучен и прекрасен,
Как много слышится в ней мук пережитых.

1906 г.

У НАС В ГОСТЯХ

Алексей ЯШИН ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

Выискивание ошибок не бог весть что, так как это свидетельствует о бесстыдстве ума, предпочитающего роль критика, который осуждает, роли поэта, который создаёт.

Николай Коперник

Так получилось, что дожив до начала четвёртого десятка, Николай Андреянович ни разу не пользовался услугами «Аэрофлота», правда, в северной своей юности один раз в воздух поднимался: летел из своего Полярного в Мурманск на пассажирском вертолёте: для экзотики, ибо билет здесь стоил пять рублей, а на катере – тоже пассажирском – два. То есть летать он не боялся, но просто не возникало необходимости; торопиться он не любил, а поезда исправно доставляли почти в любую обитаемую точку страны, исключая Сибирь, куда его судьба инженера ЦКБ агрегатостроения не звала: все организации и заводы их профиля находились в европейской части СССР.

И вот он накаркал себе командировку если не в Сибирь, но на Южный Урал, причём в самый разгар морозной преолимпийской (в Москве) зимы. Ихнее ЦКБ существовало в природе всего десять лет, соответственно и начальники подобрались молодые и энергичные. Казалось, что главное их желание – постоянно держать подчинённых в командировках в надежде вынюхать про все новые разработки по теме ЦКБ на дружественных и не очень предприятиях, чтобы самим голову не ломать. Это как в распространённой легенде о создании атомной бомбы в СССР: дескать, её сделали не Курчатов и сотоварищи под отечески-жёстким патронажем Лаврентия Павловича, а Рудольф Абель завербовал всех участников американского проекта «Манхэттен» и доставил в Москву десять тонн документации... Господи, как же наш народ не любит созданное самим и преклоняется перед «учёным немцем»! А теперь и перед американцем. Хотя всему свету известно: сами американцы умеют только доллары пересчитывать и бигмаки наворачивать от пуза. Всё остальное у них делают иммигранты.

Однако к делу. Морозным утром в отдел влетел начальник, два дня отсутствовавший – ездил в Москву на совещание в главке по обмену опытом перспективных разработок – и махнул рукой Николаю Андреяновичу, только что вернувшемуся из курилки после получасового выслушивания свежих политических анекдотов по поводу надвигающейся Олимпиады и дряхлости генсека.

У себя в закутке Виктор Иванович с восторгом рассказал подчинённому о деловой и энергичной обстановке двухдневного совещания:

– Понимаешь, Николай, ты вот со своей группой миниатюризации второй год голову ломаешь: как уменьшить размеры блока в три раза? А я познакомился с удивительной женщиной из Челябинска; так они уже в серию схожее изделие запустили, уменьшив размеры аж в семь раз! Узнав про наши трудности, аж руками всплеснула: срочно присылайте ваших конструкторов – всем поможем, ведь одно дело делаем...

Несмотря на относительно молодой возраст, Николай Андреянович уже слегка разбирался в людях, знал специфику вечно конкурирующих институтов и конструкторских бюро военно-промышленного комплекса,

поэтому в щедрость души незнакомых людей не верил. Однако вслух лишь спросил о причинах срочности командировки.

– Понимаешь, Римма Николаевна только завтра и послезавтра у себя будет, а потом на пару недель уезжает в Харьков к смежникам. Так что давай дуй в бухгалтерию командировку оформлять, а я кого-нибудь из техников пошлю в аэропорт за билетом. Вот и всё в общих чертах. Главное, смотри там во все глаза: конструкции, схемотехника, технология... Если будет возможность – постарайся что-нибудь из документации привезти. Ладно, действуй, а я к Самому на утреннюю планёрку.

Николай Андреевич (уже Андреенович, как его именовали девочки-техники и молодые специалисты) огорчился и даже озлобился, поскольку именно завтра собирался поучаствовать в вечеринке с приятелями и приятельницами – без повода.

Не то чтобы сам по себе город Челябинск чем-то не устраивал Николая Андреевича. Он там не был. Не нравилось название: чем-то мрачным тянуло. Это как название автомобиля «Жигули» для европейцев неприятно, а для французов, испанцев и итальянцев и вовсе ассоциируется со словом «жиголо», то есть бандит. Потому в экспортном варианте и назвали «Ладой».

Потом по карте географической местоположение какое-то неуютное; вроде и посредине страны, но как-то вниз, к азиатчине сдвинуто... Наконец, поскольку самолёт летел с посадкой в Куйбышеве, Николай Андреевич сразу вспомнил: в центральных газетах чуть не каждую неделю появляются репортажи и фельетоны о хронических беспорядках в куйбышевском аэропорту. Нет, серьёзных аварий пока не случалось, газетчики напирали всё больше на неразбериху и беспорядок, грозящий постоянно обернуться бедой.

Спал он беспокойно, а в это время в пределы срединной европейской части СССР ворвался скандинавский циклон, поэтому утром, выйдя из дома, Николай Андреевич сразу попал в густой туман. Радуясь в душе возможной отмене рейсов, он с двумя пересадками добрался до аэропорта, узнал о задержке отправления самолётов, с чувством выполненного долга устроился в зале ожидания, раскрыл «Подростка» Достоевского в отчаянно чёрном ледериновом переплётё. Кстати, Николай Андреевич, перечитавший в юные годы всю классику, как-то прошёл мимо этого романа; должно быть потому, что он не популяризовался. А почему? Этого он понять не мог, но теперь читая, холодел от восторга, а впоследствии и вовсе пришёл к выводу: это лучший роман Фёдора Михайловича.

Прождав два часа, Николай Андреевич отложил чёрный том и пошёл к телефонной будке позвонить начальнику. Тот на счастье оказался на месте и велел ждать до последнего. «Солдат спит, служба идёт», – успокоил он себя и вновь принялся за чтение великого романа об осознании себя вчерашнего подростка без царя в голове человеком мыслящим. Время от времени он вставал, подходил к огромным стеклянным дверям аэропорта. К его огорчению, в половине двенадцатого туман начал редеть, а вскоре и посадку на челябинский рейс прокричали по трансляции.

К этому времени скандинавский циклон, решив не задерживаться, пролетел в сторону Турции, оставив в воздухе сырость, на которую тотчас наложился крепчайший морозец. Поэтому за короткий путь до самолёта, да ещё после духмяной теплоты вокзала, Николай Андреевич продрог. Теснота турбовинтового АН-24 поначалу его не смущала.

Устроившись на своём месте у иллюминатора, слегка потеснённый соседкой, пожилой полноватой женщиной, он упёрся коленками в спинку переднего сиденья и стал отходить от промозглого озноба улицы.

Как правильно писали в газетах (в советское время правду или сообщали, или не сообщали, но не врал), в куйбышевском аэропорту непорядок поселился надолго: вылет их самолёта задержался на целый час. Как ворчала бортпроводница – стюардессой её было сложно назвать – заглох мотор у керосиновоза прямо поперёк взлётной полосы, а тягач прибыл без троса... Сложная история. Короче говоря, в Челябинск прилетели в десять вечера. Ещё из этого полёта Николаю Андреяновичу запомнились огромные чёрные бесснежные пятна внизу на земле, километров по тридцать-сорок в диаметре.

Соседка, оказавшаяся инженером-металлургом на пенсии, пояснила: это гигантские заводы по добыче редкоземельных металлов навроде осмия. «По десять-пятнадцать тысяч человек на каждом таком заводе работает, а за год продукции дают пару килограммов».

Эта же соседка, разговорившаяся под конец полёта, посоветовала остановиться в гостинице «Южный Урал»: во-первых, аэропортовский автобус прямо к подъезду подвозит, во-вторых, там народ добрый: если номеров не окажется, то и раскладушку в служебном помещении поставят. Замечу и посмешила молодого соседа: оказывается, родом она из Львова, но четверть века там не была. А вот сейчас выбралась, приехала к дальней родственнице – а там уже на другом языке гутарят: если раньше говорили «добра жинка», то сейчас «файна кобета»...

Словно в компенсацию за воздушные приключения обошлось без раскладушки: сходу поселили в двухместный номер. По позднему времени и гости соседа – снабженцы с уральских заводов – уже расходились после ужина с водкой и баночным салатом «Охотничий». Перекинувшись десятком слов с соседом Витей из Свердловска, Николай Андреянович узнал, что тот завтра рано уезжает, то есть «давай краба – утром тебя будить не буду».

Но наутро всё же разбудили: взамен Вити вселяли нового постояльца, представившегося профессором из ближней Сибири, приехавшим на медицинскую конференцию. Действительно, вчера Николай усмотрел на стойке администратора плакатик с извещением о регистрации участников всесоюзной конференции, а рядом небольшую очередь чем-то похожих друг на друга людей.

Спать при профессоре Николай Андреянович посчитал неприличным, потому оделся, спустился перекусить в дежурный буфет и, попрощавшись до вечера с Феликсом Михайловичем Созиным, покинул номер и гостиницу. Как проще добраться до ОКБ «Статор», которое располагалось в промышленном пригороде – Комсомольском посёлке, ещё в самолёте подробно растолковала соседка, озадаченная изменениями в современном украинском языке.

Ещё вчера, выйдя из автобуса и спустившись в подземный переход, Николай Андреянович был приятно поражён обилием каслинского узорчатого литья вдоль стен и лестниц. Всё та же соседка, объясняя местные нравы, пояснила: в городе подземные переходы называют не иначе как «наше метро».

Ехал он с пересадкой на пригородный трамвай почти час, с любопытством рассматривая незнакомый город. Увидел и административный корпус знаменитого тракторного завода с танком на постаменте и пятью боевыми орденами на фронте.

Поскольку Николай Андреянович загодя не верил в успех своей командировки, то ещё в аэропорту, сойдя с самолёта, взял обратный билет на послезавтра, сократив отпущенные пять дней до трёх. Трамвай и вовсе выскочил за городскую черту и мчался чистым снежным полем. Но вот впереди завиднелись заводские трубы, прокопчённые корпуса, а вдали серые и неуютные кварталы «хрущёвок». Выйдя на нужной остановке, он легко отыскал ОКБ «Статор». «А почему не «Ротор?» – со смешком поинтересовался Николай Андреянович у режимника, оформлявшего ему пропуск. Тот отнёсся к вопросу серьёзно и пояснил, что НИИ «Ротор» расположен на противоположной стороне города...

Все мрачные мысли о неуспешности командировки сбывлись тотчас и сразу. Начальница Римма Николаевна, которой он позвонил из проходной, несколько смешалась, дескать, безумно занята, пусть он идёт в комнату двести семнадцать в конструкторскую группу, а она даст указание.

В этой комнате Николай Андреянович просидел почти час, рассматривая девушек-конструкторш, при постороннем человеке активно что-то чертивших. А ждал он руководителя группы Виктора Шарифовича, вызванного для инструктажа начальницей. Наконец явился Виктор Шарифович, оказавшийся ровесником Николая Андреяновича, но толку от него было мало, видно, Римма Николаевна велела ничего по делу не говорить. До самого обеденного перерыва Николай Андреянович пытал бойкоглазого Шарифовича, но тот всё сводил к сложности задачи и, что самое главное, сейчас группу срочно перебросили совсем на другой заказ, а все чертежи по предыдущему, что интересовало командированного, переданы в цеха. «Даже черновых вариантов не осталось», – дурил он Николая Андреяновича, смеясь в глаза.

Прозвенел обеденный звонок. Шарифович выхватил из ящика стола теннисную ракетку, попрощался с гостем, посоветовав сходить к схемотехникам. Руководитель схемотехников встретил его радостно, ибо окончил двадцать лет тому назад тот же политехнический институт в Т., что и Николай Андреянович. Сразу сообщил: «Римма велела никакой информации не давать, баба она ещё та!» А затем начал расспрашивать про своих однокашников, имена которых в Т. уже были на слуху. Когда все новости были рассказаны, Николай Андреянович распрощался с приятным собеседником, отметил у секретаря главного инженера командировку и покинул «Статор», который не «Ротор»...

Вернувшись в центр города, Николай Андреянович зашёл в гастроном, купил на ужин приличной колбасы, пучок зелени, тёплый ещё батон. Несколько задумался, имея в виду вечерний разговор с соседом по номеру: ему ещё не приходилось общаться с профессорами. Остановился на марочном масандровском портвейне.

Он был уже достаточно опытным командированным, поэтому брал с собой металлический заварочный чайник и кипяtilьник. Последним он приводил в неизменный восторг гостиничных соседей. Кипяtilьники эти из титана, внешне похожие своей сложной фрезеровкой на деталь космического корабля, освоили в макетном цехе родного ЦКБ. Стоил он одну бутылку водки в рабочее время с проносом на охраняемую территорию предприятия.

Профессора в номере не было; как решил Николай Андреянович, конференция плавно перешла в банкет в гостиничном ресторане. Поэтому он заварил чай, сделал бутерброды с колбасой и сыром, захваченным из дома, уютно устроился в кресле, укутав ноги пледом-покрывалом с постели,

прихлёбывая настоящий индийский, раскрыл «Подростка». Незаметно пролетела пара часов, чайник был заварен повторно, роман подходил к концу. В восемь часов незапертая дверь в номер тихонько приотворилась, предупредительно кашлянув, вошёл профессор.

– Гм-м, отдыхаете, молодой человек? А я на конференции массу знакомых и давних друзей встретил... зашли после пленарного заседания поужинать в ресторан. А вы, я вижу, тоже закусили, чайком балуетесь? А это что – кипятильник? Никогда таких не видел.

– Давайте, Феликс Михайлович, тоже чайку. Свежезаваренный.

– Вот спасибо-то, с удовольствием. Люблю почаёвничать, а оборудование для этого дела как-то все забываю брать.

– Может, винца масандровского с чаем?

– Ах да, запамятовал. Тут у меня бутылочка армянского припасена. Коньячок-то к чаю способнее будет, да и полезнее; как медик со стажем говорю.

Профессор достал из шкафа бутылку, откупорил, налил по трети стакана:

– Ну, за наши дела. Достоевского решили перечитать? Одобряю. Сейчас-то молодёжь всё больше за детективами охотится... А вот теперь по чайку ударим! Вы надолго в эти края? А-а, завтра уже убываете... А у нас бои, так сказать, научные и околонучные ещё пару дней продлятся. Так за один день всё и решили?

Разливая отменной крепости чай, споласкивая чайник для новой заварки, Николай Андреевич вкратце, опуская технические подробности, рассказал о неудавшейся командировке.

– Да-а, народец здешний себе на уме. Не отнимешь. Но у нас в Сибири, хоть и недалней, ещё хитроватее. Все же Восток, Азия! Вот только когда поездишь по великой нашей стране, начинаешь понимать характер народа. Считается, что у нас уже давно один народ, советская общность. В чём-то это так: в целом люди дружелюбные, в определённой степени открытые, даже нежадные. С Европой даже отдалённо не сравнишь: там какие-то роботы с улыбкой на лице и кукишем в кармане; даже в странах народной демократии... Вы-то своими военными тайными ограничениями, а я, когда заместителем директора НИИ по науке работал, достаточно поездил. И за океаном побывал. Но всё равно своя специфика – географическая и отчасти национальная – и у наших людей имеется.

Вы вот Достоевским увлекаетесь, а Фёдор Михайлович, как помните, по тогдашнему отсутствию политкорректности хорошо и метко прошёлсь по самим русским, немцам и полякам российского проживания; моих, ха-ха, предков на место поставил. А Николая Семёновича Лескова, конечно, почитывали? Один «Железный характер» чего стоит! А вот у нас Восток – дело тонкое.

– А вы, Феликс Михайлович, замдиректора вашего знаменитого НИИ работали?

– Да, было дело. Вообще говоря, с самого начала его становления там трудился... славное время было. А сейчас уже полтора года профессором на биофаке местного пединститута. Так получилось.

Лицо профессора несколько потускнело, поэтому чуткий к чужим неудачам Николай Андреевич перевёл разговор окончательно на литературную тему. Оба увлеклись и проговорили до полуночи под постоянно возобновляемый чай, профессорский коньяк и давешнюю масандру. Опять же и в части курения оба оказались грешны. Можно было и на перекуры

не прерываться. Знаток русской и мировой классики, а также современной литературы – от отечественной до вошедшей недавно в читательскую моду латиноамериканской – Феликс Михайлович оказался отменным. И сам не последний в этих вопросах Николай Андреевич даже несколько стушевался.

Оба выговорились, как на Руси выговариваются приятные друг другу люди в гостиничных номерах, больничных палатах и в купе поездов дальнего следования. Уже через тонкую стенку из соседнего номера донеслась мелодия прощального на ночь государственного гимна на подкорректированные в хрущёвские времена слова Сергея Михалкова и Гарольда эль-Регистана из невыключаемого громкоговорителя, когда, пожелав визави спокойной ночи, оба отошли ко сну. Сны их были приятные, даже у Николая Андреевича в них не отразились неприятности прошумевшего дня.

Наутро, позавтракав оставшейся колбасой, ветчиной и сыром в складчину, чаем (оказалось – и кофе оба не жалуют) и остатками вчерашней масандры, сдружившиеся профессор и инженер-конструктор I категории тепло распростились: Николай Андреевич направлялся в аэропорт, а Феликс Михайлович – председательствовать на секционном заседании конференции. Чуть помедлив, профессор достал из портфеля небольшого формата книжку в картонном переплёте, сделал дарственную надпись и протянул уже надевшему пальто соседу:

– Вот... возьмите на добрую память. Я ведь не только трактаты и статьи по своей медицине сочиняю. Как-то недавно муза посетила, и за отпуск, ещё в НИИ работал, написал что-то вроде художественных мемуаров и о становлении института.

Заодно, если внимательно прочтаете, поймёте, почему меня оттуда «ушли». Обиды не таю, не тот человек, воспитания старинного, но порой самые нелепые ситуации управляют нашей жизнью. Вы человек молодой, так что мотайте на ус, как говорится. Всего вам доброго – и привет Т.; не раз и не два проезжал через ваш город, следовал в основном из Москвы на Украину или в Крым.

...Времени до прилёта в Т. самолёта вполне хватило для прочтения книжки; опять же в Куйбышеве задержка: пытались взлететь без заправки керосином. И над своим городом аэроплан три круга сделал по причине вечернего тумана: циклон уже из Турции в родную Скандинавию возвращался. Так что посадку совершили опять же в десять вечера. Пассажиры, с облегчением покидая салон, искренне благодарили пилотов, которые, уже одетые в форменные синие шинели, пили пиво, стоя в проёме открытой двери в экипажную кабину.

А пока Николай Андреевич с пересадками добрался к половине двенадцатого на свою косолученскую заводскую окраину, он и вовсе построил сюжет происшедшего с добрым и наивным профессором.

Этим летом Феликс Михайлович Созин, доктор медицинских наук и полный профессор¹, заместитель директора по науке прославленного медицинского НИИ в рядовом зауральском областном городе, никуда в отпуск не поехал, отправив всех домочадцев к родственникам жены на Украину. Просто устал от бесчисленных командировок в последний год: институт

¹Это в отличие от так называемого «холодного профессора» (по аналогии с «холодным сапожником», «холодным художником» и так далее), то есть проведённого на должность профессора, но не имеющего соответствующего аттестата ВАК (Высшей аттестационной комиссии).

пошёл в гору после того, как в нём успешно излечили министра из Москвы, а главное, для иностранных пациентов уже не хватало спецпалат, выделили под них отдельный лечебный корпус. Академия меднаук, правительство РСФСР, областные власти открыли финансовый карт-бланш. Требовалось разместить заказы на изготовление уникальной аппаратуры для операций на позвоночнике. Срочно потребовалось присутствие зама по науке в двух десятках промышленных центров страны. Вот и помотался вволю, зато и был отмечен к юбилею института высоким орденом, кстати, вторым по счёту, не говоря о медалях...

Всем институт и его ведущие специалисты были обязаны бессменному директору и основателю НИИ академику Георгию Даниловичу Арлазорову. Феликс же Михайлович, человек благодарный и уважительный, и вовсе относился к своему начальнику как почтительный сын к благонравному, доброму, но и строгому по делам отцу. Хорошо помнил зам по науке, как уличил его шеф в незнании... законов теоретической механики, хотя в медвузах её не изучают. И за неполные полгода не только освоил соответствующий курс в объёме технического института, но и самоучкой изучил необходимую здесь высшую математику.

Всё в Арлазорове восхищало Феликса Михайловича: он создал на голом месте, в провинции, институт с мировой известностью, оставаясь абсолютно доступным для подчинённых самого невысокого ранга, предельно скромным в быту и потребностях. С простреленной в годы войны в коленном суставе ногой (беженцем-подростком попал под огонь фашистских самолётов) мог запросто на охоте пройти десять километров по лесу и болотам...

Ещё Георгий Данилович на дух не переносил проходимцев и приспособленцев от науки, которые в изобилии начали плодиться в стране после «хрущёвской оттепели». Запомнился такой характерный случай, произошедший пять лет тому назад; Арлазоров сам со смехом рассказывал в кругу ведущих специалистов института.

Как-то воскресным утром, когда хозяин корпел в крохотном домашнем кабинетике над вёрсткой новой книги по топографической анатомии позвоночника, в скромную двухкомнатную квартиру Арлазоровых вошёл некто, назвавшийся супруге Георгия Даниловича Эдуардом Датовичем, специально прилетевшим через Москву из Тбилиси. За собой он волочил сумищу размером с половину стандартной ванны. Пройдя на кухню, он раскрыл сумку и заставил оба стола – рабочий и обеденный – дарами солнечной Грузии: освежёванный барашек в полиэтиленовой плёнке, с полдюжины бутылок коньяка и столько же десертного вина, горы персиков, мандаринов и винограда, пакеты с фисташками и другими орехами, целиковый круг твёрдого сыра со специями, различные копчёности.

– Примите, дорогая Елизавета Викторовна, не побрезгуйте. Барашек молодой, с альпийских лугов, ароматный. Остальное – пустяки, из своего сада-огорода.

На уверенный незнакомый баритон с лёгким акцентом вышел Арлазоров. Дело разъяснилось: гонец из Тбилиси решил стать кандидатом медицинских наук и просил «глубокоуважаемого и достопочтенного Георгия Даниловича соизволить быть его научным руководителем». Арлазоров вскипел, но сдержал себя, сказав, что с трудами его не знаком, потом у него принцип: руководить диссертациями только своих учеников. Тбилисец был навязчив, но пришлось удовлетвориться только обещанием академика написать отзыв на автореферат диссертации.

– Так что, почтеннейший, возвращайтесь к себе домой, работайте над диссертацией. И, пожалуйста, захватите свои продукты.

– Георгий Данилович! Это всё пустяки, из своего сада, знак уважения – кавказский обычай...

– Кавказские обычаи в Сибири не в чести. До свидания.

После ухода обескураженного гостя Елизавета Викторовна пошла в магазин за пельменями; и так время завтрака затянулось.

Зная характер шефа, весь институт пришёл в полное изумление, когда год назад этот самый Эдуард Датович объявился в их учреждении уже кандидатом наук, почти подготовившим докторскую диссертацию, и сразу получил должность заведующего вновь созданным отделом перспективного научного планирования с правами второго заместителя Созина. На прямой вопрос того о причинах метаморфозы Арлазоров хмуро ответил в том смысле, что это креатура Минздрава, а потом фамилия нового сотрудника – Георгадзе – разве ни о чём не говорит?

Здесь многое прояснилось для Феликса Михайловича: кто же не знал в стране бессменного со времён войны секретаря президиума Верховного совета СССР? Созин вспомнил: орденские книжки его отца, участника войны, тоже подписаны Георгадзе.

– Так что он – родственник секретаря президиума?

– Не знаю. Я-то сам по малолетству с Кавказа, – ответил Арлазоров, – там ведь все с одной фамилией родственниками полагаются: от дворника до министра. Словом, прислан из Москвы, обсуждению не подлежит. Проку от него в научной части никакого, так ты его, Феликс Михайлович, по снабженческой части используй.

Вот уж чего нельзя было отнять у Эдика Георгадзе, так это его пробивные способности и безотказность в командировочных поручениях. Он крепко помог Созину в этот хлопотный год и вообще оказался парнем покладистым. Отношения у них установились почти что дружескими, понятно, в рамках ситуации «начальник – подчинённый». Эдик понимал свою роль и в дела научные не лез, не мешал своему шефу.

...Оставшись на целый месяц нежаркого лета дома один, Феликс Михайлович намеревался как деятельная натура отдыхать не лёжа на диване за чтением детективов, но отдыхать творчески, переменяв на время род деятельности. Проще говоря, решил написать художественно-документальную книжку, что-то вроде повести, о своём шефе и родном институте. Во-первых, Арлазорову он был обязан всем, во-вторых, и повод был пристойный: приближался юбилей директора института. Через месяц повесть вчерне была написана.

Издать книгу в советское время – дело архисложное, даже в провинциальном издательстве, тем более если автор не является членом Союза писателей. Но даже для них, избранных музами, следовало встать в очередь, дожидаться включения в план на следующий календарный год... Словом, вряд ли Феликс Михайлович увидел бы свою повесть вообще напечатанной, да он бы и не писал её, не имея определённой гарантии: главный редактор издательства год назад удачно оперировался в клинике их института. Он же по излечению сам подал мысль выпустить книгу о своих исцелителях.

Итак, повесть готова, но осталась одна заковырка. Поскольку задумана она как художественное произведение, то и главный герой в нём должен фигурировать не под своей фамилией. Как это ни странно, но именно такая

пустяковина озадачила Созина. Всё дело в том, что по собственной легенде или памяти раннесиротского детства Арлазоров считал себя выходцем с Кавказа по матери; отец был русским. Национальность же матери он не знал; внешне на грузина, армянина или азербайджанца вовсе не походил. А остальных племён и народностей в горах и долинах не пересчитать! То есть фамилия в повести должна восприниматься как кавказская, но без акцента на какую-то определённую национальность.

Уже отпуск закончился, домашние вернулись, на работу вышел, массу книг и энциклопедий перелистал, а нужного имени не находилось. С кем посоветоваться? Но книгу он хотел сделать сюрпризом для шефа и всего института, вообще решил издавать её под псевдонимом. Полагал в гордыне: профессор его ранга, конечно, может баловаться беллетристикой, но выпячивать это занятие нескромно и вообще некомильфо...

Поколебавшись, решил поговорить с Георгадзе: он коренной кавказец, ему и карты в руки. Тот поинтересовался – на какой предмет нужна такая фамилия? Феликс Михайлович ответил косвенно. Эдик обещал подумать, уехал в очередную командировку, а вернувшись, принёс шефу пару номеров «толстого» литературного журнала «Звезда Востока».

– Тоже в голову, Феликс Михайлович, ничего путного не идёт. Вот посмотрите журналчики, может, что найдёте.

Листая страницы журналов, Созин все морщился: опять же слишком явные фамилии героев романов, рассказов, повестей: грузинские, армянские, выраженные азиатские... Ещё он поморщился на неряшливость владельца журналов: в одном номере на странице обнаружил жирное пятно от халвы, даже крошки остались и слепили листы. Страхивая их брезгливо, на самом пятне он и прочитал фамилию, которая показалась ему подходящей.

Ещё пару дней обдумывал, а затем вписал фамилию в нужные места рукописи, которую и отдал печатать своей секретарше. Как человек обязательный, за этот месяц он удвоил ей премиальные. Журналы вернул владельцу, ничего не поясняя. Эдик внимательно посмотрел на шефа и перевёл разговор на служебные дела.

Исцелённый главный редактор издательства слово сдержал, провёл заказ вне плана и уже через полгода позвонил автору: дескать, поздравляю, тираж уже привезён из свердловской типографии в их город. Феликс Михайлович прочувствованно поблагодарил: до юбилея ещё два месяца, а всё уже готово!

Съездив в облкниготорг, где также имелись бывшие пациенты, Феликс Михайлович забрал положенные авторские десять экземпляров, попросил оставить пару-тройку сотен экземпляров для института. В тот же день презентовал книжку Арлазорову. Через два дня шеф после утренней планёрки поприветствовал своего зама, одобрительно отозвался о повести, напирая на то, что книга эта не о нём, а об институте. И это хорошо! Вынул из шкафчика бутылку коньяка, налил себе и Созину, чокнулся. Это был жест высочайшего доверия и признательности. За двадцать лет совместной работы Феликс Михайлович только единожды достаивался этой чести: когда он первым – после директора – в институте защитил докторскую диссертацию.

Через несколько дней Созин принимал поздравления от коллег: книготорг пустил в продажу основной тираж. А ещё через неделю прикатил из месячной командировки в Москву и родной Тбилиси Георгадзе и прямо с поезда явился к шефу с отчётом. Феликс Михайлович отчёт одобрил и подарил Эдику экземпляр книги из авторских: как фактическому соавтору.

Тот поспешно залистал, затем заулыбался, очень долго и тепло благодарил. Даже для темпераментного и непосредственного в выражении чувств кавказца это было чересчур.

Спустя четверть часа Созин, проходя по административному второму этажу, столкнулся с Георгадзе, явно направляющемуся к кабинету директора. Эдик, держа правую руку за спиной, путанно объяснил, что, дескать, Георгий Данилович давал ему попутное с командировкой в Москву задание частного характера – вот и спешит доложить. Созин несколько удивился: это явно не в характере директора, но значения не придал.

А зря. Ещё через четверть часа секретарша директора странным голосом попросила зайти к шефу. Таким его Феликс Михайлович ещё не видел: побелевшее лицо, стиснутые губы. Он долгим, ненавидящим взглядом посмотрел на своего бывшего зама и почти что друга. Губы разжались:

– Вот лист бумаги и ручка. Пишите заявление об увольнении. Пояснений не будет. Всё!

Дальнейшее Феликс Михайлович воспринимал как кошмар наяву. Он даже забыл: являясь первым заместителем, то есть номенклатурным работником, он не мог быть уволен без согласования с министерством. Но по собственному желанию увольнению ничто не препятствовало. Через день после увольнения, которое отдел кадров устроил мгновенно, Созин попал в больницу с сильнейшим гипертоническим кризом. Кю времени выписки он уже знал причину столь жестокого наказания: фамилия директора-прототипа в повести Махиров наоборот читалась как вор и хам (!?).

Наутро Николай Андреевич рассказал своему начальнику о неудачной командировке. Виктор Иванович, человек сдержанный в эмоциях и словах, возмутился:

– Так ведь никто её за язык, эту Римму Николаевну, не тянул! Сама звала... а зачем ей это нужно-то было?

– Восток – дело тонкое, – успокаивал шефа Николай Андреевич.

Яков ШАФРАН ДОБРОВОЛЬЦЫ

Артём уволился в запас в июле в звании младшего сержанта, и когда вернулся домой, – ощущение родного, тёплого, уютного семейного гнезда, к которому тянуло всё время службы, не оставляло его, – он чувствовал себя поначалу как-то не в своей тарелке – отвык от свободы. «Ты куда так летишь?» – удивлялись родители, видя, что он всё делает чересчур уж быстро и с озабоченным выражением лица. Да, ответственность и организованность... Армия усилила в нём эти качества. Потому он сильно переживал, когда мать, убираясь в его комнате, по-женски, как ей казалось правильным, перекладывала всё на столе, на полках и в шкафу. Ведь служба – третий, а кому и второй родитель, – приучила: любая вещь должна лежать на своём месте, чтобы легко, когда понадобится, найти её.

Так вышло, что друзья Артёма, в общем-то дружелюбного, общительного и умеющего верховодить сверстниками, были старше его по возрасту. Он уже в школьные годы был серьёзным и рассудительным парнем, любил подвижные игры – но не в «дыр-дыр», а футбол и волейбол по-настоящему, – и стал завсегдатаем находящегося рядом с их домом школьного стадиона, с которым он буквально сросся, тянулся к нему в любую свободную минуту и заметно вытянулся в росте благодаря уличным тренажёрам; там он и познакомился с заядлыми игроками – нынешними своими друзьями, – охотно принявшими в свою среду умного и уважительного паренька. Эта дружба осталась на всю жизнь. Потому для него, вернувшегося из армии, сразу нашлась и работа в автосервисе, и компания для отдыха, не в пример одногодкам с их пьяными гулянками и на всё согласными девочками. А поскольку Артём не любил прохладиться, то и не тянул с началом работы. Ремонтить машины ему нравилось, но себя он мыслил в ином качестве – мечтал «ремонтировать» людей – он и к машинам-то относился как к людям: поглаживал их, похлопывал как бы по плечу и мысленно разговаривал с ними, – и готовился через год поступать в медицинский институт. Как-то он проговорился об этом в мастерской, что вызвало на смешки и некоторое охлаждение к нему.

– Ты поменьше рассказывай о своих планах. Мало ли кто кем хотел или хочет – да не может быть! – говорил ему Виктор, друг, который и устроил его на работу. – Мне можно рассказывать всё, вот и рассказывай мне!

Через пару месяцев Виктор пришёл в мастерскую чернее тучи. На расспросы Артёма вначале ничего не отвечал, только желваки ходили на скулах, резко выступавших на осунувшемся лице, да взгляд из-под полусомкнутых ресниц был какой-то затравленный. Но когда немного пришёл в себя, глубоко вздохнув, произнёс:

– Серёгу привезли...

– Как привезли? Что значит привезли?!

– В гробу привезли, в цинковом...

– Серёгу?! Откуда?

– С Донбасса. Он там добровольцем воевал, пока ты служил.

...Со смертью товарища (друзьями они не были – невозможно дружить с абсолютно скрытным, постоянно пребывающим в себе человеком)

Артём впервые столкнулся в армии. Но это было самоубийство – суицид, как официально выражались командиры. Было даже возбуждено уголовное дело – «доведение до суицида». Алексею до «дембеля» оставалось полгода, тем не менее он повесился... При этом дедовщины в части не было и в помине, и со стороны офицеров рукоприкладства и вымогательства, как пишут в СМИ, не наблюдалось. А вот происшествия были, и несколько подряд – буквально одно за другим: солдата задавили грузовой машиной, три человека погибли при взрыве танка на полигоне, взорвалась БМП... Психологически тяжело было всем – такое не на войне, а в мирное время! Однако у Алексея не выдержала психика, и...

Но здесь была другая смерть. Сергей, один из самых близких друзей, находился, как сказали Артёму, в командировке и вскоре должен был приехать. Артём очень хотел встретиться с ним... А встретил в гробу, в оцинкованном запаянном гробу, который стоял в открытом деревянном. Во дворе валялись остатки большого плотно сколоченного транспортировочного ящика. Вместо лица Артём увидел в изголовье среди живых цветов портрет Сергея в красивой рамке. Как выяснилось, он погиб на Донбассе в знаменитом бою за Саур-Могилу 26 августа 2014 года, почти через месяц после прихода Артёма из армии...

Дверь была открыта настежь: входили родные, соседи, друзья и просто знакомые. Мать, седая женщина в простом пальто и шали, сидя у гроба, причитала, и при появлении всякого нового человека – видимо, душа её сейчас не выдерживала вида живых людей, – начинала голосить. Рядом, держа её под руку, беззвучно плакал старик-отец. Девочка лет десяти, племянница Сергея, удивлённо и испуганно смотрела на бабушку и по-своему пыталась успокоить её. Артём подошёл, по-солдатски, мужественно, как мог, выразил соболезнование родителям и встал у гроба. «Прощай, Серёга!» – плакала его душа по другу, но он крепился, и ни слезинки не было на лице его, только как в калейдоскопе, в сознании сменяли друг друга эпизоды их встреч, совместных дел, дружеских шуток, улыбочное, весёлое лицо ставшего ему фактически старшим братом Сергея. И вдруг спазм перехватил дыхание: «Вот и повидались, друг, а сколько я сказать тебе хотел...». Слёзы, скатившейся по щеке, он ни стесняться, ни вытирать не стал и, выйдя во двор, затаился взятой у кого-то сигаретой, хотя до того не курил.

Все украинские «события» начались, когда Артём ещё служил. Солдаты, по армейскому распорядку, каждый вечер с 21.00 по 21.15 просматривали первую часть программы «Время». Киевский майдан буквально приковал ребят к экранам, ставшим для них будто окнами в иной, чужой и кошмарный мир. Ведь после попытки, конечно, слабой, прекратить безобразия, всё перешло в форму чуть ли не восстания. Только много позже Артём понял, что главное происходило не на площадях и улицах, а за всем этим, как за ширмой, совсем другие люди устроили госпереворот, далеко не в интересах скакавших на майдане. Однако эти скачущие, особенно их глумливые выкрики, типа «москаляку на гиялку», вызывавшие внешне у кого шутку, а то и смех, у кого ругань и аналогичные ксенофобские призывы, на Артёма, с детства воспитанного в дружелюбии к людям любой национальности – а в его родне были и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, то есть весь малороссийский интернационал, – производили тягостное впечатление. Такое же настроение в той или иной степени испытывали в общем-то все военнослужащие – солдаты и офицеры.

Но вот пришла весна и события в Крыму. Настроение ребят заметно изменилось. А когда объявили о воссоединении Крыма с Россией, ликование волнами разливалось и в душах людей, и в общении – даже самые скучные и серьёзные улыбались. Конечно, и среди ребят находились те, кто кривил нос при информации с полуострова. Ну не «пятая колонна», а только отдельные единицы её все же были среди сослуживцев Артёма... Но это общей радости отнюдь не портило, и командование даже праздничный ужин с пирожными и лимонадом устроило.

Однако затем оптимизм и светлые ожидания, когда крымский сценарий вроде бы должен был повториться на Донбассе, на фоне бурной и необычной весны для Ленинградской области, где Артём служил на 18-м испытательном полигоне, – когда в апреле как никогда светило солнце и не было дождей, а в первой половине мая – сильный ветер да грозы с градом, – явно пошли на убыль. А дело было так. Ни референдумы, ни провозглашение суверенных республик жителями Донецкой и Луганской областей, ни желание их объединиться в Новороссию и вступить в состав России, чего собственно и ожидали все, не привели к признанию их с её стороны, а уж тем более к вхождению в её состав, несмотря на то, что в основной массе своей, как и крымчане, люди считали себя русскими и воспротивились насильственной украинизации, «великой украинской истории» и её бандеровским «героям» и не поддержали хунту, захватившую в Киеве власть.

Дальнейшие же события на Донбассе – на Артёма особенно повлияли начала июля бои за Николаевку вплоть до отхода ополченцев из Славянска, – когда начался бесконечный «сериал»: бои, обстрелы украинскими военными гражданских объектов, гибель людей, искалеченные тела, сгоревшие дома, разрушенные школы и больницы, – ввергли ребят в настоящую депрессию, все в части ходило как в воду опущенные. Пришлось начальству принимать меры насчёт дисциплины...

Но через некоторое время на Донбасс поехали добровольцы, в том числе контрактники из их части. А обратно – по письмам из дома – стали иногда приходиться «грузы-200». Вот и Артём встретил то, что осталось от Сергея...

Артём похоронил, потом помянул друга вначале в кругу его родных и знакомых, а затем отдельно, среди близких друзей. В свободное же от работы время его потянуло походить по памятным местам их дружбы – по той самой густой аллее, где с друзьями любили гулять в тёплые летние вечера и где однажды они с Сергеем вступились за знакомую девчонку и вдвоём отколошматили троих хулиганов, пристававших к ней; у паромщика дяди Василия он одолжил на время ту самую старую лодку, всё так же переваливавшуюся с бочка на бочку у берега и знакомо, словно ворча на седоков, скрипевшую уключинами, на которой они с Серёжкой любили кататься по реке или, сидя в ней, удить рыбу. Много, много было таких мест, оживлявших в его душе воспоминания... Но не только ими жил в эти дни Артём.

В город приехала семья беженцев из Краматорска: мужчина лет сорока с женой и тремя детьми от пяти до десяти лет. Тот говорил, что хотел остаться, воевать, но жена не пустила – куда, мол, она с детьми, а кто работать, кормить будет... И правда, отец семейства сразу же впрягся в работу на стройке, где он, как и на родине трудился, устроился главным механиком – отвечал за все машины, тракторы, краны, пиканиски, за все механизмы и приспособления и сам наряду со слесарями ремонтировал их. Потому уходил из дома чуть свет и возвращался около девяти вечера, а то и позже.

Они поселились по соседству с Артёмом, в его же старом доме, сняв недорогую однокомнатную квартиру – для такой-то семьи! – и как-то в воскресенье у детской площадки, где супруги сидели, наблюдая за ребятами, он и разговорился с ними. Понятно, по теме, которая его больше всего интересовала. Александр и Мария рассказали, как с детьми, в чём в тот момент были одеты, прятались от бомбёжек в большом сыром и тёмном подвале их «сталинки», среди таких же, как они, растерянных и подавленных горем людей. Немудрёно: у всех одна страшная, гложущая беда – война, и в глазах: «За что?!» и «Доколе?!», и неизбывный страх за детей... Ведь среди них были такие, у кого они погибли, порой на глазах у родителей.

– Говорить о том больно, а тем более пережить. Страшно, когда бомбы падают: стёкла вылетают, дом ходит ходуном... – слёзы катились по щекам Марии. – И мы ж боимся прежде всего за них, а то сами б ушли к ополченцам, кабы не они, – она показала на играющих детей и одновременно с тревогой и лаской взглянула на них. Александр сидел молча, понурясь, и сильно сжимал большими пальцами сцепленные в замок кисти рук. – С нами приехала сюда моя подруга, – продолжала Мария. – Ой, Господи, как она выжила – не описать. У ней двоих вот таких, как наши, детей убило снарядом, – голос её прервался, с трудом преодолев слёзы, она продолжила: – Муж-то Ольги в ополченцах, и уж неделя как не было звонка от него, а мобильник недоступен. Мучается, кроме мужа у ней никого... И все мы так: жили, работали, а нынче не знаем, будет ли куда вернуться, может, у нас и дома уж нет. Если бы не Россия, что бы было, куда бы мы с дитями?

– Когда же эти гады порошковские увидят, что убивают простых, не повинных ни в чём людей!? – не выдержав, воскликнул Александр. – Это, Артём, в натуре, настоящий геноцид нас, русских!

– И горше всего, что и на той стороне много русских... – промолвила Мария.

– А вот брат звонил из «ихней» донецкой зоны, рассказывал, как зашли «укропы» в Славинск, а у них уж списки на руках, кто в ополчении. Поймали женщину и мужчину, сын которых воюет, привязали их к машине пехоты за ноги и тащили на скорости по площади, потом окровавленных бросили и уехали, – глухо, с тоской стал рассказывать Александр. – Зашли в дом, где отец был ополченцем, забрали пятилетнего дитя, вынесли его на ту же площадь и прибили гвоздями к рекламному стенду. Прибегла мать, и её на глазах у всех расстреляли. Что делается, Артём? – Заходят с собаками в жильё, мужиков до тридцати пяти без разбора убивают! Получается, бомбёжка погуманнее будет, чем то, что они творят...

– Так что же ты тут сидишь?! – не выдержав, забыв на миг все объяснения соседей, возмущился Артём и вскочил.

– Да я бы с радостью взял автомат... – тихо промолвил тот, и видно было, что давно и сильно страдает. – Но куда ей, – он кивнул на жену, – хворающая и слабая она больно, особенно после третьего дитя, не потянет так работать, чтобы прокормить семью...

– Извини, брат, – сказал Артём и, сочувственно поглядев на них, попрощался и ушёл.

Но теперь он не пропускал ни одного репортажа о событиях на Донбассе. Артём вглядывался в лица людей, ополченцев, словно пытаясь разглядеть знакомых или сослуживцев по армии. А передачи сопровождались страшными кадрами: искалеченные трупы стариков, женщин и детей, кровь, кровь и кровь...

По Интернету он нашёл репортажи и о событиях 2 мая в Одессе, когда звериная толпа националистов и соотносящих себя с ними загнала сотню людей в здание Дома Профсоюзов и, предварительно всю поиздевавшись над ними, сожгла заживо за то, что они посмели объявить себя русскими и отстаивать свои, русские, права. Ужас объял Артёма, смотревшего эти кадры. В горящем здании он увидел образ горячей России, то есть то, во что хотели превратить её эти безумные «плясуны». И он понял, что именно эта безнаказанная бойня и послужила стимулом вот «таким» для подавления, вплоть до физической зачистки их руками, любых прорусских выступлений местных жителей. Потому велика была его радость, когда наступления «укропов» на донбасском фронте захлёбывались. «Побольше бы таких «иловайских котлов», какой устроили им наши ребята с 10 августа по 3 сентября!» – думал он.

Артём знал себя, знал, что долго он так пассивно смотреть на всё это не сможет. И вот однажды он почувствовал в душе сильное желание быть там, где такие же, как погибший Сергей, защищают право русских быть самими собой, говорить на родном языке, любить, заводить семьи и рожать детей, – в общем, жить и радоваться жизни. Вначале это желание, подобно маленькому ростку, только-только показалось на поверхности его чувств, но с каждым днём всё более и более крепло, пока не стало настолько непреодолимым, что он уже не мог ни дня, ни часа жить спокойно. Где-то в уголке сознания появлялась мысль о матери: «Как она, ведь одна останется? – Но убеждал себя: – Попрошу ребят, чтобы присмотрели и, если что, помогли». И в первых числах октября Артём решил пойти к знакомому Сергея, который, как он знал, помогал тому отправиться на Донбасс.

Знакомого звали Кирилл. Он принял Артёма доброжелательно, но всё же перво-наперво спросил:

– Ты серьёзно решил?

– А что, я похож на несерьёзного? – поначалу даже обиделся Артём.

– Ну не обижайся, всяко бывает... – сказал Кирилл, и было ясно, что он уже имел опыт взаимодействия с теми, кто чисто эмоционально решил ехать и воевать.

Кирилл угостил гостя чаем и начал свой рассказ.

Переправляться на Донбасс, понял Артём, придётся через Ростов-на-Дону. Но предварительно нужно написать по электронному адресу, чтобы получить контакты координатора, с которым нужно будет там связаться – не будет же он бегать по городу и спрашивать: «Где здесь отправляют на Донбасс?». Как соберётся группа, так и поедут на ростовском автотранспорте, и далее – на разные участки фронта, куда требуются бойцы.

Главное требование: возраст не меньше двадцати одного года (при этом Кирилл пытливо посмотрел на Артёма, и тот утвердительно кивнул, ему недавно исполнилось требуемое число лет, он в армию пошёл двадцатилетним). И обязательно – отсутствие серьёзных болезней и всего, не дающего право на выезд за границу, то бишь судимости, условного срока, нахождения в розыске, штрафов и долгов по кредитам или алиментам, наличие хорошей физической формы, выносливости и владение стрелковым оружием. Опять же срок служения, именно служения, сказал Кирилл, – не менее трёх месяцев, а лучше больше. Потом он подробно объяснил Артёму, какие документы обязательно иметь при себе и что из обмундирования, защитных средств, медикаментов и бытовых принадлежностей с собой брать, так как

ополчение испытывает в том нужду. Ну и до Ростова добираться нужно самостоятельно, остерегаясь мошенников, всюю обещающих за определённую плату переброску и обустройство на месте. И ещё: получить деньги с Большой земли будет весьма проблематично, потому должен быть при себе запас дензнаков: рублей, гривен и долларов.

– И запомни: нет гарантии, – продолжал Кирилл, – что нынешнее руководство республик или одной из них не продано с потрохами олигархам, что тот или иной полевой командир не посылает бойцов на задание, спущенное сверху от предателей и врагов народа. Поэтому сегодня в ополчении требуются те, кто умеет критически смотреть на происходящее и думать своей головой... Поэтому, если ты согласен со всем, что я сказал, то можем начать.

– Да, согласен, начнём! – ответил Артём. И Кирилл, включив компьютер, набрал в Интернете адрес координатора в Ростове.

Артём добрался до Москвы, на Курском вокзале взял билет до Ростова и, переночевав в зале ожидания, в 7 утра был уже в поезде «Санкт-Петербург – Анапа». В плацкартном купе, кроме него, ехали ещё муж с женой где-то сорока лет и парень примерно одного возраста с Артёмом. Все они ехали из Северной столицы – супруги на отдых «дикарями», а парень – его звали Степан – ответил как-то уклончиво.

За окном моросил нудный осенний дождь, которому, наверное, и самому уже надоело моросить, а непроницаемое серое небо только усиливало тоску. Супруги, позавтракав, спешно убрали со стола, предлагая парням место для еды. Артём перекусил на вокзале, потому вежливо отказался, а Степан с удовольствием уселся на освободившееся место у окна, развернул свой свёрток, достал из него хлеб, кусок сала с жёлтыми круглячками и солёные огурцы и стал аппетитно нарезать это всё на матерчатой салфетке. В купе сразу запахло чесноком.

– Сало по-белорусски? – спросил Артём – у них в городе такое продавалось на рынке, и он несколько раз покупал.

– Нет, украинское! – почему-то с некоторым задором ответил Степан и предложил, обращаясь ко всем соседям по купе: – Угощайтесь!

Все отказались по причине сытости, и Степан, отвернувшись к окну, стал быстро есть.

– А вы с Украины? – спросила женщина. – У меня сестра в Луганской области живёт...

– Да, я из Украины, – жуя, ответил парень, делая ударение на предлоге.

– А откуда, если не секрет? – спросил муж женщины.

– Из Тернопольской области...

– А-а...

– В России на заработках? – в свою очередь спросил Артём.

– Был. Родители позвонили, что повестка пришла.

– Ну и проигнорировал бы! Что, охота воевать?

– Охота! – ответил Степан, зло сверкнув глазами как-то поверх голов собеседников.

В купе наступила тишина. Парень закончил завтрак и, свернув остатки еды в пакет, сел на своё прежнее место у прохода.

Мужчина, которого звали Николаем, долгим и внимательным взглядом посмотрел вначале на жену Светлану, затем на Артёма, но ничего не сказал. Артём же тоже понял, кто перед ним, но решил возразить.

– Значит, воевать хочешь? С кем же и за что?

– Как с кем? С оккупантами, кто отжал наши земли и хочет отжать ещё! – дёрнулся парень и уставился на Артёма, сидевшего напротив.

– Ты сам-то не воевал ещё?

– Нет.

– Значит, хочешь убивать... А знаешь, сколько ваши поубивали уже на Донбассе? Может, ты видел фотографии или тебе рассказывали?

– Это всё пропаганда! Это ваши «гиви» и «моторолы» пришли и превратили восток моей страны в бойню! – Степан был явно не в себе, зрачки глаз его были сужены, плотно сжатые губы сильно побелели, а глаза ну разве что не испускали молний.

– Ты ври, да не завирайся. Когда вы, прыгая на майдане, начали кричать свои «москаляку на гиялку» и крушить всё, хоть чем-то напоминавшее вам Россию, тогда ещё никакой войны на Донбассе даже близко не было. И его в Сомали превратили вы сами! – твёрдо сказал Артём.

Степан задёргался и так плотно сжал кулаки, что костяшки пальцев сильно побелели.

– Ты представь, – спокойно продолжал Артём, – что в твой родной Тернополь приехали вооружённые люди, под страхом расправы запретили тебе говорить на своём языке, запретили голосовать за тех, за кого ты хочешь, и стали во всем устанавливать свой порядок... Тебе это понравилось бы?

– Ты мне своей «ватой» рот не забивай! – парень вскочил и уже хотел было кинуться на оппонента, но тут Николай поднялся со своего места и своим грузным телом мягко встал между ними.

Степан с разбегу упёрся в его широкую грудь, отодвинулся и, ожидая, видимо, что мужчина пройдёт, продолжал стоять в боевой стойке. Но Николай никуда не шёл, и тот, подёргавшись, сел.

– Пойдём выйдем, – обратился Николай к Артёму.

Они вышли в тамбур. Дождя за окном поезда уже не было, выглянуло солнце и стало глядеться в капли влаги на стекле, играя в них всеми оттенками радуги.

– Не связывайся с ним, парень, ты же видишь, что он – «фонарь», да к тому же ещё и неадекватен.

– Николай, но ведь слушать этот бред невозможно! Хорошо бы он это у себя на родине нёс, а то здесь, у нас, говорит и не смущается даже. Я бы посмотрел, что они сделают с нашим, говорящим там, у них, про Россию.

– А я в их «сало в шоколаде» вообще не заглядываю, своя психика дороже... Зато много общался с западными украинцами – их у нас много на стройках работает, – вот возле моего дома общага, где строители живут. Так они говорят, что в отличие от части населения – таких, как этот Степан, – большинство хорошо или просто спокойно относится к русским и России. А в СМИ, конечно, только тупая хохлопропаганда, и больше ничего. Удивительно, но её во всей красе допускают на наших телеканалах. Я же на эти телешоу и на их свидомитский бред тратить время не хочу.

– Я уже жалею, что связался с ним – поражённым «укропом головы». Пусть думает и говорит что хочет.

– А ты куда, Артём, едешь?

– На Донбасс.

– В ополчение?

– Ну да!

– Будь с разговорами поосторожнее, тем более в Ростове – там у них рук много. Они ведь знают, что оттуда в основном переправляются ополченцы. Могут всё что угодно с тобой сделать.

– Я понял, Николай.

– Вот и хорошо! А таким, как этот Степан, хоть кол на голове тёщи – свои «ще не вмерла» и «слава Украине» орать будут. Таким помочь может только доктор или сама жизнь. Может, попадёт в ситуацию, когда мозги на место встанут...

– Это было бы полезно, и не только ему!

Вернувшись в купе, Артём достал из рюкзака книгу и погрузился в чтение. Так с перерывом на еду прошла оставшаяся часть дня. Ночь набежавшийся по предпоездковым хлопотам парень проспал на своей второй полке как убитый. Разбудил его голос проводника, объявившего о скором прибытии в Ростов.

С администратором группы, занимающейся доставкой добровольцев и грузов в Донбасс, Артём связался по Интернету ещё будучи дома. А прибыв в Ростов, по телефону взял у него контакт координатора, непосредственно осуществляющего переправку. Тот сообщил, что ехать можно уже на следующий день. Чтобы не тратиться, Артём решил переночевать на вокзале, из которого он, собственно, и не выходил.

Утром он проснулся раньше мобильника – звонил координатор, сказал, что необходимо скорее прибыть к парковке гипермаркета «Мега» на Аксайском проспекте. И Артём, пользуясь лучшим путеводителем – языком, быстро добрался до места сбора. Там уже стояло человек пятнадцать парней и мужчин в камуфляжной форме и с рюкзаками. Через несколько минут они погрузились в два автомобиля, и сопровождаемые ополченцем отправились в сторону границы.

В машине Артёма ехал один новгородец, капитан-пехотинец, брат которого второго мая сгорел заживо в Одессе в Доме Профсоюзов. А ещё один парень, такой же, как и Артём, демобилизованный, отслуживший в ВМФ, рассказал, что на его решение сильно повлиял увиденный по ТВ видеоматериал о том, как в Мариуполе с ветеранов Великой Отечественной сдирали ордена и медали, обещая в следующий раз содрать вместе с кожей...

У границы они увидели лагерь беженцев и идущих к нему по дороге людей. Это были уже прошедшие пункт пропуска. А на луганской стороне стояла большая очередь и колонна автомобилей почти на километр. Артём, увидев, что там были не только женщины и дети, но и много мужчин, был поражён. Он подумал: «А ведь вот они, дезертиры! Крепкие мужики, и сваливают. Тьфу!» – сплюнул он в приоткрытое окно. Но тут же вспомнил семью из Краматорска, что жила недалеко от его дома, и сдержал готовые вырваться наружу слова. «Видно, ситуация у всех разная...» – решил он.

Пересекли границу возле российского Донецка и посёлка Изварино Луганской республики. Проблем никаких не возникло: беглый досмотр, проверка личных вещей, документов – на всё ушло не более часа.

У пропускного пункта на территории ЛНР они получили оружие, но пока временно – для безопасности в пути: автоматы Калашникова, пистолеты, гранаты и бронежилеты. Однако у рядовых ополченцев есть явные проблемы с оружием и снаряжением, рассказывал сопровождающий. Применяются даже самозарядные карабины Симонова (СКС) 1949 года и уж давно, казалось бы, забытые автоматы ПППШ. А с техникой ещё хуже. И это при том, что украинские части на Донбассе по численности в четыре раза превосходят ополчение. Идёт, конечно, и техника, и оружие, но нужно бы гораздо больше.

Группу предупредили: двигаться будем без остановок, при обстреле – выпрыгивать и – в заросли: уж какие попадутся, и они поехали дальше.

Путь лежал от Краснодона, через Шахтёрск и до Донецка по разбитой дороге, поэтому ехали достаточно медленно. По пути они увидели несколько женщин в форме и с автоматами, и Артём всё же с неприязнью подумал о мужчинах в толпе беженцев. Сопровождающий сказал: ввиду действия диверсионных отрядов по Донецку ходить не менее чем по трое.

На зданиях и даже частных домах висели флаги Новороссии, ДНР и ЛНР, России и даже СССР. Часто попадалась уничтоженная техника, разрушенные здания... Шахтёрск, на окраинах которого ещё шли бои, выглядел как Сталинград в 1942 году.

В Донецке, остановившись на одной из баз ополченцев, передали коменданту свои данные для внесения в компьютерную базу. Там же, по согласованию со Стрелковым, началось распределение добровольцев по отрядам. Как потом Артём узнал из разговоров, у каждого подразделения есть своя специфика, определённая самостоятельность и привязка к территории.

Отряд, куда попал Артём 20 октября, после обороны от атак ВСУ со стороны Песков хорошо проявил себя в длительной осаде Донецкого аэропорта. Когда она началась, он только собирался пойти к Кириллу, чтобы узнать, как попасть в добровольцы. С погодой ему, не привыкшему жить долгое время в продуваемых всеми ветрами помещениях и на природе, повезло. Стояла осенняя, но не такая, как в средней полосе России, более тёплая погода. Однако ночью спасались спальными мешками.

Артём вспоминал на добром слове знакомого с его советом купить ботинки и хорошие носки, а то бы измучился и ноги покалечил в сапогах – портянки он мотать не умел. В отряде был деревенский парнишка, которого отец научил хорошо мотать их. Быть может, если бы он умел, то попробовал и сапоги, но от добра добра не ищут, поэтому с ногами у него всё было в порядке. С питанием тоже было нормально для войны – голод не испытывали, несмотря на то, что приходилось пару раз и одними галетами обойтись, после боевых действий можно было и подкупить кое-что. Кухня в отряде работала – был повар с двумя помощниками, на «базе» был водопровод. Сюда же, на терминал – на «боевую» – воду взяли с собой в бидонах, а пищу готовили на перевозной печке (в «поле» же и на костре можно). Только плохо, что на базе не было горячей воды, и мыться было не в удовольствие. А уже была поздняя осень, и зима катила в глаза. Пользовались влажными салфетками, одежду же им стирали местные, за отдельную плату, конечно. А вот с медицинской службой дело было так. Среди ополченцев оказался фельдшер – именно оказался, так как специальной единицы такой не было. Да ещё пару санитаров из своей среды выдвинули, как говорится, без отрыва от основной службы, фельдшер их обучил оказанию первой помощи и использованию лекарств, которых было достаточно. Индивидуальные пакеты и аптечки – это святое, они были у всех.

...Недели две было затишье, вернее, вялотекущие действия – перестрелки, попытки вылазок... В это время Артём часто думал: если его убьют, то мать этого не переживёт, ведь он у неё один. Кроме того, с ним вместе канут в небытие все его чаяния и задумки, и главное, он не сможет выполнить то, ради чего приехал сюда. Мучило ещё, что здесь, на войне, Артём уже хорошо это понял, лишиться кого-то жизни так же легко, как раздавить козявку. Потому стали приходиться непрощенные мысли о том, что, убив другого, он уничтожит и чей-то чужой клубок желаний, забот и, может быть, хороших качеств, к тому же, возможно, и чьего-то близкого друга.

Эта мысль снова вызвала в сознании образ Сергея. Он сердился на себя из-за этих мыслей и предчувствий, но избавиться от них не мог. Потому Артём очень не любил находиться в карауле, куда они заступали по одному на два часа, так как было много времени для раздумий. Вот и сейчас, когда сменившийся боец скрылся, он почувствовал гнетущее одиночество. Глаза после ярко освещённого помещения не сразу привыкли к темноте. Вокруг бледный свет молодого месяца лишь обозначал контуры построек и деревьев. Вначале из их здания, находившегося на расстоянии примерно двухсот метров, ещё слышались громкие разговоры, смех и редкие ругательства, но через некоторое время – всё же начало первого – наступила тишина – значит, уснули. Артём залез в специально вырытый окопчик и стал вглядываться в окружающее. Вокруг всё было спокойно, но чем дальше он находился в тишине, тем всё более обострялся его слух. Вот он уже уловил какой-то звук. Артём вспомнил слова своего старослужащего сержанта в армии, когда он «лопоухим» новобранцем прибыл в часть и то и дело с любопытством разглядывал всё кругом: «Закрой варежку! – учил тот. – Батя мой, афганец, говорил, мол, можешь не успеть даже подумать о чём-то, но перед тем, как отдать концы, обязательно пожалеешь, что не был бдительным. Сейчас хоть и мирное время, но в армии мы, чтобы готовиться к худшему...» И Артёма охватил страх. Ему почудилось, что откуда-то сверху на спину неожиданно легла чья-то рука, которая затем поползла к голове и далее – по волосам до лба... Он стал напряжённо оглядываться вокруг себя в ночи, стараясь определить, откуда доносится звук. Шла минута за минутой, прошёл час, но ничего не случилось. Артём начал успокаиваться, прислонился к стенке окопчика и немного расслабил мышцы ног. И, как обычно бывает после напряжения, его стал одолевать сон. Но он крепился и не дал себя ему окутать. Так постепенно шло его привыкание к военной обстановке.

В эти дни Артём познакомился с девушкой-ополченкой из соседнего взвода, Ольгой. Светловолосая и черноглазая, она сразу запала ему в сердце, может быть и потому, что была очень похожа на его мать в молодости, какой та была на единственной в их семье её цветной фотографии. Ещё ему понравилось, хотя вначале и несколько удивило, её отношение к войне. «Народ на Украине хороший, добрый, братский, – я была несколько раз в Полтавской области, даже уже после начала войны, у нас там родные живут, – но их политики как с ума посходили все. Что делается, а!? Людей жалко. А наши бабушки, старики и дети так привыкли к бомбёжкам, что уже в подвал идут, как за продуктами, лишь в глазах – тоска и боль...» – с горечью рассказывала она, когда они неспешно, пока позволяла обстановка, беседовали.

А вскоре началось то, ради чего Артём и приехал сюда – боевые действия. На участке отряда возобновились ожесточённые бои за аэропорт. Отряд разделили на две части – у каждой было своё задание, – и они с Ольгой попали в разные. Он не знал, что чувствовала Оля, но у него было ощущение, что она находится всё время рядом.

Для Артёма всё теперь было непривычно – служба в армии казалась детским садом по сравнению с теперешним. Снаряды, мины и гранаты летели туда и обратно. Снаряд, как ему объяснили, летит в три раза быстрее звука, его полёт не успеешь услышать, слышишь только взрыв. Мина же падает, как бомба, и если слышен визг, летит она не в тебя, просто падай и накрывай голову руками, а если свистит, то убегай подальше, а там уж... И здесь очень нужен навык, которому не научишься нигде, кроме как

в бою: после первой же мины можно определиться по звуку, куда летит следующая, опасно ли оставаться на месте или лучше отскочить. Артём стал прислушиваться к каждому свисту мины и затем раздающемуся взрыву. И действительно оказалось, звук летящей мины зависит от направления полёта. Он, кажется, на всю жизнь запомнил первый обстрел. Это было ночью. Мины летели точно на расположение отряда. Слышны были хлопки выстрелов, затем – неприятный тонкий визг, переходящий, постепенно нарастая, в вой и, становясь всё грубее, заканчивающийся взрывом. Казалось, будто сама ночь разрывается на осколки, а земля охвачена какими-то гигантскими судорогами.

– А-а, чтоб им ни дна ни покрывки, этим чёртовым нацикам! – разразился кто-то бранью.

Артёма предупредили, что прилетают не только мины, но и много других боеприпасов. «Это плохо, так как нужно было учиться различать, а времени на это нет... Вот, например, звук «града» в полёте похож на шорох, и его слышно издали».

На следующий день наряду с хлопками миномётов и гранатомётов стали бухать орудия. Земля заходила ходуном, и всё вибрировало от взрывных волн. А вот протяжный очень низкий звук и сильные вибрации наполнили собой всё пространство, отзываясь в каждой клеточке тела, будто кто-то невидимый накрыл землю гигантским колоколом и ударял в него, и что-то настолько сотрясло землю, что, казалось, взорвался весь мир. За прежним раздался новый нарастающий вой, услышав который все словно по беззвучной команде легли. Артём тоже бросился на снег, зарываясь в него лицом, абсолютно не чувствуя холода. Взрыв раздался в ста метрах от них. Но люди не вставали, прислушиваясь к снова раздающемуся вою... Он приподнялся, открыл глаза и сильно сжал кулаки, почувствовав сильную боль в пальцах. «Господи, помилуй!» – пробормотал он, чего за собой раньше не замечал, ибо не был верующим. Со лба, хотя был морозец, ручейками стекал пот, а во рту было сухо и неприятный вкус. Он пошевелился, чтобы катящаяся по спине струйка пота не щекотала нервы. Было сильное напряжение и непонятно откуда появившееся – ведь раньше он не воевал – довольно странное, но приятное предвкушение боя...

«Как там Оля? – подумал Артём и представил её лицо, глаза, чуть подёрнутые улыбкой губы. – Как она все это воспринимает? Женщина всё же, хоть и два года уже в ополчении...»

Вот опять «запели». Конечно, опасаться следует только взрыва, однако сам звук летящей мины, ракеты, когда в течение нескольких секунд, затаив дыхание, слушаешь их «песню», сильно действуя на нервы, изматывает тебя... Но вот наконец наступает тишина, совсем не слышно птиц – вся живность давно исчезла с этой «территории»... Где-то далеко-далеко слышится артиллерийская стрельба, похожая на глухие раскаты грома. А вот в расположении их отряда застрочили автоматы, значит, настало время близкого боя, и тяжёлого обстрела не будет.

Вдруг небо заволочло тучами, хотя до сих пор была лёгкая пасмурная дымка, и поднялся сильный шквальный ветер, порывы которого буквально валили людей с ног. Деревья, которым и без того досталось от обстрелов, сильно прогибались, казалось, они вот-вот переломятся. Артём не любил бури и грозы, так как однажды в детстве они с ребятами оказались в поле по пути из деревни домой, когда разразилась сильная гроза – молнии били в землю, казалось, рядом с ними – с ураганным ветром. Они сильно испугались, потому что никогда ничего подобного не видели. Этот детский

испуг оставил след на всю жизнь... Вот и сейчас ветер дул очень сильно, – будто некий великан, сердясь на беспокойство, которое люди причинили ему своей стрельбой, пытался сдуть их с лица земли, – и им приходилось пригибаться книзу. Тем не менее на небольшом участке неба, не закрытом тучами, Артём заметил почти совсем над горизонтом ярко-красное закатное солнце, и даже мгновение полюбовался им. Но сейчас было не до того. Под автоматным обстрелом они с напарником перебежками стали продвигаться от укрытия к укрытию, которые находили на местности. Однако против ветра это делать было очень тяжело, к тому же чтобы что-то сказать, приходилось сильно кричать, будто между ними было не менее километра.

Вскоре как-то сразу замолчали автоматы и начали снова говорить наши пушки и миномёты. Ополченцы передохнули и после хорошей артподготовки снова вышли из укрытия и под непрекращающимся ветром и полившим сильным дождём, стреляя и не обращая внимания на промокшую до нитки одежду, пошли вперёд уже в полный рост. Подойдя к старому терминалу, они стали прицельно вести огонь по окнам, когда видели там лицо или силуэт. У Артёма кончились патроны, и он под прикрытием огня напарника отбежал за полуразрушенную кирпичную кладку перезарядиться. После они продолжили огонь вдвоём.

Ветер и дождь так же внезапно прекратились, как и начались. Подошли свои с ручными гранатомётами и начали бить по окнам, так как противники спрятались от автоматных очередей и боялись высунуться. Гранатомёты сделали своё дело, и ВСУ-шники стали выскакивать из здания и ввязываться в открытый бой. Ополченцы стреляли с колена или в полный рост, прикрываясь только своим огнём, а когда кончались патроны или гранаты, отбегали к ящикам с боезарядом.

Вот подошёл ополченец с гранатомётом и из-за спин автоматчиков спокойно запустил гранату из ствола точно в окно, откуда ещё велась стрельба. «Есть!» – радостно показал он известным движением кулака и предплечья. Парня по соседству ранило в плечо, он тут же, прихватив автомат, отбежал за укрытие, перетянул руку жгутом выше места ранения и продолжил стрельбу.

Артём и его напарник заняли позицию у угла бывшего небольшого здания и по очереди – один шёл на перезарядку, другой палил – стреляли по засевшим «укропам». «Лови кошмар!» – ещё раз выстрелив, сказал гранатомётчик. Несколько гранат и зажигательный патрон удачно попали в цель и огонь оттуда временно прекратился, что позволило ополченцам вперебежку переместиться ближе, прячась за мёртвую технику.

Некоторые проникли в здание терминала и вели огонь там. Появился танк и стал на исходную позицию. Скорее для устрашения, ибо Артём с товарищами были уже в здании. Оттуда гулко раздавались хлопки выстрелов и очереди. Однако «выкурить» основные силы из здания не удалось, и бойцы вышли. Тогда прикатали пушку, и из неё, и из танка стали стрелять по терминалу.

Артём видел, как тяжёлый снаряд загонялся заряжающим в пушку, как ребята, затыкая уши, разбегались от неё, как один из них дёргал за длинный шнур, слышал его крик: «Во имя народа! За русских! За свободу!», после чего следовал оглушительный залп, и в обстреливаемом здании терминала – вспышка, дым и брешь в стене. А что было там внутри – может быть, трупы, разорванные в клочья тела, кровь людей – он не видел, и не хотелось думать, что там. Перед его глазами стояло лицо друга, Сергея, которого, может быть, вот так же разорвало, и фотографии, а теперь уж и не только они, бесчинств, пыток, казней и массовых захоронений замученных и расстрелянных людей. Но всё равно было гадко на душе...

В подмогу пушке появился расчёт с миномётом. Один из ополченцев изучает здание старого терминала через бинокль, затем корректирует наведение на цель, и звучит возглас: «Подавай снаряд!» – который, естественно, находится на отдалении от миномёта. И вот серебристо-зелёно-белый снаряд входит в казённый, он закрывается. «Колпачок с взрывателя снял?» – кричит командир. «Снял! Готовы?» – «Да!» – раздаётся несколько голосов расчёта. «Залп!» и снаряд уходит к цели. Заряжающий железякой открывает горячий казённый и очищает его. Далее всё повторяется, пока у цели не остаётся «признаков жизни».

Но «укры» снова появляются в окнах и продолжают обстрел ополченцев. «Сколько же их там?» – спрашивает себя Артём. Командование меняет тактику боя: приходит два танка, члены отряда надевают каски, вешают на пояс боеприпасы и с автоматами в руках садятся на броню. Отряд направляется к терминалу.

И тут Артёму показалось, что он видит Ольгу – вдалеке вроде бы показалась её фигура. Он хотел было соскочить с танка и броситься к ней, обнять, поцеловать в сухие, потрескавшиеся на ветру губы, сказать пару слов и услышать в ответ её голос – так душа истосковалась. Но сосед крепко ухватил его за руку: «Ты что, парень?!» И Артём затих, с тоской глядя вдаль, где скрылась девичья фигура...

На подъезде к терминалу слышится команда: «По секторам смотрим! Круговая оборона!» После рекогносцировки на местности начинается стрельба из орудий танков, из пушек, а ополченцы стараются обойти старый терминал по периметру и подавлять огонь «укров» из автоматов, целясь, одиночными выстрелами, сберегая патроны. Артём ведёт прицельный огонь из-за укрытия. Слышится уханье орудий, глухие звуки взрывов, звон ещё до того уцелевших стёкол и падающих на бетон гильз, хлопки выстрелов автоматов...

Вот застрочил пулемёт – это его друг, Дмитрий, прилачился тут неподалёку. Но вдруг он падает, хватаясь за плечо. «Что-то снайперское в плечо сработало, – крикнул он. – Мяса оттяпали чуть ли не с кулак. И прямо в раннее раненное плечо!..»

Новенький, из пополнения, которое получил их батальон, увидев кровь, побледнел. И Артём решил, что тот боится, так как при звуке летящих снарядов и взрывах, хотя они были теперь далеко, он нервно вздрагивал, то и дело почёсывался и не мог стоять спокойно, а вертелся, будто заведённый. «Пришёл, видимо, чисто на эмоциях, не готовый к такому... Интересно, можно ли будет положиться на него?» – подумал он.

Но когда неожиданно, почти над самой головой, послышался истошный визг, так похожий на звук сильно тормозящей машины, когда резко нажимают на тормоз, во рту у Артёма самого пересохло и сердце начало часто биться. Он инстинктивно сжался в комок, и если бы мог, то втёрся бы в грунт. Вдруг Артём услышал страшный взрыв, было такое ощущение, что взорвался сам его мозг. Земля содрогнулась и заходила ходуном. Он почувствовал, что над ним пролетели осколки и куски земли, а затем ударила взрывная волна. Перед Артёмом явственно возникли лица матери и друзей и мгновенно, как в ускоренной прокрутке киноленты, пролетели в сознании эпизоды его недолгой жизни, причём в обратном порядке – с настоящего к раннему детству. Ещё и ещё были взрывы, и будто каждый раз кто-то подбрасывал его в воздух. Рядом раздался крик: «Не надо, не надо!» По голосу он узнал того новобранца. Обстрел так же неожиданно прекратился, как и начался, мины больше не взрывались, но Артём ещё не

которое время лежал. Неподалёку кто-то упал лицом вниз. Раздался взрыв одинокой, видимо, запоздавшей за своими «подругами» мины. Наверное, тот, упавший, услышал её полет раньше, чем осколок разворотил ему туловище. Когда всё прекратилось окончательно, он подполз к погибшему. При виде растерзанного новобранца, а это был он, у Артёма закружилась голова, и тошнота наполнила его. Весь день перед ним стояла эта картина, часто он ловил себя на мысли об этом пареньке, погибшем в первый же день боя, и он чувствовал душевное оцепенение.

Артём прекрасно осознавал, что может погибнуть, со смертью он уже свикся и не размышлял о том, что может случиться в следующую минуту. Но интуитивно тревога не оставляла его. Пока на его глазах не убили этого паренька, он понимал смерть, как просто отъезд или уход человека куда-то. Теперь же, когда Артём сам видел убитого, разорванное тело его, он стал ощущать тайный страх, и тем сильнее, когда в ушах звучал голос новобранца, его слова...

«Оля, Оля, где ты, как ты? – мысленно обратился к ней Артём. – Здесь и мужику-то тяжело...» Перед ним предстало её лицо, чёрные глаза искрились улыбкой, но взгляд их был твёрд.

Это придало ему уверенности, ибо к тому времени многих ребят, с которыми он успел сдружиться, потерял в боях за терминал, как и не было их.

Притупилась от этого боль от гибели Сергея, однако не забылась...

...И вот 30 ноября бойцы водрузили флаг ДНР над старым терминалом. Однако это был ещё не конец. После месячного затишья, после двухдневных украинских обстрелов Донецка, силы ополченцев начали бои за новый терминал. Взвод Артёма участвовал в уничтожении диспетчерской вышки. И бои шли до момента, когда украинские военные получили приказ об оставлении посёлка Пески, из которого они прикрывали объект. Так 19 января донецкий аэропорт был полностью освобождён.

А уже через три недели их батальон, занимая позиции в Углегорске, участвовал в дебалъцевской операции. И вновь небо и земля сотрясались от залпов танковых пушек, тяжёлой артиллерии и ракет. Но Артём уже гораздо спокойнее воспринимал их, тогда-то он понял, что это и есть «быть обстрелянным». Командование поставило перед ополченцами цель – во что бы то ни стало окружить плацдарм украинских военных, проще говоря, создать ещё один «котёл».

До того разделённый их батальон соединился, и он наконец встретился с Ольгой. Казалось, прошёл по меньшей мере год с их последней и единственной близкой, отнюдь не короткой, встречи, хотя они не виделись всего полтора месяца. Они обнялись. Объятие вышло нежным и бережным с обеих сторон. И каждое слово их было не просто словом, а будто кто-то бисером вышивал на полотне окружавшей их фронтовой повседневности прекрасную картину. И оба, не говоря о том, поняли, что, несмотря на расстояние, их мысленное общение, обостряющееся в экстремальных условиях, было обоюдным. Ольга глядела на него с той же искоркой во взгляде, но тепло и ласково. Как он глядел на неё, Артём не знал, однако чувствовал, что его всего окутала волна нежности. Они держались за руки и не хотели отпускать друг друга. Этот час затишья они были вместе...

Война не место и не время для любви, однако она случается и на войне. Но вот вновь раздаётся свист, гул и грохот – эти ставшие уже привычными звуки сражений, снова потери, много раненых, потому что украинские

военные используют касетные боеприпасы, которые приводят к массовому поражению людей. Они запрещены, но... Сами «укры» в ближний бой не идут, из автоматов почти не стреляют, бьют минами, касетными снарядами и палят издалека из танков.

Артём ни за что не хотел отпускать Ольгу от себя и добился перевода её в свой взвод. Им разрешили, и она с радостью восприняла это...

В нескольких сотнях метров от въезда в Углегорск на перекрёстке стоял разбитый дом с проваленными пролётами. Обычный трехэтажный кирпичный дом-старина, каких много в уездных городах всего бывшего Союза. В нём засела группа военнослужащих «укров» и вела огонь. Рядом с этим зданием – детский сад и школа, поэтому одной из целей противника было вызвать при дальнем обстреле попадание снарядов по детским учреждениям. Когда отряд приблизился, Артём увидел в окнах автоматчиков, а под крышей – гнезда пулемётов. Начался длительный бой: из миномётов и танков равномерно обстреливали уровень за уровнем, а из автоматов, экономя патроны, стреляли только по явно видневшимся в окнах силуэтам. Этаж за этажом они заняли весь дом, часть бойцов противной стороны сдались в плен.

Когда перестали свистеть пули и «хлопать» миномёты, Артём увидел, как этот дом похож на тот, где он родился и жил... И этот чудом уцелевший балкон напомнил ему: вот он в детстве, опершись на такие же вот перила, смотрит в небо и мечтает стать героем, лётчиком, космонавтом... а там беззвучно, оставляя за собой белый шлейф, летит сверхзвуковой самолёт. «Когда я вырасту, буду строить самолёты...» – тут же меняет своё решение Артём. Учительница на уроках хвалит его за сообразительность, а мама говорит: «Да, ты будешь специалистом, но для этого нужно хорошо учиться и хорошо есть. Сбегай за хлебом и садись за уроки»...

Немного передохнув, ополченцы двинулись в Углегорск. И первое, что услышали Артём с Ольгой, когда вошли в город, – плач женщины, у которой снарядом в одно мгновение был разрушен дом. Она стояла у плетня, и так как некому было больше пожаловаться, показывала проходившим мимо бойцам на огород: «Вот всё моё достояние, сыночки, – копаю, сажаю, пропалываю и поливаю. Нам с детками, – она показала на троих белобрысых ребятишек, – миллионерами с этого не стать. А теперь вот и дома лишились... – рыдания прервали её слова. – Это всё из-за тех, кто хочет за наш счёт стать миллионером!..» – выкрикнула она.

...Артём вспомнил, как он, шестнадцатилетний, с матерью ехал в другой город к родным умершего отца, чтобы попросить устроить его в их бизнес. Те были владельцами небольшой фабрики. Но с этим ничего не вышло – бедные родственники никому не нужны. Позже Артём понял – таким людям легче без оглядки эксплуатировать чужих... На обратном пути они с матерью решали, куда ему до армии пойти работать. Об окончании школы и речи не было, так как больная мать одна потянуть их двоих не могла... «Мама, мама, как ты там?» – подумал он: вот уже месяц как нет писем от неё...

Затишье длилось недолго, начались бои, цель – добить остатки «укров», сидящих в Углегорске. Рядом с Артёмом и Ольгой пару раз от взрывов высоко вверх вздымалась земля. В ответ, стреляя на ходу, вперёд двинулось три танка. У одного из них, – видимо, часто стрелял, – раскалился ствол и вокруг него появились языки пламени. К месту боя ополченцы пошли

цепочками вдоль двух сторон улицы рядом с её проезжей частью. Подойдя ближе, сгруппировались и построились. После получения вводной, группой, подбадривая себя криками, побежали вперёд. Их догнал танк, и они сели на его броню, тесно прижавшись друг к другу...

...Взяв Углегорск, ополченцы поставили на господствующие высоты артиллерию. Это уже было полдела. А пока готовились к дальнейшему, выяснилось, что когда военнослужащие ВСУ покидали эти места, то в балку, что под полуразрушенным мостом, они сбросили несколько сотен тел своих погибших и техникой сравнивали с землёй. Артёма, узнавшего об этом, с одной стороны, объял гнев и омерзение к сотворившим такое нелюдям, а с другой, – охватило вдруг чувство горького сострадания к людям, которых они, ополченцы, здесь защищали – в такие моменты кажется, что ты понимаешь все беды их, всё, чего им сейчас так остро не хватает.

После отряд участвовал в перерезывании перешейка... Лобовой атакой не планировали, шли по лугу – трава выше колен, – стреляя из автоматов. Остановились, увидев впереди горящее поле пшеницы, из-за которого «работали» миномёты. Подъехал грузовик с лёгкой артиллерийской установкой в кузове и два танка. Пришло подкрепление и в живой силе – машины с ополченцами в кузовах. Заняли позицию в линию...

И вот Артём видит, как «укры» собираются как раз в том месте, куда направлен его автомат. Он облизывает сухие, потрескавшиеся губы, судорожно глотает скопившуюся слюну и поудобнее устраивается для стрельбы. Но команды всё нет. «А жаль! Что они там, заснули?» – думает о начальстве. Слышит: «Дзи-и-нь, дзи-и-нь» – это одна за одной пролетают над головой пули. Зажатая в руке граната кажется тяжёлой и холодной. Артём, не дожидаясь приказа, бросает гранату вперёд, быстро прячет голову и прикрывает её руками. Ба-а-бах! «Я попал в них?» – спрашивает он у соседа. «Попал», – отвечает тот.

Небо стали покрывать грозовые тучи, солнце скрылось, может, погромыхивал гром, но его не было слышно из-за разрывов снарядов...

Затем при поддержке бронетехники пошли в атаку. У Дебальцево, определив наиболее уязвимые места в обороне противника, организовали несколько отвлекающих штурмов, что позволило ополченцам войти в город и начать его зачистку... И всё. Дебальцево, наполовину оставленный жителями, постепенно, в течение недели, перешёл под управление ДНР. По улицам бродило много собак, которые разрывали на куски трупы и растаскивали их. Видеть это было очень неприятно. Когда Оля увидела собаку с человеческой рукой в пасти, её вырвало. «Да, привыкнуть к такому, хоть годы будь на войне, видимо, невозможно», – с тяжёлым чувством подумал Артём.

...А 11–12 февраля в результате новых Минских договорённостей успешное и многообещающее наступление войск ополченцев было неожиданно остановлено, и обе стороны должны были 15 февраля отвести тяжёлое вооружение с линии соприкосновения...

В конце месяца Артёма и Ольгу отпустили в отпуск. Эти две недели были для них поистине медовыми. Они поехали в глубинку Донбасса, в шахтёрский городок Снежное – родину Оли, – состоящий из множества сросшихся посёлков, живописно разбросанных по высоким и крутым холмам. Заросли деревьев и участки степи тут чередуются с кварталами жилых домов,

а вокруг – терриконы и копры шахт (они наряду с шестерёнкой – символом предприятий – изображены на гербе города). В 1990-х стали считать, что добывать уголь невыгодно, и как закрыли множество шахт в Донбассе, так почти всё и в Снежном. Позже, в 2000-х, опомнившись, власть имущие – так как уголь всё же нужен – многие шахты в городе открыли снова, но уже, конечно, как частные. Как там руководят, это уже предмет другого повествования. А крупнейшая, с двумя тысячами работников в прошлом, шахта «Снежнянская» – многие старожилы, как прежде, называют её № 10 – так и осталась закрытой. Она находится почти в центральной части Снежного. Сейчас территория постепенно разрушается и временем, и людьми, а халатность чиновников привела к её затоплению. Вокруг города много нелегальных шахт-самокопок. Несколько предприятий в Снежном закрыты, – хотя такие крупные предприятия, как «Химмаш» и «Мотор Сич», работают. И всё же часто жители, бросив свои дома и квартиры, уезжают. В домах повсеместно лифты либо разграблены, либо законсервированы и заложены кирпичной кладкой.

Погода была неважной – хоть ночью был лёгонький морозец, но днём стояла оттепель в +1+4°C, когда солнечные дни чередовались дождливыми и с мокрым снегом, – и было довольно уныло. Однако после боевых действий и такой климат воспринимался как райский.

Но погода интересовала молодых людей постольку-поскольку. Оказавшись в мирной обстановке, Артём и Ольга со всей пылкостью давно сдерживаемых чувств предали себя любви. Этим вечером мать Оли ушла на дежурство в котельную, и они остались одни. В комнате, которая сохранялась такой же, какой была до отъезда девушки в ополчение, царил полумрак. Они не включали даже бра, так как оба чувствовали, что сегодняшним вечером произойдёт нечто, не требующее освещения. Оля включила музыку, и она наполнила собой всё пространство не только комнаты, но и их душ. Артём обнял Олю и стал целовать её в голову, лицо, шею, и ни один поцелуй не был похож на предыдущий. Они не заметили, как освободились от уз одежды, и их обнажённые обнимающиеся тела были теперь чем-то большим единым, выходящим за пределы окружающего их и в то же время безраздельно сливающимся с ним. Их движения были танцем – плавным и одновременно хранящим в себе большую, неизрасходованную потенцию движения откровенных, безраздельно доверяющих друг другу людей. Артём целовал свою любимую без конца, и его губы никогда не попадали в одно и то же место. Он чувствовал, что Оля всё более и более сливается с ним, и от этого мужественность возрастала в нём.

– А ты настоящий любовник, – прошептала девушка.

В ответ Артём сладостно и долго поцеловал её. Это был не тривиальный секс, а высшая форма общения, интимный разговор двух людей, которых Бог сотворил мужчиной и женщиной. И они общались, потеряв счёт времени, восполняя недостаток любви в своей молодой жизни, оказавшейся в объятиях жестокого времени. Музыка давно смолкла, но в душах их зазвучала иная музыка, напоминающая молитву, и эта всё возвышающаяся и возвышающаяся молитва наконец завершилась единым выдохом любви, которая слилась с великой Любовью, наполняющей Вселенную.

Они ещё долго общались, лаская и обнимая друг друга, словно пытаясь навсегда сохранить то божественное, что открылось им.

И вот сон объял их...

...Они с Ольгой стоят у высокой и длинной стены, вокруг ребята из их отряда и, странно, мирные жители: женщины с детьми, старики... По ним стреляют, и не уйти, потому что выстрелы раздаются не только спереди, но и слева и справа. Стрелков не видно. Кто-то из стоящих у стены падает замертво, кто-то ранен, но в основном пули пролетают рядом с головой, рядом с рукой или ногой, и люди стараются увернуться от них. Словно цель стреляющих – подольше поиздеваться над людьми, прежде чем убить их. Артём оглядывается на стену: в ней много отверстий, но... все они малы, не пролезть, только руку можно просунуть. И вот, как бы в ответ на его мысль, невидимые руки из-за стены просовывают пакетики с продуктами, медикаментами и санитарными принадлежностями. Люди поспешно хватают их, ибо очень хочется есть, и многие ранены и истекают кровью... И никуда не уйти... И перспектива: рано или поздно – смерть...

...Долго ли они спали, Артём не знал. Проснулся он в холодном поту, когда Оля потрясла его за плечо и тревожно спросила:

– Что с тобой, милый?

Артём молча встал и подошёл к окну. За ним была уже глубокая ночь. Звёзд было мало на небе, и чёрными тенями стояли дома. Он открыл форточку, и в комнату сразу же потянуло острым весенним воздухом.

– Послезавтра уже март, – проговорил Артём.

– Да, весна... Тебе что-то приснилось?

– Ты знаешь, Оля, я решил остаться здесь, на Донбассе, и биться до конца, до победного конца, – поправился он.

– А как же твой город, друзья, родные? Ты мне столько рассказывал о них.

– Мой город там, где беды русских людей, – чуть помолчав, сказал Артём и обнял Олю: – А главные мои друзья и родные теперь – это ты и наши будущие дети.

И как бы в ответ на его слова, из-за облака выглянула яркая звезда. Ольга и Артём, обнявшись, долго смотрели на неё. Это был Юпитер – планета успеха и оптимизма.

Владимир ХОХЛЕВ

Случай с Ивановым

Токарь Иванов справил сорокалетие.

Его предупреждали, что это может плохо кончиться, что справлять сорок лет – плохая примета. Иванов не послушал. Он наплевал на все предрассудки и отметил по полной программе.

Вначале, конечно, всё было чинно и цивилизованно: белая скатерть, салатик, горячее. После каждого тоста закусывали. Беседовали... Всё как положено.

Это потом он нажрался, как свинья, и стал скандалить с гостями. «Ну тут уж извиняйте – сорок лет всё-таки. Не сдержался», – после оправдывался Иванов. Но собственно, это в рассказываемой истории не главное...

Главное – то, что, проснувшись следующим утром, Иванов ничего не смог вспомнить, причём не так, как обычно бывает «после вчерашнего», а вообще ничего, то есть по нулям.

Иванов очнулся от неизвестных, каких-то совсем незнакомых звуков, проникавших в голову, и поначалу ощущал себя в полной темноте. Затем перед ним возникло что-то белое. Что-то среднее между туманом, киселём, табачным дымом и ватой заполнило сознание. В нём, этом белом, иногда проскальзывали бесформенные искорки. Но тут же и гасли.

В какой-то момент Иванову показалось, что в его голове образовалась огромная чёрная дыра, воронка, раструб, из которого выползают холодные струи липкого эфира. Они текли и гасили искорки.

Иванова охватило что-то напоминающее тревогу. Обычно его голова всегда полна мыслями, а тут – ни одной. Странное беспамятное, бессмысленное состояние...

Выпотрошенная голова.

При этом тело своё Иванов ощущал. Мышцы, ткани, другие части тела производили неведомую работу. Но осознать её Иванов никак не мог. Раньше ощущения всегда сопровождались какими-то означающими их словами, или, как сейчас говорят,мыслеобразами. Но этим утром таковых не было.

Иванов ощущал стук сердца, не догадываясь, что это стучит именно его сердце. Он ощущал сокращения мышц, не понимая, что это сокращаются именно его мышцы. Какая-то живая, неведомая ему энергия заставляла тело двигаться. И оно двигалось. То, что двигающиеся части тела имели названия – руки, ноги, спина, шея – Иванов забыл начисто. Ни одно из движений тела он не мог обозвать словами – не находил их в голове... И поэтому противоречивые движения были не согласованы между собой и как бы перехлёстывали друг друга. Он походил на повисшего в невесомости человека, пытающегося встать на ноги. Пробовал встать, но едва подошвы ног касались опоры, опора уплывала.

Устав бороться с окружающим, Иванов затих. Перед ним вновь возникло вроде бы уже знакомое, но никак не обозначенное белое, которое через несколько мгновений сопроводилось первой, наконец-то отчётливо читаемой мыслью – «потолок». Следом выскочило «белый». Иванов напрягся, пытаюсь понять, что такое «потолок белый». Почему в голове появились эти слова? Связано ли то белое, что возникло чуть ранее – как читатель уже смог догадаться, в тот момент, когда Иванов открыл глаза – со словами «потолок» и «белый»? Невероятное умственное напряжение к ответу на этот вопрос не приближало.

Иванов снова оказался в темноте, потому что закрыл глаза. В то же мгновение по его сознанию заметались какие-то загадочные термины: шпindelь, салазки, суппорт, планшайба. Иванов заметил, что они

как будто вылезали из чёрного раструба, распрямлялись во весь свой рост (или размер) и заполняли собой пространство сознания. При этом сбивали с толку и мешали адаптироваться в новом состоянии.

Между тем ситуация, в которой Иванов оказался, требовала обдумывания. Он отогнал ничего не значащие для него слова и попытался сосредоточиться. Волевым усилием – по интуиции или на автопилоте – механически соединил белое с «белым потолком». Когда соединилось, Иванов облегчённо вздохнул: «Ну наконец-то!» Из раструба выскочило «Я сказал!».

Через полчаса он уже знал, что лежит в комнате, на мокром диване, под одеялом. Он не сумел бы объяснить, кто ему помогал (или что ему помогало) связывать предметы с обозначающими их словами, но процесс постепенно шёл. Откуда приходили вроде бы знакомые, но напрочь забытые мысли и понятия, Иванов не представлял. Но они приходили. Кто-то стремился вернуть Иванова к нормальному мироощущению, снабдить утерянными в пьянке именами. Пришли какие-то странные «люстра, занавеска, нос, револьверная головка, лежать, рука, пальцы, утром, ходовой винт». Затем в голове засветились – «повернуться, смотри, распредвал, вытянуть руки». Словарный запас Иванова потихоньку, но безостановочно пополнялся. Он удивлённо крутил головой, вертел глазами, а через его голову плыл поток новых слов, мыслей и определений. Одни необъяснимым образом обозначали всё, что было вокруг – прилеплялись к вещам, другие были далеки и бесполезны.

Он лежал на спине с открытыми глазами и смотрел на белый в трещинах потолок. Само собой в голове закопошилось новое непонятное слово «кисло». «Где?» – спросил себя Иванов. «Где, где? Во рту!» – возникло в нём. Иванов пошлёпал губами. «Это называется рот?» – уточнил Иванов. И ответил: «Да, это называется рот! И в нём кисло...». «Ур-ра!» – выскочило из раструба.

Что-то внутри Иванова заработало гораздо активнее, чем раньше. Белый потолок опрокинулся за спину, прямо перед ним возникло что-то светлое в обрамлении серого – Иванов сел на диване, лицом к окну.

Голову мутило, пальцы рук дрожали, но тело Иванова ещё раз пришло в движение. Светлое в сером – то есть окно – скользнуло вниз и остановилось. Жёлтое под ногами увеличилось в размере и заскользило под Иванова. Скоро окно приблизилось. Половинка оконной рамы открылась, и в голову Иванова ворвался рой уличных звуков. Они что-то произвели в полупустой голове, и Иванова посетило новое яркое слово – «весна». За ним последовали «птица, зажимной патрон, птицы поют, солнце, небо, скорость резания, свет, больно, болит голова, лоб, снова суппорт». Мысли пришли одна за другой, немного перепутались, Иванов хотел совершить ещё одно волевое усилие, – не вышло. Рама окна задрожала и поплыла вверх, влево. Снизу, справа подскочило жёлтое и жёстко ударило. Сначала в плечо, затем в висок. Через голову пронеслось «пол, больно, ушиб, упал, коробка подачи, плечо, резец, маточная гайка, рука, голова, твою мать».

Стало темно, и Иванов отключился. Долго лежал на полу без сознания.

Когда включился, по голове носились «боль, верхняя каретка, каретка суппорта, душ, горячий, ванна, вода, пар, шпindelный узел». Он что-то напряг в себе и присел. Ещё раз сконцентрировался. Окружающее Иванова пространство двигалось. Сквозь шум, боль, спазмы сосудов в голову продолжали лезть разные неизвестности. Наверное, с помощью какой-то генетической памяти или благодаря непонятной помощи извне Иванов продолжал соединять слова и команды с объектами и действиями, которые они обозначали. «Закрыть глаза, жёлтый пол, открыть глаза, сфокусировать взгляд, повернуть голову, стена, комната, встать, идти, снова твою мать,

идти, идти». Последнюю мысль почему-то соединить с чем-либо сразу не удалось. «Что это – идти? Ти, дти, лидти, коидти, перидти? Что это такое?»

Иванов кое-как встал на ноги.

Комната качалась из стороны в сторону, пол под ногами то проваливался, то вставал дыбом. В один из таких качков нога Иванова выдвинулась вперёд. За ней потянуло корпус, затем пошла вторая нога. Шкаф, стены поплыли назад, за уши. По кругу.

– Дти, ти, идти, – Иванов попробовал произнести трудное слово вслух.

Тем временем ноги продолжали что-то делать внизу Иванова. Он начал произносить другое слово:

– Внизу, вниз, сниз, низ, у, книз, внизу.

Звуки получились звонкие и одновременно какие-то тягучие. Слово «внизу» соединилось с тем, что было под Ивановым. Следом слово «идти», наконец, обозначило то действие, которое он совершал. Иванов обрадовался тому, что сильных волевых усилий, какие он производил ранее, уже не требовалось. Требовались внимание и хоть какое-то первичное запоминание. Неожиданно движением языка во рту и губ токарь произвёл новые звуки:

– Я – Иванов!

Иванов ударил себя в грудь.

– Да! Я – Иванов! И-ва-нов. И-ван, иванов, ванов, Иванов.

В слышимых звуках было что-то знакомое, родное. Они понравились Иванову. В его голове защёлкнулся очередной замочек. Прилетевший следом большой блок мыслей был озвучен Ивановым быстро и громко.

– Да, я – Иванов! Я – токарь Иванов! Да! Я – токарь Иванов, Иванов-токарь. Токарь, а не кабы кто! Иванов, а не Петров. Токарь Иванов! Я сейчас приму анальгин, затем приму душ, затем позавтракаю, оденусь и пойду на работу. В родной токарный цех. Хорошо, что я отпросился у мастера на первую половину рабочего дня... Знал наверняка, что напьюсь, как свинья... Так вот откуда шпindelный узел на подшипниках качения! Из «Токарного дела».

Иванов неожиданно отчётливо вспомнил, как мастер, отпуская его, засмеялся:

– Только смотри, не злоупотребляй...

Разговор с мастером – как первое образное воспоминание недалёкого прошлого – возникло в мозгу Иванова во всех деталях, до пятен масла на комбинезоне начальника. Он ухватился за это воспоминание и долго не отпускал. «Только смотри не злоу..., не злоупотреб..., незло..., употреб..., бляй!» – повторял мастер в голове Иванова, а Иванов слышал и повторял следом за ним. И радовался! Конечно, не услышанному, а самому факту воспоминания и слышания. Сейчас Иванов мог бы расцеловать своего строгого мастера.

– Итак (что за слово такое: «итак»?), я – токарь Иванов, и сейчас я пойду на работу.

Ноги перестали выскакивать вперёд, и пространство остановилось. Оказывается, Иванов мог двигать пространством. Это насторожило, но сконцентрироваться на новом открытии Иванов не успел, потому что ему очень захотелось пить. Он развернул комнату на девяносто градусов и приблизил к себе стол. Снизу к нему подтянулся табурет. Какое сложное и колючее слово «табурет». А сидеть на нём ничего, удобно. Чашка, оказавшаяся в руке, подплыла к губам, Иванов отхлебнул её содержимое. Огнём обожгло полость рта, нёбо, горло. «Водка!» – почему-то сразу, опять генетически, понял Иванов. Дыхание его перехватило, он отплевался и откашлялся в чашку, вслух произнёс непонятное «твою мать».

– Хочу пить, а не водки, – сказал Иванов, и замусоренный, с пятнами на скатерти стол запрыгал под его неподвижным взглядом.

– Что за бред?

Иванов закрыл глаза, вновь открыл – стол продолжал дёргаться. Только когда перед глазами оказалась недопитая бутылка «Пепси», стол остановился. Тёплая, но ещё газированная жидкость влилась в Иванова – и жажда исчезла.

– Задняя бабка, твою мать, так вот! – Иванов хлопнул рукой по коленке.

Через час он, уже помытый и причёсанный – в переднике – убирал со стола посуду. И продолжал познавать предметный мир. Его сознанию постепенно открывалось, что есть «ножи, тарелки, вилки, чашки, салатницы, куриные кости, конфетные фантики, хлебные крошки, рюмки, блюда, свечи, бэзе (какое интересное слово!), лимоны». Слова же «резец, шаблоны, кулачки, ходовой винт» не могли прилепиться ни к чему, что было рядом... И оставались бездомными.

Ещё через час передник снялся с Иванова и повис на крючке у кухонной раковины. А сам Иванов перетёк в комнату, где на его тело наделись джинсы, свитер, часы с браслетом, чёрные носки и кроссовки. Память Иванова как будто бы восстанавливалась, но что-то было ещё не так. В восприятии окружающей действительности присутствовал какой-то дискомфорт. Зеркало в прихожей надолго задержало в себе недоумевающего человека.

– Надо же так вляпаться!

Из зеркала в Иванова вглядывался видный, высокий мужчина с серыми глазами и пышными усами, приглаживающий высохшие и стоящие немного торчком волосы.

– Ты чего? – спросил Иванов.

– Ничего, – ответил сероглазый мужчина. – Иди уже.

– Ладно, пойду, – ответил Иванов, и зеркало отплыло в сторону.

Через минуту дверь квартиры захлопнулась, и пространство лестничной клетки плотно обхватило нашего героя. Ступени поплыли под ноги, перила заскользили в руки.

Скоро лестница оборвалась, Иванова обступила темнота, затем открылась какая-то дверь. Свет ударил по глазам, и Иванова засосала улица. Дома с фигурными балконами, деревья, припаркованные автомобили пошли навстречу. Улица неожиданно повернулась, и на Иванова напозла арка, которая довольно быстро кончилась. За ней под бедолагу потёк двор. Подкралась набивная дорожка, затем слева возникла ограда сквера, после справа – баскетбольная стойка. Когда двор кончился, на Иванова напозла другая арка. С трещинами, обитой штукатуркой, ямами в асфальте. Когда и эта арка проскочила мимо, героя дня захватил широкий проспект.

Туда-сюда по проспекту неслись легковые автомобили, маршрутки, автобусы. Один из них вобрал Иванова в себя. Как это произошло, Иванов не понял. Наверное, опять благодаря генетической памяти сработало его тело. Мягкое уютное кресло – гораздо лучше, чем табурет – оказалось под Ивановым. Слева обозначилось широкое окно. Иванов уже знал, как называются подобные отверстия в стенах. А за окном двигался красивый город. Он сначала приближался, затем быстро скрывался за обрезом оконной рамы. На улицах города, под молодыми симпатичными девушками текли плиточные тротуары, а над ними начинал капать дождик. Какое весёленькое словечко – «дождик»! Симпатичных девушек с оголёнными талиями быстро спрятали под собой разноцветные зонтики. Других прохожих укрыли от дождя навесы, козырьки,

развёрнутые над головами газеты, смешные полиэтиленовые пакеты, деревья. Хотя некоторых тоже защищали зонтики. Мокрый асфальт заползал под автобус, тёрся об его колёса и шуршал. А когда на асфальте обнаруживалась большая лужа, колёса разбрызгивали её в разные стороны, чтобы лужа не мешала проезду.

Подкатила очередная остановка. Двери автобуса разверзлись, салон всосал в себя новых пассажиров. На ступеньке входа с зонтиков и ботинок стряхивались дождевые капли. Карманы вошедших зазвенели мелочью, большая кондукторша начала отрывать билетки... Иванову ужасно нравилось наблюдать за всем этим. «Это как телевизор смотреть».

«Что смотреть?» – не понял он себя, но внимания на этом вопросе не заострил.

Город за окном продолжал плыть мимо. Открывались новые фасады, из разрывов между фасадами выскакивали улицы и переулки. При этом через голову Иванова нёсся поток новых мыслей. Слова «фасады, дождь, сошли, вы выходите? пассажиры, сели, девушки, зонтик, билет, ехать, встали, светофор» производили на Иванова положительное впечатление. Слова же «куда прёшь, ваш билет, уроды, сам такой, выходите, пошёл ты» почему-то ему не нравились.

Под автобус затёк широкий мост, под которым справа налево бежала широкая река. Или мост по реке плыл слева направо.

На очередной остановке автобус выпустил из себя на тротуар – как слово «тротуар» похоже на «табурет» – почти всех красивых девушек, и над ними сразу же раскрылись разноцветные зонтики.

А на следующей остановке автобус выставил под дождь и Иванова. Без зонтика.

Молния на куртке затянулась до самого подбородка, а голова Иванова по уши ушла в плечи. «По уши ушла!» Но мокрый ветер всё равно затягивался под воротник.

Иванов шёл, мок и мёрз. Наконец открылась высокая стеклянная дверь, и Иванова своим теплом и сухостью согрел вестибюль родного завода.

В цеху, на автопилоте переодевшись в рабочую форму, Иванов первым делом вырос перед мастером.

– Ну как? Не злоупотребил? – услышал он знакомый голос. – Живой? Поздравляю!

– Живой! – усмехнулся живой Иванов, направляясь к своему рабочему месту.

И только тут в мир вернулся обычный порядок.

Не токарный станок наехал на Иванова, – наученный всем происходящим с утра, он не исключал, что может быть именно так, – а сам Иванов подошёл к станине, щёлкнул холодным металлическим выключателем, и его рабочее место осветилось желтоватым электрическим светом.

Иванов перекрестился, хотя считал себя неверующим, выдохнул и, ничего никому не говоря, включил двигатель станка. Тот завёлся и начал набирать обороты... Когда под победитовым резцом завилась бликующая всеми цветами радуги металлическая стружка, Иванов забыл всё неожиданности сегодняшнего дня.

Через очень короткое время грязно-серая болванка, зажата в шпинделе передней бабки, стала превращаться в сияющую таинственным блеском цилиндрическую заготовку нового токарного творения Иванова. Он внутренне обрадовался, и сам того не замечая, начал строить планы на ближайший вечер.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Декабрь

Митрополит Тобольский и Тюменский Владыка Димитрий принял группу тюменских писателей, приехавших на встречу с читателями Тобольска.

Митрополит Димитрий, сам являясь членом Союза писателей России, лауреатом литературной премии имени Мамина-Сибиряка, прекрасно понимает силу писательского слова, поэтому в ходе беседы обсуждались различные направления сотрудничества епархии с писательской организацией в деле духовно-нравственного воспитания молодёжи. Достигнута, к примеру, предварительная договорённость о проведении литературного конкурса, посвящённого 400-летию Тобольско-Тюменской епархии.

В рамках областного конкурса «Книга года» группа тюменских писателей провела встречи с читателями северных территорий Тюменской области – Тобольска и Увата.

Впервые за двенадцать лет проведения конкурса «Книга года» Тюменская областная научная библиотека и региональное отделение Союза писателей России «вынесли» церемонию награждения далеко за стены зала, в котором проходили торжества, чтобы о лучших книгах читатели узнали не только из сообщений СМИ, а от писателей.

Четыре актёра тюменских театров отмечены медалью «Василий Шукшин».

Этой одной из высших наград писательского сообщества за высокопрофессиональное исполнение ролей в спектаклях по произведениям Василия Шукшина и значительный вклад в продвижение современной русской литературы, в том числе региональной, удостоены народный артист России Владимир Орёл, заслуженный артист России, художественный руководитель театра «Ангажемент» Леонид Окунев, заслуженный артист России Геннадий Баширов и заслуженный артист Казахстана, заслуженный артист России Сергей Кутьмин.

Медалью «Василий Шукшин», которую учредили Союз писателей России и литературно-художественный журнал «Бийский вестник», который издаётся на родине великого писателя, кроме тюменских артистов отмечено лишь несколько театральных деятелей Москвы, Алтая и Вологды, где сохраняются лучшие традиции русского театрального искусства, в том числе основанные на произведениях таких писателей, как Василий Шукшин, Василий Белов, Зот Тоболкин.

В Тюменском филиале Президентской библиотеки в формате видеоконференции состоялась презентация пятитомного издания фронтальной поэзии «Война и мир», которое стало победителем конкурса «Книга года – 2017» в номинации «Поэзия».

В видеоконференции приняли участие Москва, Санкт-Петербург, Омск и Тюмень. Идея издания многотомного издания поэзии, посвящённого Великой Отечественной войне, принадлежит члену Союза писателей России, президенту благотворительного фонда «Дорога жизни», меценату Дмитрию Мизгулину.

Предполагается, что многотомное издание поэзии о Великой Отечественной войне будет продолжено. В следующие пять или даже семь томов войдут стихи детей и внуков победителей.

В Центральной городской библиотеке г. Тюмени прошло награждение победителей областного конкурса молодых авторов «Лёгкое перо». Учредителем конкурса является Тюменское региональное отделение Союза писателей России и редакция историко-краеведческого и литературно-художественного журнала «Врата Сибири».

Бессменным организатором выступила Тюменская централизованная городская библиотечная система, а состоялся конкурс благодаря поддержке депутатов её фракции «Справедливая Россия» Тюменской областной Думы. Победителями третьего областного конкурса молодых авторов в номинации «Проза» стали Антон Комаров, Артём Шелудков, Артём Тихомиров, Ирина Сиволобова, Роман Поплавский, Екатерина Ермолаева, Инна Ерофеева, Руслан Романчук, Наталья Корсак, Светлана Радаева, Зуля Стадник и Алина Иванова.

В областной научной библиотеке имени Менделеева состоялось награждение победителей конкурса «Книга года». Лучшим в номинации «Поэзия» стал пятитомник стихов о Великой Отечественной войне «Война и мир», в номинации «Художественная проза» – двухтомное собрание сочинений Анны Неркаги, в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» «Азбука Тюмени: город глазами юных художников», а «Книгой года» признана книга святителя Иоанна Тобольского (Максимовича) «Феатрон». Её в результате двух лет кропотливой работы издал культурный центр «Русская неделя». Названы также победители в других номинациях конкурса.

В Тюменской областной научной библиотеке имени Менделеева состоялось вручение литературных наград тюменским писателям.

Поэты Виталий Огородников и Михаил Федосеенков награждены медалью «Русская звезда» имени Тютчева. Эту награду писателям учредили Союз писателей России и благотворительный фонд «Дорога жизни». Директор департамента культуры Виктор Новакаускас по поручению руководства Академии российской литературы вручил Леониду Иванову диплом действительного члена (академика) Академии российской литературы, в которую он принят за большой вклад своим творчеством в развитие и сохранение лучших традиций отечественной литературы.

Январь

В обществе русской культуры прошли Рождественские писательские посиделки. За чашкой чая с пирогами домашнего приготовления поэты читали стихи, звучали популярные песни, прошла презентация картины Яна Боме «Рождество» и очередного номера журнала ЛИФФТ, на страницах которого опубликованы произведения сразу семи тюменских авторов.

На литературных посиделках за чаепитием с домашними пирогами, мёдом, вареньем и прочими яствами звучали стихи, песни под гитару, шёл душевный разговор литераторов из двух писательских Союзов, которые в год 55-летия Тюменской областной писательской организации планируют немало совместных мероприятий.

Член Союза писателей России Анатолий Омельчук стал лауреатом Большой литературной премии Союза писателей. Этой высшей литературной награды наш известный земляк удостоен за «Книгу Сибири

[Электронный ресурс]: [полное собрание сочинений: 1978–2015 гг.: в 2 ч.], выпущенную в издательстве Тюменского государственного университета. Электронное издание представляет собой полное собрание сочинений тюменского автора. В сборник включены биография и библиография автора, фотоподборка, монография доктора филологических наук, профессора Натальи Дворцовой. Издание адресовано всем интересующимся историей и литературой Сибири и сопредельных территорий.

Тюменская городская централизованная библиотечная система объявила онлайн-конкурс «Читаем тюменское». Этот конкурс будет проводиться в течение всего года в несколько этапов при ежемесячном подведении промежуточных итогов.

Наградами победителям станут книги известных тюменских авторов.

Тюменский информационно-библиотечный центр для детей и юношества в рамках подготовки к 55-летию областной писательской организации начал проводить цикл встреч с известными тюменскими писателями. Первым с читателями встретился лауреат Международных и Всероссийских литературных премий Леонид Иванов. В планах центра аналогичные встречи с Виталием Огородниковым, Ольгой Ожгибесовой, Аркадием Захаровым и другими авторами, которых хорошо знают тюменские любители литературы.

Февраль

Делегаты Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов и Александр Новопашин приняли участие в работе очередного, XV съезда Союза писателей России. Этот форум многие окрестили переломным, потому что он должен в корне изменить всю систему работы творческой организации, поднять на должный уровень былой авторитет писательского слова, занять достойное место в ряду многогранной деятельности по сохранению и развитию русской культуры, вернуть уважение к печатному слову и возвратить России статус самой читающей страны. Эту работу организация будет вести под руководством вновь избранного председателя – Николая Иванова, получившего на выборах 132 голоса из 160.

В Казанском районе Тюменской области прошли торжества по вручению литературной премии имени Ивана Ермакова.

Уже более сорока лет нет в живых автора сибирских сказов Ивана Ермакова, но его книги регулярно переиздаются. А ещё память о нём жива благодаря литературной премии, учреждённой земляками 30 лет назад. Это поистине народная премия, потому что не чиновники от литературы определяют лауреатов, а земляки писателя дают оценку творчеству соискателей. В этом году премии удостоены прозаик, поэт и сценарист из г. Тюмени Ольга Ожгибесова и земляк Ивана Ермакова, дипломант Всероссийской литературной премии имени Ершова, автор нескольких книг Сергей Боровский.

В Тюмени прошла встреча молодых авторов с редакцией литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири». Альманах на протяжении последних нескольких лет постоянно публи-

кует произведения молодых талантливых авторов, отводя для них около четверти всей журнальной площади. Издание является и постоянным соучредителем ежегодно проводимых в области литературных конкурсов, но подобных встреч с начинающими авторами до сих пор не проводилось.

Март

В Тюменском литературно-краеведческом центре прошла встреча сотрудников тюменских библиотек с писателями области. Она была посвящена Всемирному дню писателя.

На встрече звучали стихи и авторские песни, шёл разговор о творческих планах. В качестве подарка сотрудники ЛКЦ подготовили для гостей слайд-фильм, посвящённый 55-летию областной писательской организации.

Тюменский информационно-библиотечный центр для детей и юношества удостоен диплома и медали «Николай Рубцов».

Эту награду за продвижение творчества великого русского поэта современности по поручению правления Вологодского регионального отделения Союза писателей-краеведов, учредившего медаль, вручил ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов. Он отметил, что на протяжении нескольких лет библиотечный центр регулярно проводит творческие вечера, посвящённые Николаю Рубцову, и выразил надежду, что впредь эта работа будет набирать силу, привлекая всё большее число любителей поэзии.

Апрель

В департаменте культуры правительства области состоялось заседание оргкомитета по участию тюменской делегации в книжной выставке на Красной площади. Традиционно этот книжный форум посещают первые лица государства, поэтому участию в нём придаётся огромное значение как возможности заявить о себе ради продвижения тюменской книги на всероссийский уровень.

В этом году главными экспонатами тюменского стенда решено сделать издания-победители областного конкурса «Книга года».

Библионочь в Тобольском районе прошла в этом году очень необычно. Впервые гостями сельских библиотек стали тюменские писатели – члены Союза писателей России. Такой писательский десант в отдалённые библиотеки района состоялся впервые за многие-многие годы, потому что обычно встречи с литераторами проходят лишь в районных центрах и реже – в культурных центрах больших населённых пунктов.

Коротко об авторах

АБРАМОВ Сергей Владимирович родился в д. Бугинке Ярковского района Тюменской области 6.10.1960 года. После окончания школы поступил в Троицкое авиационно-техническое училище гражданской авиации, работал авиатехником в аэропорту Роцино г. Тюмени, в подразделениях «Сургутгазпрома», в разных частных предприятиях. Член Союза писателей России.

АКИМОВ Валерий Юрьевич родился в 1949 году в г. Новомосковске Тульской области. Службу по призыву с 1969 по 1972 год проходил в погранвойсках на российско-финской границе. После окончания МХТИ имени Менделеева в 1978 году приехал в Нижневартовск и работал здесь в нефтепереработке. Имеет звание «Почётный нефтяник». Стихи пишет с детства. Среди главных тем его творчества – возрождение традиций православия, сохранение исторической памяти и чувств патриотизма в человеке. Автор двадцати книг. Член Союза писателей России.

АЛИШИНА Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор, директор Центра тюркологии. Заслуженный учитель Республики Татарстан. Почётный работник высшего профессионального образования РФ (2005). Почётный член Академии наук Республики Татарстан. Сфера научных интересов – язык, фольклор, история, литература, этнография, искусство тюркских народов. Под её руководством защищено 10 кандидатских диссертаций. Член Союза журналистов РФ. Член Союза писателей Республики Татарстан. Член редакционных советов нескольких журналов, член Общественной палаты Тюменской области. Переводчик с татарского языка на русский язык произведений Якуба Занкиева, Булата Сулейманова. Автор более 300 научных и учебно-методических работ.

АНАШКИН Эдуард Константинович – член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Родился в 1946 году в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплёт», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Печатался во многих московских, всероссийских и областных изданиях – «Роман-журнал-XXI век» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Балтика», «Наша улица» (Москва), «Парламентская газета» (Москва) и т.д. Лауреат Самарской региональной премии имени Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живёт в Самарской области.

АНИСИМОВА Елена Владимировна родилась в Якутии в посёлке Торго. В 1982 году переехала в посёлок Пангоды. В Надыме окончила МОУ СОШ № 9, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта. Работает редактором ГБУ ЯНАО «Центр медицинской профилактики». Стихи, проза, публицистика Елены Анисимовой печатались в газете «Рабочий Надыма», «Надым ТВ информ», четвёртом и пятом выпусках альманаха «Окно на Север» литературного объединения «Надым», журнале «Человек и Север», антологии ямальской литературы.

БИВОЛ Анжелика Борисовна родилась 26.07.1967 года в селе Грачёвке Саратовской области. Детство прошло в г. Бендеры, сейчас это Приднестровье. В 1983 году родители привезли её в Сургут. Этот город стал для неё родным. Здесь она окончила школу, родила двоих детей, с ним связаны все победы и неудачи, радости и огорчения, вся жизнь. Стихи начала писать в 90-х годах. Их темы разные: красота природы и размышления о смысле жизни, любовь к Родине, душа и думы о вечном. Есть сказки и стихотворения для детей. Член литературного объединения «Северный огонёк» и ассоциации «Поэты Тюменской области». Член Союза российских писателей.

ГРИЦЕНКО Вадим Николаевич. Окончил исторический факультет Омского госуниверситета. Преподавал историю в Кутопьюганском интернате, в Тобольском госпединституте, был проректором ЗСГИ в Надыме. С 1976 года – организатор и участник археологических, этнографических и историко-краеведческих экспедиций по Западной Сибири от Горной Шории до Карского моря. Исследовал историю строительства железной дороги Чум – Салехард – Игарка, инициатор и организатор раскопок Надымского городища. Статьи, очерки, рассказы, стихи публиковались в периодической печати области, в региональных и общероссийских журналах и альманахах. Автор нескольких книг документальной прозы. В настоящее время научный сотрудник Ямальского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В 2009 году награждён памятным знаком главы города «Гордость Надыма». Лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка.

ГРАНИК Сарра-Мария родилась 20 мая 1982 года в г. Тюмени. Окончила Тюменский государственный университет. Автор двух книг прозы («PRO MEMORIA» (2007) и «Девочка, Бабушка, Пикассо» (2010)). Лауреат премии Ассоциации книгоиздателей России в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» (2008) и премии Уральского региона в номинации «Лучшая художественная книга» (2011). В 2013 году вошла в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Девочка, Бабушка, Пикассо». Живёт и работает в г. Тюмени.

ЕРОФЕЕВА (Рязанова) Инна Валерьевна – автор сборника стихов «Строчки доступа» и «Машенька ловит птиц», участник и победитель многих поэтических конкурсов, обладатель более 20 литературных наград. В их числе – победа на фестивалях «Поэзии На!» и «Поэзия улиц», второе место на областном конкурсе молодых авторов «Лёгкое перо» и ряд других. Стихи пишет с 9 лет. Вдохновляется людьми и городами.

ЕРМОЛАЕВ Валерий Николаевич родился и живёт в городе Тавде Свердловской области. Автор десятка поэтических и краеведческих книг. Лауреат московской литературной премии «Венец», награждён медалью имени Чупина «За заслуги по изучению Урала». Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России.

ИВАНОВ Леонид Кириллович родился в вологодской глухомани в семье репрессированных финнов. После восьмого класса работал сплавщиком леса, лесорубом, заведовал сельским клубом. В 17 лет с несколькими написанными рассказами был принят литературным сотрудником в редакцию газеты «Волна» Вологодской области. С тех пор всю жизнь занимается журналистикой. Экстерном сдал экзамены за среднюю школу, заочно окончил филфак Череповецкого педагогического института, очно – отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. Доктор политических наук, действительный член (академик) Международной финно-угорской академии наук, Евразийской академии телевидения и радио, Академии российской литературы. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

КАРТАШОВ Борис Пантимионович родился в семье репрессированных (кулаков) 11 июня 1951 года в посёлке без названия, где жили репрессированные. Окончил лесотехнический техникум, Высшую партийную школу при ЦК КПСС – факультет журналистики. Служил в рядах Советской армии. Работал в леспромпхозах Томской, Свердловской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, корреспондентом в газете, директором районного книготорга, стропальщиком на строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, директором типографии. Повести и рассказы печатались в различных журналах. Автор более десятка книг. Член Союза писателей России. Живёт в городе Советском Ханты-Мансийского автономного округа.

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 году в г. Тюмени в семье служащих. После школы учился в университете, служил в армии. В 1990 году окончил ТюмГУ. Работал учителем истории в школе, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве. С 1996 года проживал в Ханты-Мансийском автономном округе, работал учителем, директором школы, преподавал в Югорском университете, был главным редактором окружной общественно-политической газеты «Новости Югры», журнала «Югра».

Автор более двадцати художественных книг. По повести «Мальчик без шпаги» снят художественный фильм «Наследники», по мотивам романа «Вид из окна» – телефильм «Жених по объявлению». Проза переводилась на азербайджанский, сербский, греческий и болгарский языки. Лауреат многих Международных и Всероссийских литературных премий. Депутат Тюменской областной Думы пятого созыва. Сопредседатель общества русской культуры Тюменской области.

Почётный работник общего образования РФ. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

КОМАРОВ Антон Петрович родился в 1992 году в г. Тюмени. Поэзией увлекается со школы, которую окончил экстерном с золотой медалью. В 2016 году окончил с отличием Тюменский государственный медицинский университет. В настоящее время врач-ординатор кафедры кардиологии и кардиохирургии с курсом скорой медицинской помощи. Автор 55 научных публикаций, обладатель более 100 патентов по различным медицинским направлениям. Автор сборника стихов «Я не умею притворяться...» Победитель областного конкурса молодых авторов 2017 году в номинации «Проза».

КРЬСТЕВА Анжелика Анатольевна родилась 26 июня 1963 года в дер. Тюлешов-Бор Абатского района Тюменской области. Окончила Тюменский государственный университет. Учитель высшей категории. Живёт в селе Багаганы Вилуловского района Тюменской области.

КУЗЬМИНА Альбина Семёновна родилась 17 марта 1953 года в селе Рынья Тобольского района Тюменской области. Прозаик, исследователь, журналист. Кандидат культурологии (2003). Возглавляет городское литературное объединение «Замысел» в Нижневартовске с 1996 года по сей день. С 1976 года, по приезду в Нижневартовск, прошла все трудовые ступени до инженера связи в производственно-техническом управлении связи Главтюменнефтегаза. С 1995 года занимается журналистикой, работала в газетах и на телевидении. В настоящее время – редактор радиовещания ГТРК «Югория». Автор нескольких книг. Рассказы печатались в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Мир Севера», «Эринтур», «Югра», в коллективных сборниках. Неоднократный лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, лауреат журналистских конкурсов. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Живёт в Нижневартовске.

ПОЛУШКИН Василий – псевдоним молодого, но уже сформировавшегося поэта Екатерины Выдриной. Родилась в Калуге, выросла в Тюмени. Окончила Тюменскую медицинскую академию, работает хирургом. Врач с большой буквы, известный и любимый не только в Тюмени, но и в тех районах юга Тюменской области, где ей довелось работать.

Стихи пишет с детства. Автор трёх поэтических сборников (2011, 2013, 2015 годы).

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич родился в 1956 году в Ворошиловградской области. После школы работал токарем, служил в армии. Окончил исторический факультет Донецкого госуниверситета. Работал в школе, в

системе МВД, с 1987 года – в журналистике. В 1993 году вышла первая книга фантастики «Ложная дверь». Второй фантастический сборник «Изнанка мира» издан в 1999 году. Потом были новые книги и публикации рассказов в различных журналах.

Основную часть творчества автора занимает поэзия. Стихи публиковались в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», в журналах «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Югра», «Наш современник», «Лукич», «Фактор», в литературных альманахах «Сургут литературный», «Эринтур», «Факел». В 1996 году издан поэтический сборник автора «Куда улетают халеи», затем – «За час до рассвета», «Возвращение», «Поэзия космоса», «Хвойный край с просветами берёз» и «Рифмы ускользающих мгновений». За поэтические произведения автор удостоен литературной премии губернатора Югры.

Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. С 2005 года живёт в Тюмени.

ОЖГИБЕСОВА Ольга Адольфовна по образованию – философ, по профессии – журналист и редактор, по призванию – поэт и писатель. Писать стихи и рассказы начала лет в 11-12. Окончила Уральский государственный университет имени Горького, 18 лет преподавала в Тюменской медицинской академии. В 2000 году профессионально занялась журналистикой. Публиковалась во многих газетах и журналах, лауреат и дипломант различных журналистских и литературных конкурсов, в том числе на Всероссийском журналистском конкурсе получила «Золотое перо». Автор нескольких документальных фильмов, завоевавших высшие награды на Всероссийских телефестивалях. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Живёт и работает в г. Тюмени.

ПИОНТ Екатерина Лаврентьевна родилась и окончила школу в рабочем посёлке Берёзово Тюменской области. Работала многие годы в системе связи. Неоконченная учёба в Омском политехническом институте и текущая учёба в Литературном институте. Первая книга стихов «У родного порога» вышла в 2000 году. Затем – «Раздумье», «Из Берёзово я», «Тогда ещё писали письма...», стихи для детей «Мне рано в школу». Сборник рассказов для семейного чтения «Много неба» – издательство «Российский писатель», 2013 год. Дважды лауреат газеты «Российский писатель» в 2016 и 2017 годах.

ПЛЮХИН Павел Семёнович родился на Южном Урале, но послевузовская жизнь связана с Сибирью. Инженер по образованию, он после вуза преподавал в институте, затем 40 лет работал на земле Самотлора, оставив свою фамилию на мраморной стеле мемориального комплекса скважины Р-1 на Самотлоре. Поэзия и фотография стали спутницами жизни, воплотившись в сборники стихов и фотовыставки. Кандидат технических наук. Автор нескольких поэтических сборников. Занимается краеведением, фотографией и активной общественной деятельностью. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

РОМАНОВА Мила пишет прозу и стихи. Считает, что основное предназначение творческого человека – нести в мир добро и красоту. Практикующий психолог. Много путешествует, занимается духовными практиками, исследует окружающий мир. В произведениях делится с читателями результатами своих поисков. Автор пяти книг прозы и одного сборника стихов. Лауреат конкурсов «Ода Тюмени – 2016, 2017», «Книга года – 2016, 2017», «Международный фестиваль поэзии – 2017». Живёт в г. Тюмени.

РУБАН Катя – серебряный призёр VI чемпионата поэтов портала ЛитКульт (2016 год). Поэт года на портале ЛитКульт (2017 год), шорт-лист литературного фестиваля «Приношение», приуроченного к 80-летию Беллы Ахмадулиной (Москва, 2017 г.). Публикация в ежегодном литературном

альманахе «День Поэзии. XXI век» (Москва, 2017 г.), победитель III областного литературного конкурса молодых авторов Тюменской области «Лёгкое перо – 2017».

СОФРОНОВ Вячеслав Юрьевич – коренной сибиряк, сын репрессированных и правнук ссыльных, обосновавшихся несколько веков назад в Тобольске. Возможно, потому его проза посвящена в основном историческому прошлому страны Сибири, «где так вольно дышит человек». По первому образованию – преподаватель физики, но со временем переквалифицировался, много лет снимал документальные фильмы, писал сценарии, а став доктором исторических наук, более двадцати лет преподаёт в Тобольском педагогическом институте имени Менделеева (филиал) ТюмГУ. Член Российского родословного и Геральдического обществ, член Союза писателей России. Живёт в г. Тобольске.

СТРАХОВ Валерий Георгиевич родился в 1946 году в Сладковском районе Тюменской области. Проходил военную службу на Черноморском флоте, был участником военного конфликта между АРЕ и Израилем в 1967 году. После военной службы окончил Ленинградское мореходное училище, побывал на судах торгового флота в разных африканских тропических странах, на Кубе, в Канаде, Финляндии. Работал журналистом в городской газете «Асбестовский рабочий» на Урале, редактором районной газеты в Тюменской области. Живёт в селе Сладково Тюменской области. Член Союза писателей России.

ШИРМАНОВ Игорь Александрович (литературный псевдоним Олег Яне-нагорский) родился в 1959 году в г. Кургане, живёт в Ханты-Мансийске. Член Союза писателей России, опубликовал пять печатных сборников: «Торговля смыслами и другие рассказы» (2005), «Безумные известия и другие литературные формы» (2005), «Бесконечность в особенном: философская проза и рассказы для молодых юристов» (2006), «Чужие маски, собственная жизнь...», сборник рассказов и миниатюр (2013), «Путешествие по скрытой части айсберга» (2015, США). Публиковался в коллективных сборниках писателей Урала и Сибири, альманахах «Эринтур», вестнике Российского философского общества и журнале «Здравый смысл», других печатных и электронных периодических изданиях.

ШАФРАН Яков Наумович – член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий «Левша» имени Лескова и «Белуха» имени Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии имени Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», входящего в инфраструктуру журнала «Приокские зори». Живёт в г. Туле.

ЯШИН Алексей Афанасьевич – главный редактор ордена Г. Р. Державина всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член правления Академии российской литературы, доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор Тульского государственного университета. Живёт в г. Туле.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы Альфеи Мухаметовой

На обложке:

*Работа Альфеи Мухаметовой
«Сказ», 2014 г., шелк, горячий батик.*

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издаётся при финансовой поддержке правительства Тюменской области.

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, оф. 1108
тел./факс: (3452) 49-00-18
E-mail: vrata_sibiri@mail.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81.
Директор-главный редактор Александр Скорбенко.
Тел. (3452) 49-00-18

Подписано в печать 29.05.2018 г.
Дата выхода номера в свет 16.06.2018 г.
Формат 70x108^{1/16}. Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 1432. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

*Вёрстка номера: Денис Новин.
Корректоры: Елена Рыжкова, Оксана Ишимцева.*

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если её объём не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.